

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 1 (12) / 2019

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2019

№ 1 (12) / 2019 / ИЮЛЬ. Выходит 4 раза в год

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей:

07.00.00 История и археология;

10.01.00 Литературоведение;

10.02.00 Языкознание

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор

В.А. Саблин, доктор исторических наук, директор Института истории и филологии ВоГУ

Заместитель главного редактора

Ю.В. Розанов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ВоГУ

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, зам. директора Института истории и филологии ВоГУ,

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ, секретарь,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории, истории культур и этнологии ВоГУ,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. Сергея Орлова, д. 6, каб. 202а; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55
<http://vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@vogu35.ru

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приятелев В.В.</i> ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО В АДРЕС ЖУРНАЛА	5
<i>Саблин В.А.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ».....	5

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Богатырёв А.В.</i> УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: «БАРОН ДЕФИНИ»	7
<i>Виватенко С.В., Сиволап Т.Е.</i> СТАРООБРЯДЧЕСТВО И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.....	10
<i>Гладких С.А.</i> ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ ПО УЧАСТИЮ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ.....	14
<i>Ильиных В.А., Лапердин В.Б.</i> ПОСЕВНАЯ И ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИИ 1935 г. В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ: НАСТУПЛЕНИЕ НА ЕДИНОЛИЧНИКОВ	19
<i>Карпов С.Г.</i> ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	25
<i>Квашин В.А.</i> КАТОН СТАРШИЙ В ЗЕРКАЛЕ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ.....	29
<i>Милованов К.Ю.</i> КОНСЕРВАТИВНОЕ ЛОББИ В РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА	38
<i>Половецкий С.Д.</i> ИЗУЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в. – НАЧАЛО XX в.)	43
<i>Столетова А.С.</i> ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ ПРОТИВ ПИСАТЕЛЯ А.Я. ЯШИНА, ИНСПИРИРОВАННАЯ ВЛАСТЬЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.	47

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Егорова Л.В.</i> ОБ ОТНОШЕНИИ К ЭКВИВОКАЦИИ И АВТОРСТВЕ «ТРАКТАТА ОБ ЭКВИВОКАЦИИ»	51
<i>Зелезинская Н.С.</i> САМОУБИЙСТВО КАК МАГИСТРАЛЬНЫЙ МОРТАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ «РИМСКИХ ТРАГЕДИЙ» У. ШЕКСПИРА	56
<i>Лисович И.И.</i> «WIT», ПОЗНАНИЕ И ИСКУШЕНИЕ: АРТИКУЛЯЦИЯ ПРАКТИК НОВОГО ЗНАНИЯ В «ТРАГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДОКТОРА ФАУСТА» К. МАРЛО	62
<i>Петров А.В.</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА СЕВЕРА В ПОЭЗИИ ДМИТРИЯ УШАКОВА	73

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Загуменнов А.В.</i> ГРАДУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ИСТИНА–ПРАВДА–НЕПРАВДА–ЛОЖЬ» В ТЕКСТЕ «ДОМОСТРОЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ СИЛЬВЕСТРОВСКОГО ИЗВОДА, ИЗДАННОГО И. ГЛАЗУНОВЫМ В 1902 ГОДУ)	79
<i>Комиссарова Т.Г.</i> «МИР ДЕТСТВА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА: СИТУАЦИИ РОЖДЕНИЯ, КРЕЩЕНИЯ, БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ РЕБЁНКА	84
<i>Сабурова Л.В.</i> КОРОВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА	93
<i>Ягинцева О.Г.</i> К ЭТИМОЛОГИИ ДИАЛЕКТНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ТАРАБАРКА	100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Судаков Г.В.</i> ПРОЕКТ «ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗЕМЛЯКИ. ПАМЯТЬ В ВЕКАХ».....	105
С.М. КИБАРДИНА: ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЙНЫМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ.....	110
<i>Ричауд М.В.</i> С.М. КИБАРДИНА: ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ЮБИЛЕЕМ.....	111
<i>Преображенский А.В.</i> С.М. КИБАРДИНА: ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ЮБИЛЕЕМ	111

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КИБАРДИНА С.М., ВАШИК К. ОТКРЫТИЕ ИКОНЫ. ЛЕКСИКОН ИКОНОПИСИ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Р.ВАЛЕНТ, 2018. 412 с.	112
<i>Иванова В.Я.</i> О «ВНУТРЕННЕЙ» БИОГРАФИИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КОРОЛЬКОВ А.А. НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА. ОЧЕРКИ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. СПБ.: Росток, 2018. 272 с.	114
<i>Ильина Е.Н., Крылова О.Н.</i> ВСЕРОССИЙСКАЯ ШКОЛА-СЕМИНАР МОЛОДЫХ ЛЕКСИКОЛОГОВ, ЛЕКСИКОГРАФОВ И ЛИНГВОГЕОГРАФОВ – 2018	116
<i>Черкасова М.С.</i> ОБ ИТОГАХ XXXVI-й СЕССИИ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	118
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	120

CONTENTS

<i>Priyatelev V.V.</i> OPENING ADDRESS TO THE BULLETIN	5
<i>Sablin V.A.</i> PRINCIPAL DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF «BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY. SERIES HISTORY AND PHILOLOGY»	5

HISTORY

<i>Bogatyrev A.V.</i> PERSONALITY PROFILE: «BARON DEFINI»	7
<i>Vivatenko S.V., Sivolap T.E.</i> OLD-BELIEVERS AND THEIR ROLE IN THE ECONOMIC AND CULTURAL LIFE OF RUSSIA	10
<i>Gladkikh S.A.</i> ABOUT ONE HISTORICAL SOURCE CONCERNING PARTICIPATION OF VOLOGDA PROVINCE INHABITANTS IN THE RUSSO-JAPANESE WAR	14
<i>Ilyinykh V.A., Laperdin V.B.</i> SOWING AND GRAIN COLLECTION CAMPAIGNS OF 1935 IN WEST SIBERIAN REGION: STRUGGLE AGAINST INDIVIDUAL PEASANTS	19
<i>Karpov S.G.</i> SOURCES FOR THE STUDY OF HISTORY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN POST-SOVIET RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF VOLOGDA OBLAST)	25
<i>Kvashnin V.A.</i> CATO THE ELDER IN THE MIRROR OF ANCIENT TRADITION	29
<i>Milovanov K.Yu.</i> CONSERVATIVE LOBBY OF THE RUSSIAN PEDAGOGICAL THOUGHT IN THE PRE-REVOLUTION PERIOD	38
<i>Polovetsky S.D.</i> STUDY OF THE HUMANITIES IN MILITARY SCHOOLS IN RUSSIA (LATE 19 TH – EARLY 20 TH CENTURIES)	43
<i>Stoletova A.S.</i> IDEOLOGICAL CAMPAIGN AGAINST ALEKSANDR YASHIN INITIATED BY THE AUTHORITIES IN 1960s	47

LITERATURE STUDY

<i>Yegorova L.V.</i> ON THE ATTITUDE TO EQUIVOCATION AND THE PROBLEM OF AUTHORSHIP OF «A TREATISE OF EQUIVOCATION»	51
<i>Zelezinskaya N.S.</i> SUICIDE AS THE MAIN MORTAL PLOT OF SHAKESPEARE'S ROMAN TRAGEDIES	56
<i>Lisovich I.I.</i> «WIT», COGNITION AND TEMPTATION: VERBALIZATION OF PRACTICES OF NEW KNOWLEDGE IN «THE TRAGIC HISTORY OF DOCTOR FAUSTUS» BY CHRISTOPHER MARLOWE	62
<i>Petrov A.V.</i> CONCEPTUALIZATION OF THE IMAGE OF THE NORTH IN THE POETRY BY DMITRY USHAKOV	73

LINGUISTICS

<i>Zagumennov A.V.</i> GRADUAL OPPOSITION «ИСТИНА–ПРАВДА–НЕПРАВДА–ЛОЖЬ» («ULTIMATE TRUTH–TRUTH–FALSEHOOD–LIE») IN THE DOMOSTROI TEXT: FRAMEWORK OF THE RUSSIAN-POLISH SEMANTIC EQUIVALENCE (ON THE MATERIAL OF SILVESTR'S VERSION, PUBLISHED BY I. GLAZUNOV IN 1902)	79
<i>Komissarova T.G.</i> «WORLD OF CHILDHOOD» IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF VOLOGDA PEASANTS: BIRTH, CHRISTENING, SICKNESS AND DEATH OF CHILD	84
<i>Saburova L.V.</i> КОПОБА (COW) IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF VOLOGDA PEASANTS	93
<i>Yagintseva O.G.</i> THE ETIMOLOGY OF DIALECTIC NOUN ТАРАБАРКА (TARABARKA)	100

ACADEMIC LIFE OF THE UNIVERSITY

<i>Sudakov G.V.</i> PROJECT «OUTSTANDING FELLOW COUNTRYMEN. MEMORY THROUGH THE CENTURIES»	105
ANNIVERSARY CONGRATULATIONS TO S.M. KIBARDINA	110
<i>Richaud M.V.</i> A TRIBUTE TO S.M. KIBARDINA	111
<i>Preobrazhenskiy A.V.</i> A TRIBUTE TO S.M. KIBARDINA	111

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Yegorova L.V.</i> BOOK REVIEW: KIBARDINA S.M., VASHIK K. <i>OPENING UP THE ICON: A LEXICON OF ICON-PAINTING</i> . 2 ND ED. MOSCOW: R.VALENT. 412 pp.	112
<i>Ivanova V.Ya.</i> ON VALENTIN RASPUTIN'S INNER BIOGRAPHY. BOOK REVIEW: KOROLKOV A.A. <i>VALENTIN RASPUTIN'S MORAL PHILOSOPHY. SKETCHES. LETTERS. MEMOIRS</i> . ST. PETERSBURG: ROSTOK, 2018. 272 pp.	114
<i>Ilyina E.N., Krylova O.N.</i> ALL-RUSSIAN SCHOOL-SEMINAR OF YOUNG LEXICOLOGISTS, LEXICOGRAPHERS AND LINGUOGEOGRAPHERS, 2018	116
<i>Cherkasova M.S.</i> ON THE RESULTS OF THE 36th SESSION OF THE SYMPOSIUM ON THE AGRARIAN HISTORY OF EASTERN EUROPE	118

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	122
-------------------------------------	-----

В.В. Приятелев
*Исполняющий обязанности ректора
Вологодского государственного университета*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО В АДРЕС ЖУРНАЛА

Уважаемые коллеги, поздравляю с выходом в свет первого номера «Вестника Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки», нового научного журнала, концепция развития которого утверждена администрацией университета.

В соответствии с требованием времени, спецификой решаемых учебным заведением задач, он пришел на смену изданию, действовавшему до начала 2019 года. Уверен, что научной редколлегии журнала удастся поддержать хорошие традиции научно-издательской деятельности, которые сложились в университете за последние годы, успешный опыт взаимодействия с профессорско-преподавательским составом, научной общественностью.

Хотелось бы надеяться, что журналу по плечу будет решить главную задачу: стать площадкой, представляющей новую мысль, полезный опыт, объединяющей силы и повышающей авторитет вуза, его конкурентоспособность.

Хотелось бы каждому, кто создает журнал сегодня, кто считает своим долгом участвовать в его судьбе, сказать слова признательности за ответственное отношение к работе, преданность и верность науке, которая является главным делом для каждого из вас. От всей души желаю успехов, доброго здоровья и благополучия во всем.

В.А. Саблин
Вологодский государственный университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Развитие научных и прикладных исследований, формирование научных школ сопровождается постоянным совершенствованием системы научных периодических изданий ВоГУ. В 2018 году в журнале «Вестник Вологодского государственного университета» наряду с серией «Гуманитарные, общественные и педагогические науки» стартовала серия «Технические науки», в которой публикуются оригинальные, ранее нигде не изданные научные материалы, научные обзоры, научные отчеты, рецензии, краткие очерки и отзывы на научные издания по трем группам научных специальностей: 05.02.00 Машиноведение, системы приводов и детали машин; 05.13.00 Информатика, вычислительная техника и управление; 05.23.00 Строительство и архитектура.

В то же время сама серия «Гуманитарные, общественные и педагогические науки» должна была подвергнуться реорганизации в соответствии с требованиями ВАК о научных журналах, предполагающих содержание в научном журнале не более трех групп научных специальностей. В ВоГУ было принято ре-

шение данную серию трансформировать в новую – «Исторические и филологические науки» с тремя группами научных специальностей: 07.00.00 История и археология; 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание.

Изменение научного профиля потребовало, в свою очередь, принятия необходимых шагов для того, чтобы журналу в перспективе претендовать на включение в рекомендованный список научных изданий ВАК при Минобрнауки Российской Федерации.

Руководство университета одобрило концепцию (программу) развития данной серии на 2019–2022 годы, предполагающую:

- сохранение объема издания из четырех выпусков в год,
- его государственную регистрацию как периодического научного издания и подготовку к экспертизе Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки Российской Федерации.

Программа развития журнала включает в себя несколько разделов:

I. Нормативная основа Программы научного издания «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки»:

Концепция развития журнала разработана на основании нормативных правовых актов Министерства образования и науки Российской Федерации и Программы повышения конкурентоспособности Вологодского государственного университета на 2018–2022 годы, исходя из которой предполагается, что реальная конкурентоспособность ВоГУ будет определяться его способностью влиять на общество и содействовать развитию региона за счет производства и капитализации квалифицированных кадров и интеллектуального продукта – научных исследований и разработок, консалтинга, технологического обеспечения организаций и производств в различных секторах экономики.

Миссия ВоГУ заключается в обеспечении экономического, технологического и социально-культурного развития Вологодской области и Северо-Западного федерального округа посредством подготовки компетентных специалистов, востребованных обществом и государством; формировании гражданских и нравственных свойств личности; повышении качества рынка труда; производственных знаний и технологий; трансфера инноваций и содействия предпринимательству.

Реализация стратегической цели развития предполагает вхождение ВоГУ к 2022 году в Топ-20 национального рейтинга востребованности вузов РФ в категории «Классические университеты», а также закрепление позиций в рейтинге, благодаря росту востребованности выпускников ВоГУ на рынке труда, исследований и разработок вуза со стороны предприятий и организаций реальной экономики, результатов исследований и разработок, заявленных в научных публикациях, позитивного влияния на общественное развитие Вологодской области.

Среди стратегических приоритетов концепция предполагает формирование точек роста в исследовательской деятельности и технологических разработках университета в целях повышения темпа генерации новых знаний и создания конкурентоспособной интеллектуальной продукции.

Журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» призван обеспечить существенное повышение публикационной активности сотрудников и обучающихся (бакалавров, магистрантов и аспирантов) ВоГУ одновременно с совершенствованием деятельности самого журнала, реализацией комплекса мероприятий, направленных на сохранение главных целей издания с одновременным повышением его научного уровня, улучшением организационного, кадрового и материально-технического обеспечения.

II. Главные цели издания «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки»:

- освещение вклада ученых ВоГУ в развитие исторической и филологической науки;

- публикация результатов наиболее значимых научных исследований;

- отражение работы специалистов университета по различным отраслям истории, литературоведения и языкознания, направленной на решение практических задач;

- освещение научно-исследовательской работы аспирантов и студентов;

- отражение научной жизни университета.

III. Первоочередные задачи и мероприятия, направленные на развитие журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки»:

1. Популяризация издания, увеличение его тиража и расширение аудитории журнала за счет привлечения в ее состав представителей научной общественности, в том числе осуществляющих научные исследования по междисциплинарной проблематике, специалистов-практиков, представителей государственных органов в сфере образования и культуры, студенческой и преподавательской аудитории.

2. Включение в планы научной работы кафедр института истории и культуры ВоГУ подготовку научных статей, рецензий и обзоров в целях своевременного формирования «издательского портфеля» журнала.

3. Безусловное соблюдение требований по актуальности, новизне, теоретической и практической значимости публикуемых в журнале материалов с целью повышения индекса цитируемости журнала.

4. Рецензирование материалов признанными специалистами в той или иной отрасли науки, связанной с тематикой рецензируемых материалов, с целью улучшения качества подготовки публикаций.

5. Размещение полнотекстовых номеров «Вестника Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» на ведущих платформах электронных ресурсов, в частности e-library, и включения в Российский индекс научного цитирования.

6. Модернизация в кратчайшие сроки страницы журнала на сайте ВоГУ (<https://vestnik.vogu35.ru/>) с той целью, чтобы вся необходимая информация, включая данные о журнале, главном редакторе, членах редколлегии, правилах оформления статей, была наглядна и доступна читателям.

7. Улучшение материально-технического обеспечения деятельности журнала, установление адекватной оплаты за рецензирование, осуществление редакционно-издательской деятельности членами редколлегии и сотрудниками редакции.

Последовательная реализация программы развития журнала послужит интеграции прикладной и научно-исследовательской деятельности ВоГУ, будет содействовать росту академической востребованности результатов исследований и разработок, заявленных в научных публикациях, и действительному повышению конкурентоспособности Вологодского государственного университета.

А.В. Богатырёв

Поволжский православный институт

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: «БАРОН ДЕФИНИ»

Ставя в известность Москву о подготовке отъезда бывшей польской королевы Элеоноры Вишневецкой из Речи Посполитой (1674/1675 гг.), русский резидент В.М. Тяпкин указал некоего «барона Дефини», наряду с прочими старавшегося о безопасности королевской персоны. Имя «барона» отсутствует в специальной литературе, и это побуждает автора статьи заняться изысканиями, дабы дать ответ: что угрожало королеве и кем был один из ее «телохранителей».

Элеонора Мария Австрийская, Речь Посполитая, В.М. Тяпкин, Петер Игнац Стом.

Обеспечение безопасности членов высочайшей фамилии всегда стояло на одном из первых мест среди вопросов государственной важности. Наследников «голубых кровей» презентовали народу как обладающих сверхъестественными способностями ставленников самого Господа, что, однако, не гарантировало полной неприкосновенности. Очевидность этого показали XVI–XVII вв. Многочисленные войны и волнения в Европе, бунты и восстания создавали беспокойный фон. В 1610 г. Францию потрясло печально известное деяние Франсуа Равальяка, посмевшего покуситься на короля Генриха IV, в 1670-х гг. подозрения в подобном бросили тень на бывшую фаворитку французского монарха Людовика XIV мадам де Монтеспан.

Нельзя было назвать воистину спокойным и положение дел в Польско-Литовском государстве (Речи Посполитой), которое, ко всему прочему, поглощали волны турецко-татарского нашествия 1672–1676 гг. Угроза насилия, подстегиваемого неразберихой военного времени, нависла над многими, не исключая даже иностранных дипломатов. Один из них, российский резидент Василий Михайлович Тяпкин, информировал через донесения, находящиеся теперь в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА): «...розбой, грабежи безпрестанные...», «...и от того даже до Небеси гласы доходят...» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164. Л. 79 об., 141].

В таких условиях готовился отъезд из Польши весьма важной персоны – экс-королевы Элеоноры Марии Йозефы (Жозефы), отпрыска австрийской ветви династии Габсбург, правившей Священной Римской империей. После кончины супруга, польского монарха Михаила Корибута Вишневецкого в 1673 г., она оказалась в своеобразном «эпицентре» традиционной борьбы за «выборный» польский престол («...И впредь ея прочат себе имети за государыню...» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 160. Л. 59 об.]), в которой, несмотря на усилия Австрийского Императорского

Дома, победил сторонник французской ориентации магнат Ян Собеский. Теперь же, после избирательных мероприятий 1674 г., Элеоноре предстояло оставить Речь Посполитую: «...Изволила... королевино величество ехать в свое отечество...» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 102 об.–103].

Учитывая сложившуюся обстановку, следовало позаботиться о сохранности сиятельной госпожи. Собеский, взойдя на престол, гарантировал свободы и права бывшей монархини [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 119–121 об.], являвшейся к тому же сестрой императора Леопольда I. Но за пределами резиденции ручаться за благополучие Элеоноры было сложнее (новоизбранный король сам грозился стать объектом атаки [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 383 об.], хоть польский ученый Я. Тазбир и отмечает относительную «защищенность» государя в Речи Посполитой [20, s. 454, 455 etc.]).

Заботы о «покое» ее величества, безусловно, входившие в число обязанностей ее прислужников, легли в том числе на плечи одной личности, о которой доложил в Москву Тяпкин: «...От королевы Элеоноры пришел здесь барон *Дефини* (sic!) с листом и прошением, дабы королевское величество [Собеский] для опаства изволил бы ей дать людей сколько возможно, того ради, когда случится ей... зарубеж выехать...» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 463 об.–464]. Как «некий барон», *Дефини* вошел в нашу статью [1, с. 22], посвященную страницам жизни Элеоноры, но немного в ином ракурсе.

Изучив текст и все, что с ним связано, а также используя приобретенный опыт подобного рода [2], мы обнаружили, что данного титула нет в известных гербовниках, к примеру в Готском альманахе [10]. Не называется это имя применительно к окружению Элеоноры и в исследовании о королеве [17]. Сама фамилия *DeFinii* достаточно молода, к ней не принадлежат знатные мужи XVII в., ее носители фиксируются в XX столетии [14].

Попробуем в таком случае подойти к проблеме немного иначе. Если разделить написанное в документе Тяпкина, отдельно выделив *de*, мы получим *Де Фини*. Но и здесь нас ждет разочарование – к примеру, род *Де Фин* (*de Fin*) значительно более позднего происхождения (первые «весточки» о фамилии принесло нам еще позднее средневековье, однако в качестве примеров указаны деятели под 1698 и 1700 гг.) [15]. Помимо этого имеется *Fienus*, профессор в Лувене, скончавшийся в 1631 г., а также *Fine (Orontius)*, помеченный 1494 г., аналогично связанный с профессорским званием и политическими событиями [11], но не во времена Тяпкина.

Принимая во внимание тот факт, что нередко имели место вариации при воспроизведении не очень понятного для русского человека того времени иностранного слова (как в случае с *балдахин* [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 267, 778 и пр.]), *Дефини* могло быть искаженным *дофин*, *дельфин* (*dauphine*), то есть наследник монаршего Дома. Правда, этот термин применялся к представителям французской династии [8, с. 199], которые вряд ли были «на посылках» у своих оппонентов – Габсбургов. Единственный Великий *Дофин* Франции Людовик Бурбон родился в 1661 г. [3] и был недостаточно опытен для политических интриг. Если допускать, что *дофин* использовано для обозначения кого-то из «Австрийской Короны», то нужно помнить: дети императора Фердинанда III (за исключением Элеоноры и Леопольда) к тому моменту или умерли, или были женщинами, как Мария Анна Йозефа [6, с. 199].

Продолжая тему вероятного искажения слова, еще раз обратимся к тексту исторического источника. После *Дефини* написано: «...с листом и прошением...», что дает нам в руки своего рода ключ к разгадке. Так как политическим (дипломатическим) языком той эпохи была, как известно, латынь, воспользуемся латинским словарем. В нем наличествует понятие *definition*, *дефиниция* («определение», «определенное указание») [4, с. 173; 12, р. 174], которое кратко записывали – *defin.* [9, р. xiv]. Скорее всего в бумагах резидентуры Тяпкина упомянутый термин приведен в сокращении, что мы уже наблюдали [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 178. Л. 40, 57 об.].

Все постепенно встает на свои места: речь в источнике шла об «определенном указании», которое вместе с «прошением» барон и передал Собескому. Слово, описывавшее данный акт, в сокращенном виде поместили в сообщение московского агента – россиянин (переводчик), работая с текстом, машинально переписал по-русски латинское выражение. Кажется, в пользу этого говорит и другое: у Тяпкина *Дефини* больше не появляется.

Теперь необходимо выяснить, кто же на самом деле скрывается под титулом *барон*. Изучив труды польского исследователя Я. Волиньского, мы, кажется, обнаружили подходящую кандидатуру – представителя австрийских Габсбургов в Польше Кристофа Леопольда Шаффготша (*Schaffgotsch*). Исполнительный слуга Элеоноры практически постоянно находился при своей госпоже («...И цесарской посол Шавгот... при ней живет в дядьках...» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 20 об.]), выполняя поручения и управляясь с ними ко двору знатных польских панов

[21, s. 161 etc.; 22, s. 169, 171]. Имеется, правда, одна проблема: Кристоф Леопольд титулуется *hrabia* то есть «граф» [21, s. 147; 22, s. 172; 5, с. 297].

Петер Игнац Стом (*Stom, Stomm, Stumm, Stumb*) на тот момент единственный из свиты королевы Элеоноры в Речи Посполитой носил титул *барона* [18, s. 90; 17, s. 122, 134]. Стом был важной фигурой, генералом, австрийским дипломатом, которому доверили «надзор» за выборами нового польского короля и лоббирование интересов Священной Римской империи (Австрии) в 1673–1674 гг. [18, s. 90].

Род фон Стом обладал влиянием и богатством, оставил след в истории Чешского государства, оказался внесен в немецкие геральдические своды [13, s. 33; 19, s. 308]. Нам не удалось найти изображений, позволяющих судить о внешности «австрийца», тем не менее, польский писатель XXI в. Роберт Форысь пытается донести до нас его облик, нарядив в роскошный «кафтан» с серебряными пуговицами (*гузиками*) и наделив «серьезным» лицом, изборожденным морщинами [16]. Стом имел влияние на Элеонору, будучи, можно сказать, ее опекуном [18, s. 91], но до известных пределов.

На заключительном этапе пребывания Элеоноры в Речи Посполитой Стом также хлопотал о ее безопасности, занимаясь переговорами об организации охраны королевского экипажа. Хотя, как докладывал сам русский дипломат, австрийскую госпожу почитали и уважали в Польше, знаем примеры иного порядка, включая и определенного рода угрозы [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 160. Л. 59 об.; Д. 162. Л. 108 об.–110 об.]. Если Элеонора «...на королевстве быть не изволит...» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 102 об.–103], – чуть ли не грозил ей епископ Ян Гембицкий, строя политические планы в отношении бывшей королевы. Сама она свое горькое положение тогда описала так: «...А я ныне аще королева есмь, однако яко едина в убогих сирот вдовица...» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 102 об.].

Можно, конечно, просьбу Петера Игнаца рассматривать как чисто формальную – специальное сопровождение выделялось всем в той или иной степени значимым персонам, включая дипломатических сотрудников (к примеру, подобное истребовал для своего сына-гонца и сам Тяпкин [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 415, 416 об.]). Однако уточнение *для опаста* (для «осторожности, предосторожности», «для обеспечения безопасности, защиты, охраны») [7, с. 10] заставляет пересмотреть подобную трактовку в данном конкретном случае.

Закономерный вывод: загадочным бароном *Дефини* из русских дипломатических документов XVII столетия оказался сотрудник австрийской дипломатической миссии фон Стом, принявший участие в подготовке отъезда королевы Элеоноры Австрийской из Речи Посполитой в 1674–1675 гг. и занявшийся в довольно непростых условиях вопросами ее безопасности. Хлопоты Стома были вознаграждены – вдовствующая монархиня благополучно прибыла на место назначения.

Литература

1. Богатырёв, А.В. Библиотека страстей: книги «святой» и «грешной» королев / А.В. Богатырёв // Библиотечное дело. – 2015. – № 13 (247). – С. 21–24.

2. Богатырёв, А.В. Благодетель первого русского резидента в Речи Посполитой / А.В. Богатырёв // Гуманитарные и юридические исследования Северо-Кавказского федерального университета. – 2018. – № 2. – С. 30–34.
3. Моруа, А. История Франции [Электронный ресурс] / А. Моруа. – Москва, 2016. – 704 с. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?isbn=5389125002>
4. Петрученко, О.А. Латинско-русский словарь / О.А. Петрученко. – Москва, 2017.
5. Селищев, А.М. Славянское языкознание / А.М. Селищев. – Москва, 1941. – Т. 1.
6. Семёнов, И.С. Христианские династии Европы: генеалогический справочник / И.С. Семёнов. – Москва, 2002.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва, 1987. – Вып. 13.
8. Энциклопедический лексикон. – Санкт-Петербург, 1841. – Т. 17.
9. A Late Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary / J.H. Hessels. – Cambridge, 1906.
10. Almanach de Gotha [Electronic resource]. – URL: <https://www.gotha1763.com/societe-des-amis>
11. An Historical, Genealogical, and Classical Dictionary. – London, 1743. – Vol. 1.
12. Apinus, S.J. Glossarium novum ad aevi huius statum adornatum... / S.J. Apinus. – Norimb[ergae], 1728.
13. D'Elvert, Chn. Die grafen von Stomm / Chn. D'Elvert // Notizen-Blatt der historisch-statistischen Section der kais. königl. mährisch-schlesischen Gesellschaft zur Beförderung des Ackerbaues, der Natur- und Landeskunde. – 1877/5. – S. 33–34.
14. DeFinì Geni's Profile [Electronic resource]. – URL: <https://www.geni.com/people/Josephine-DeFinì/6000000000600252172>
15. Fin History, Family Crest & Coats of Arms [Electronic resource]. – URL: <https://www.houseofnames.com/fin-family-crest>
16. Foryś, R. Bóg, honor, truczna [Electronic resource] / R. Foryś. – Kraków, 2014. – URL: <https://books.google.ru/books?isbn=8375158178>
17. Kamecka-Skrajna, M. Królowa Eleonora Maria Józefa Wiśniowiecka (1653–1697) / M. Kamecka-Skrajna. – Toruń, 2007.
18. Kamecka [Skrajna], M. Królowa Eleonora Maria Józefa Wiśniowiecka a sprawa następstwa tronu po śmierci Michała Korybuta (1673–1674) / M. Kamecka [Skrajna] // Kuźnia Młodych Historyków. – Siedlce, 2004. – Т. 1. – S. 83–99.
19. Luschin von Ebengreuth, A. Österreicher an italienischen Universitäten zur Zeit der Reception des römischen Rechts / A. Luschin von Ebengreuth // Blätter des Vereines für Landeskunde von Niederösterreich [XVIII. Jahrgang 1884]. – Wien, 1884. – S. 271–316.
20. Tazbir, J. W Polsce król może spać bezpiecznie / J. Tazbir // Przegląd Historyczny. – 1990. – Т. 81. – № 3–4. – S. 447–459.
21. Woliński, J. Poselstwo Krzysztofa Leopolda Schaffgotscha na elekcję polską 1674 r. / J. Woliński // Kwartalnik Historyczny Sobótka. – 1952. – R. 7. – S. 143–163.
22. Woliński, J. Toruński azyl Eleonory Wiśniowieckiej 1674/1675 / J. Woliński // Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu. – 1953. – Т. 19. – № 1–4. – S. 161–179.

A.V. Bogatyrev

PERSONALITY PROFILE: «BARON DEFINI»

The Russian resident V.M. Tyapkin informed Moscow about the preparation for the departure of the former Polish Queen Eleonora Wiśniowiecka from the Polish-Lithuanian Commonwealth (1674/1675). He pointed out a certain «Baron Defini» who was trying to protect the safety of the royal person. The name «Defini» is not mentioned in the special literature, and this fact makes the author of the article investigate what threatened the queen and who one of her «bodyguards» was.

Eleonora Maria Josefa of Austria, Polish-Lithuanian Commonwealth, V.M. Tyapkin, Peter Ignaz Stom.

С.В. Виватенко, Т.Е. Сиволап
 Санкт-Петербургский государственный
 институт кино и телевидения

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Статья посвящена роли старообрядчества в экономической и культурной жизни России, которое появляется в конце XVII века, когда патриарх Никон провел церковную реформу для приведения церковных обрядов в соответствие с греческими. К началу XIX века старообрядчество исчерпало все формы религиозного, политического противостояния с государством и официальной Русской православной церковью, признало свое религиозно-политическое поражение и перешло к иным формам религиозного сопротивления. В целях выживания, сохранения и приумножения числа своих адептов оно превратилось в вышеназванный период из конфессиональной в конфессионально-экономическую общность. Старообрядцы с особым уважением относились к культуре и искусству. Общины староверов вкладывали значительные средства в создание богадельней, приютов, народных домов. Заслугой старообрядцев считают многие экономические и технологические инновации.

Старообрядчество, экономическая и культурная жизнь, церковная реформа, конфессионально-экономическая общность, раскольники-староверы, благотворительность, сохранение культурно-исторического наследия.

Морозовы, Кузнецовы, Рябушинские, Алексеевы-Станиславские, Мамонтовы, Гучковы – фамилии этих русских миллионеров, флагманов отечественной индустрии очень хорошо известны в истории России. Мы знаем их со школьных учебников, упоминаются они даже в «кратком курсе ВКП(б)». Но ни в одной из этих книг не указывается, что все эти семьи русских промышленников являлись староверами.

Раскольники-староверы появились в России в конце XVII века, когда патриарх Никон провел церковную реформу, чтобы привести церковные обряды в соответствие с греческими. Борьба была очень бурной: с многочисленной гибелью людей, с ущемлением в правах и массовым переселением староверов на окраины государства. Но к началу XIX века старообрядчество исчерпало все формы религиозного, политического противостояния с государством и официальной Русской православной церковью. Оно признало свое религиозно-политическое поражение и перешло к иным формам религиозного сопротивления. Чтобы выжить, сохранить и приумножить число своих адептов, оно превратилось в вышеназванный период из конфессиональной в конфессионально-экономическую общность. Староверская община строилась на коллективной ответственности как в положительном смысле, так и отрицательном: и заслуги общие, и наказывают всех [7, с. 37]. Но зато такую общину труднее давить, потому что ты давишь не на одного человека, и за счет существующих горизонтальных связей она сопротивляется, не поддается давлению. Именно за счет очень сильной горизонтальной организации в ущерб вертикали старообрядческий уклад был жизнеспособным. Старообрядцы – это люди горизонталы, а не вертикали.

Первоначальное накопление капитала у староверов проходило не так как у других россиян. Деньги староверы получали из своей общины или из специ-

альной «казны», которая находилась на контролируемых староверами кладбищах. Так, в Москве аккумуляровали общинные деньги три «общества»: Рогожское кладбище, Преображенское кладбище и Покровская монинская часовня.

В различных целях применялись средства, которые собирались в общую конфессиональную казну. Они использовались для обучения детей, осуществления заботы о сиротах и нетрудоспособных, а также шли на дачу взяток представителям светской и духовной власти, употреблялись в качестве выкупа общинников-старообрядцев из крепостной зависимости. Главной задачей являлось укрепление экономической основы конфессионального сообщества, которую составляли общинные хозяйства и формально-частные предприятия членов общин [8, с. 82].

Большое значение в общественной и политической жизни России играло купечество, начиная еще со времен Древней Руси. Целые династии русского купечества, такие как Морозовы, Рябушинские, Бахрушины, Третьяковы и многие другие, занимались благотворительной деятельностью: соорудили школы, больницы, богадельни, оказывали поддержку людям искусства, создавали музеи, заботились о сохранении памятников старины.

Для большинства предпринимателей XVIII–XIX веков благотворительность становилась целью и смыслом жизни, фактически определяла новый образ жизни. Появившиеся крупные банкиры и фабриканты имели свои корни среди купцов-старообрядцев, поэтому унаследовали особое отношение к богатству, предпринимательству. С этим связана и своеобразная этика русского бизнеса.

Отличительной чертой купцов-старообрядцев было подчинение по иерархической лестнице более богатым купцам-старообрядцам, которые верховодили в

братстве. Они знали, что всегда получают от богатых купцов-староверов финансовую и организационную поддержку: те по просьбе менее состоятельных собратьев всегда дадут денег в безвозвратный долг, помогут реализовать товар на ярмарке, доставят товар к месту реализации. Для купцов-старообрядцев зарабатывание денег не было самоцелью. П.А. Бурышкин, московский купец и общественный деятель начала XX века, пишет в своих воспоминаниях: «Про богатство говорили, что Бог дал его в пользование и потребует по нему отчета» [1, с. 27]. Предприниматель воспринимал себя «как Божьего доверенного по управлению собственностью». К работе, труду предприниматели-староверы относились так же серьезно и ревностно, как к исполнению религиозных обрядов, что и придавало их жизни регламентированность, упорядоченность, почти не свойственную остальной части населения. А если к этому прибавить еще жесткие ограничения, отказ от роскоши, почти аскетический быт, то становится понятно, почему предприниматели-старообрядцы так быстро богатели и легко обходили конкурентов. «Все для дела – ничего для себя», – такова была позиция основателя династии Рябушинских.

К середине XIX века старообрядцы прибрали к рукам почти всю торговлю в Поморье, Поволжье и Сибири. Они полностью контролировали закупку хлеба, владели большинством предприятий прядильной промышленности, банками, строили корабли. Как и всякая гонимая группа, которая всегда лучше организована, чем окружающее население, старообрядцы фактически создали в России государство в государстве, со своей собственной внутренней структурой управления, со своими лидерами. Действуя напористо и спаянно, старообрядческое купечество быстро отесняло конкурентов.

В старообрядчество потянулись купцы, через которых сбывалась продукция раскольников, а также масса офеней и других мелких торговцев и ремесленников.

Офёня – так назывался в Российской империи, в основном происходивший из крестьян Владимирской губернии, странствующий по деревням торговец мелочами с галантерейным и мануфактурным товаром, а также книгами и лубочными картинками. У офеней сформировался свой особый условный язык – феня. В западных губерниях для определения уличных торговцев-разносчиков было распространено другое название – коробейники [2].

Существуют различные версии происхождения офеней. Согласно одной из них, офени ведут свое начало от переселившихся на Русь в XV веке греков. По другой версии, офени продолжают традиции скоморохов, которые со временем занялись торговлей. Бродячие торговцы считали себя неким тайным обществом. От странствующих скоморохов, купцов и ремесленников они перенимали уклад жизни, а от паломников – книжную премудрость и греческие слова. Это позволило им называть себя офенями, что с некоторым искажением означало «афиняне», сохраняя свой особый жизненный уклад и говорить на тайном профессиональном языке.

Поскольку единоверцы имели значительные преимущества – скидки и бонусы, в них стало массово

перекрещиваться крепостное крестьянство. Им был прямой расчет переходить в старообрядчество, так как раскольники своих выкупали из неволи, к тому же староверов не брали в армию. Староверы-промышленники нуждались в свободных рабочих руках, в гарантии от всяких случайностей, всегда возможных при аренде крестьян у помещиков. Фабриканты впоследствии с лихвой покрывали эти издержки нищенской заработной платой, неограниченной продолжительностью рабочего дня и гарантией от каких бы то ни было вспышек недовольства рабочих.

Размеры отказа от Русской православной церкви были внушительны. Например, Гуслицкий район (Орехово-Зуево) Московской губернии полностью стал раскольничьим. Ведь там хозяйничала семья старообрядцев Морозовых. По данным некоторых исследователей, в середине XIX века в России было до 20% скрытых и явных раскольников.

Именно староверы сумели сохранить в России для будущих поколений огромные коллекции древних икон и книг, такие древнерусские литературные жанры, как патерик, мартиролог, духовные стихи, а также византийскую традицию пения по крюкам. Старообрядцы с особым уважением относились и к культуре и искусству: известны знаменитые художественные коллекции миллионеров-раскольников – Третьяковых, Щукиных, Мамонтовых, выходцами из староверческих семей Саввой Морозовым и Константином Станиславским был создан Московский Художественный Театр, до сих пор пользующийся мировой славой. Общины староверов также вкладывали деньги в создание богадельней, приютов, народных домов. Век спустя подобные вложения станут называть «социальной ориентированностью бизнеса» [4, с. 28].

Заслугой старообрядцев считают многие экономические и технологические инновации. Поколение конца XIX века не было чуждо научных и технических достижений. В частности, в имении Рябушинских появилась первая в окрестных местах небольшая гидроэлектростанция, которая обеспечивала электроэнергией вплоть до 1930-х годов все ближайшие села. Также Рябушинские стали владельцами первого в Москве автомобиля. Дмитрий Рябушинский у себя в имении в 1905 году основал научную лабораторию с крупнейшей в Европе аэродинамической трубой [3, с. 120].

Вскоре после революции в Москве был организован ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт им. профессора Н.Е. Жуковского), туда было вывезено значительное оборудование из имения Рябушинских. На базе одной из лабораторий Дмитрия Рябушинского, гидродинамической, в 1930-е годы был открыт филиал института ВОДГЕО (Институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии) в Кучино.

Отдельные новейшие технологии заимствовались за границей, но многие промышленники инициировали и собственные научные исследования. Например, при Трехгорной мануфактуре Прохорова были созданы лаборатории, оснащенные современным оборудованием, где трудились ученые Московского университета и были сделаны важные открытия, в частности, в области красителей.

Вообще в староверческой среде активно культивировался авторитет знания. В первую очередь он был связан с религиозным учением, но и общая образованность ценилась высоко: грамотность у старообрядцев была поголовной, общины не скупались оплачивать своей молодежи получение среднего и высшего образования.

Ученых людей староверы называли словом «начетник». В советское время это слово приобрело негативный отпечаток, означающее бездумное следование написанному. А вот у старообрядцев «начетчик» – это человек, который много прочел («начитался»), что соответствует современному понятию «эрудит» или «знаток».

В результате в России к концу XIX века появился целый просвещенный и обеспеченный класс, который оппозиционно относился к царской власти. В 1897 году в Замоскворечье старообрядцами были основаны «Пречистенские курсы», на которых всем желающим читали лекции о социализме. К 1905 году на курсах обучалось 1500 человек. Большое количество народа не помещалось в классы, поэтому предприниматель-старообрядец Савва Морозов внес 85 тысяч рублей на строительство 3-этажной марксистской школы. Различные старообрядческие семьи через свои фонды либо лично финансировали отечественные революционные организации. Самым известным таким субсидированием являлась поддержка Саввы Морозова большевиков и лично В.И. Ленина.

На революцию 1905 года в Москве, где свило «гнездо» старообрядческое купечество, средств и людей не жалели. К примеру, баррикады Сокольнического и Рогожско-Симоновского районов находились в зоне влияния Преображенской и Рогожской старообрядческих общин. В народных дружинах Красной Пресни сражались многие представители Рахмановской старообрядческой общины, рабочих фабрики старообрядца Мамонтова и мебельного завода старообрядца Шмидта.

Итоги Декабрьского вооруженного восстания в Москве для староверческой общины были таковы – власть пошла на компромисс с революционерами: во-первых, передала ей стратегическую по тем времена область – телеграф, и во-вторых, разрешила перевод государством в контролируемые общиной банки огромных финансовых средств, «необходимых для восстановления нормальной экономической жизни».

К началу XX века в России существовали три финансово-состоятельные группы: старообрядцы (купцы и промышленники), иностранные предприниматели и дворяне-помещики. При этом на долю старообрядцев приходилось более 60% всех частных капиталов в России. Неудивительно, что при таком раскладе староверы начали всерьез задумываться о пересмотре былых взаимоотношений с не признававшей их светской властью. Однако история распорядилась по-своему – проекты, капиталы и устремления староверов в одночасье погибли под прессом большевистского эксперимента.

Известный исследователь А.Г. Тепляков [5] считает, что в из 139 членов и кандидатов в сталинском ЦК ВКП(б) 115 были из семей раскольников. Выходцами из старообрядческой среды были Михаил Кали-

нин, Клим Ворошилов, Виктор Ногин, Николай Шверник (Шверников), Николай Ежов, Александр Косарев, Павел Постышев, Георгий Маленков, Николай Булганин, Дмитрий Устинов, Михаил Суслов, Михаил Первухин, Андрей Громыко, Николай Паточев.

Купцы, банкиры, предприниматели, которые располагали огромными средствами, постоянно чувствовали себя в долгу перед Родиной, перед Богом и людьми, работая, занимаясь благотворительностью, возвращали этот долг. Один из потомков династии Рябушинских, Д. Толоконников, полагал, что это «нормальный путь развития отношений богатства и бедности, сопряженный с высокой религиозностью и нравственностью» [6, с. 17]. Меценатов, за исключением семьи Нобель, практически не было среди крупных промышленников и торговцев иностранного происхождения.

Благотворительность представляет собой особую форму общественной деятельности. Люди, творившие благодеяния, вошли в историю русской и мировой культуры, поскольку способствовали ее обогащению, утверждению новых направлений и форм, сохранению культурно-исторического наследия.

Именно особенности национального менталитета, являвшиеся своеобразным источником психологических и ценностных установок поведения предпринимателей, побуждали их заниматься благотворительной деятельностью. Присутствовало преобладание духовно-нравственных мотивов поведения над мотивами материальными, которые определяли сущность этических принципов действия российского предпринимательства. Осуждались чрезмерная тяга к имуществу, безмерная привязанность к земным благам, превращение богатства из средства в цель жизни.

Благотворительная деятельность наиболее крупных и известных меценатов отличалась большим профессионализмом, хотя при этом сами они не были великими и известными деятелями культуры и искусства. Их профессионализм – это обладание особым даром инициативы, интуиции видеть, понимать и делать то, что для отечественной культуры имело первостепенное непреходящее значение. При этом они заботились о том, чтобы культурные ценности были доступны широким слоям общества. Купцы, банкиры, предприниматели, среди которых было значительное число старообрядцев, старались всеми возможными способами поддерживать деятелей культуры и искусства.

Литература

1. Бурьшкин, П.А. Москва купеческая: записки / П.А. Бурьшкин; сост., вступ. статья, указ. – канд. филол. наук С.Б. Михайлова. – Москва: Современник, 1991. – 301 с. – (Серия мемуаров «Память»).
2. Коробейник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – Санкт-Петербург, 1895. – Т. XVI (31). Конкорд–Коялович. – 480 с.
3. Семёнова, Н. Московские коллекционеры / Н. Семёнова. – Москва: Молодая Гвардия, 2010.
4. Сестринский, О.В. Благотворительность – инвестиции в будущее / О.В. Сестринский // Инвестиции в России. – 2000. – № 1. – С. 26–29.
5. Тепляков, А.Г. Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. [Электронный ресурс] / А.Г. Тепляков //

Глава «Массовые операции» (рус.). – Режим доступа: *FEDY-DIARY.RU*.

6. Толоконников, Д. Меценатство в России / Д. Толоконников // *Обозреватель*. – 2005. – № 1.

7. Тульчинский, Г.Л. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность // Г.Л. Тульчинский, А. Векслер. – Москва: Вершина, 2006.

8. Ульянова, Г.Н. Изучение социальных аномалий благотворительности и общественного призрения в России / Г.Н. Ульянова // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. – Москва: Молодая Гвардия, 1996.

S.V. Vivatenko, T.E. Sivolap

OLD-BELIEVERS AND THEIR ROLE IN THE ECONOMIC AND CULTURAL LIFE OF RUSSIA

The article is devoted to the role of the Old Believers in the economic and cultural life of Russia. The movement appeared at the end of the 17th century, when Patriarch Nikon conducted the church reform to bring church rites into line with Greek ones. By the beginning of the 19th century, the Old Believers had exhausted all forms of religious and political confrontation with the state and the official Russian Orthodox Church; recognized their religious and political defeat and passed to other forms of religious resistance. In order to survive, preserve and augment the number of their adherents, they turned into the aforementioned period from just a confessional to a confessional economic community. The Old Believers had a special respect for culture and art. The communities of the Old Believers invested heavily in the creation of poorhouses, shelters, and people's houses. Many economic and technological innovations consider the merits of the Old Believers.

Old Believers, economic and cultural life, church reform, confessional economic community, schismatic old believers, charity, preservation of cultural and historical heritage.

С.А. Гладких

*Котласский филиал Государственного университета
морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова*

ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ ПО УЧАСТИЮ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

В статье анализируется обнаруженный в фондах Государственного архива Вологодской области исторический источник – «Списки запасных нижних чинов Маньчжурской армии и флота по уездам Вологодской губернии». По итогам выявленных достоинств и недостатков документа делается вывод о ценности данного источника информации для исторических исследований.

Вологодская губерния, участники русско-японской войны, исторические источники.

Автор данной публикации уже не первый год занимается поиском сведений об участниках русско-японской войны 1904–1905 гг., проживавших на территории бывшей Вологодской губернии. Эта работа требует больших затрат времени на выявление и сопоставление информации из различных центральных и региональных архивов, причем для анализа привлекаются документы самых разных организаций, далеко не всегда имеющих отношение к военному делу.

В 2016 г. в фондах Государственного архива Вологодской области удалось обнаружить новый, весьма объемный и очень ценный источник информации – «Списки запасных нижних чинов Маньчжурской армии и флота по уездам Вологодской губернии» [7]. Такова формулировка названия по архивной описи, а в момент комплектования дела именовалось «По вопросу об обеспечении запасных нижних чинов Маньчжурской армии и флота». Особенно интересно, что этот важный документ по военной истории создан в самом мирном учреждении. Списки были составлены в 1908–1910 гг. для сугубо гражданской организации – Вологодской губернской землеустроительной комиссии, предпринявшей попытку выявить участников русско-японской войны, проживающих на территории губернии.

Побудительной причиной такой инициативы стал утвержденный 19 сентября 1906 г.¹ Комитетом по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия «Наказ землеустроительным комиссиям», содержащий в отношении ветеранов войны три важных пункта. Статья 26 «Наказа» гласила: «При распродаже крестьянам переданных Крестьянскому банку удельных земель, комиссии обращают особое внимание на отвод участков нуждающимся запасным Маньчжурских армий и флота, в особенности раненым». Согласно статье 27, таким крестьянам «комиссии, если признают нужным, дают заключения о выдаче... ссуд в размере полной оце-

ночной стоимости участка». А в статье 48 говорилось: «При распродаже казенных земель комиссии обращают особое внимание на отвод участков нуждающимся запасным Маньчжурских армий и флота, в особенности раненым» [11, с. 246, 249].

Таким образом, при проведении некоторых землеустроительных работ в ходе столыпинской аграрной реформы нуждавшиеся участники русско-японской войны должны были обслуживаться в приоритетном порядке. Однако сведений, подтверждающих практическую реализацию данных положений на территории Вологодской губернии, пока не обнаружено. Возможно, в связи с тем, что в землеустроительную комиссию поступили сведения о неожиданно большом количестве участников войны, от контроля за данным процессом на губернском уровне отказались. Однако все детали и обстоятельства этой еще не вполне ясной истории предстоит выяснить в будущем.

Тем не менее, результатом предпринятых комиссией усилий стало появление упомянутого исторического источника – «Списков запасных нижних чинов Маньчжурских армий и флота». Это весьма неудачное название несколько искажает формулировки «Наказа» и сразу выдает гражданский статус составителей списков, поскольку, во-первых, запасные нижние чины (то есть рядовой и унтер-офицерский состав) не могли относиться к конкретной армии; во-вторых, Маньчжурских армий было три; а в-третьих, флот назывался не Маньчжурским, а Тихоокеанским. Впрочем, общее содержание списков по их названию вполне понятно.

Задача выявления всех участников войны по Вологодской губернии не могла быть реализована силами указанного гражданского ведомства, так как местные землеустроительные комиссии существовали лишь в семи уездах: Велико-Устюгском, Вельском, Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Сольвычегодском и Тотемском. Они-то и представили соответствующие списки, тогда как аналогичные перечни по трем оставшимся уездам – Никольскому, Усть-Сысольскому и Яренскому – отсутствуют. Тем не ме-

¹ Все даты в тексте даны по Юлианскому календарю (старому стилю).

нее из сохранившихся списков можно узнать о многих вологжанах, сражавшихся в начале XX века на Дальнем Востоке (здесь и далее собирательным наименованием «вологжане» для краткости именуется не только жители города Вологды, но и жители всей Вологодской губернии).

Интересно, что некоторые запасные нижние чины знали о положенных им льготах: так, еще до начала сбора необходимых статистических данных 2 апреля 1908 г. в Вельскую уездную землеустроительную комиссию с соответствующим ходатайством по статье 26 «Наказа» обратился крестьянин деревни Павшинской Шелотской волости Кузьминский (почему-то отсутствующий в уездном списке) [7, л. 3]. Однако большинство ветеранов войны, очевидно, узнали о своих преимущественных правах только во время сбора требуемых сведений.

В целом же процедура составления списков осуществлялась следующим образом. Образованная лишь 22 марта 1908 г. губернская землеустроительная комиссия [6, л. 60] уже 27 мая 1908 г. обратилась к уездным комиссиям с предложением «выяснить немедленно, на основании ст. 26 и 48 Наказа, число, находящееся в уезде, запасных нижних чинов Манчжурской армии и флота, войдя для сего в сношения с местным воинским начальником, а также земельное их обеспечение, сообщив затем копии составленных таким образом ведомостей губернской комиссии» [7, л. 1, 10].

Но, как оказалось, Управления уездных воинских начальников (по-современному – военкоматы) такой статистики не вели, и отнюдь не горели желанием выполнять «лишнюю» работу по запросу постороннего ведомства. Выборка необходимых сведений из послужных списков всех стоявших на учете запасных заняла бы очень много времени, а данных на уволенных от службы по ранениям и болезням в управлениях и вовсе не имелось: соответствующие документы находились на руках комиссованных нижних чинов.

Поэтому весьма показателен ответ вологодского уездного воинского начальника: «Сообщаю, что особых списков нижним чином запаса Манчжурской армии и флота в управлении не имеется. Составлять же таковые списки в настоящее время по документам за восемнадцать лет, ввиду усиленных занятий благодаря переходу к новому порядку учета запасных нижних чинов, по недостатку времени не представляется возможным, а потому предлагаю обратиться за необходимыми справками непосредственно в волостные правления» [7, л. 2–2 об.].

В результате рутинную работу по сбору требуемых материалов переложили на низовое управленческое звено – волостные правления, которые не могли не подчиниться указаниям вышестоящей власти, в роли которой в данном случае выступили уездные комиссии. Однако сбор сведений, осуществлявшийся как методом выборки из волостных документов, так и путем опроса местных запасных, а также передача полученной информации далее по инстанции потребовали существенных затрат времени.

Первой отчиталась Вельская землеустроительная комиссия, закончившая составление списка 7 октября 1908 г. Активность этой комиссии, возможно, объяс-

няется тем, что в Вельске находилось контролируемое немалую территорию Управление Вельского уездного округа, что актуализировало исполнение статьи 26 «Наказа». 9 октября завершили работу Велико-Устюгская и Сольвычегодская комиссии. Остальным, запоздавшим с предоставлением списков, пришлось напоминать из губернского центра дважды: 25 сентября и 26 ноября 1908 г. Тем не менее Тотемская комиссия справилась с поставленной задачей только 4 марта 1909 г., Грязовецкая – 1 сентября 1909 г., Кадниковская – 28 января 1910 г., а Вологодская – 5 августа 1910 г. [7, л. 13, 39, 79, 113, 145, 161, 176].

Единой формы предоставления запрошенных сведений разработано не было, поэтому в каждом уезде собранные данные оформляли по-своему. В волостных правлениях также подошли к организации этого процесса в меру своего разумения. Поэтому объем и содержание сведений по разным уездам и волостям существенно различаются. Весьма наглядно это проявилось, например, в списке по Велико-Устюгскому уезду. Здесь особенно бросается в глаза огромный количественный разброс данных по волостям. Так, в списке по Нюксенской волости значится единственный человек, по Приводинской и Трегубовской – два человека, тогда как по Шемогодской – 84, Удимской – 85, а Целяковской – 97 человек.

Помимо нежелания заниматься сбором информации по внезапно спущенному «сверху» указанию и, соответственно, работы «спустя рукава» (а ведь из той же Нюксенской волости в боях русско-японской войны участвовал отнюдь не один, а не менее 15 человек), эти цифры показывают, что в волостных правлениях по разному подходили к оценке термина «участник войны». Где-то под ним понимались непосредственные участники боев и сражений, а где-то – все призванные и мобилизованные в 1904–1905 гг. безотносительно к тому, попали ли они вообще на театр военных действий. Об этом свидетельствуют и указания срока поступления на службу отмеченных в устюжском списке лиц: здесь нередко встречается и 1891 г., то есть запасные самых старших сроков, и 1905 г., то есть новобранцы [7, л. 86, 88]. Обе эти категории военнослужащих реально в войне не участвовали.

Во всех уездных списках материалы структурированы в виде табличных пофамильных перечней отдельно по волостям, но без соблюдения алфавитного порядка, что затрудняет обработку данных. Исключением является сольвычегодский список, который содержит валовый перечень запасных уезда, но тоже не по алфавиту. Объем представленной информации разный: например, принятая комиссиями табличная форма варьируется от пяти граф в тотемском списке до 18 граф в кадниковском, хотя здесь часть граф не заполнялась, и максимум сведений приводится в разбивку на 16 граф в Вельском уезде. Общими пунктами всех списков являются имя и фамилия нижнего чина, место его проживания, указание на ранение (за исключением тотемского списка), семейное положение и количество имеющейся земли. Подробность изложения последних данных существенно различается. Например, в кадниковском списке состав семьи приводится поименно, в вологодском и грязовецком

списках количество земли указывается с точностью до квадратных саженей.

Наиболее ответственно к делу подошли в Вельской комиссии. Еще до составления общего списка, 29 июля 1908 г., из Вельска в губернский центр был представлен список обеспеченных земель при содействии комиссии «запасных нижних чинов Маньчжурских армий и флота», содержащий 91 фамилию [7, л. 6–8 об.]. Составленный осенью общий уездный список, позже дополненный еще 119 фамилиями, содержит чрезвычайно подробные данные, особенно по семейному положению и имущественному обеспечению: показаны число лиц в семье по половозрастным категориям, количество земли по разным формам владения (надельная, купленная, арендованная), численность скота (отдельно лошадей, коров и мелких копытных), примерная стоимость построек и «мертвого инвентаря». Тем не менее к качеству изложенной информации возможны претензии: так, Иван Васильевич Быков из деревни Шелотской Есютинской волости в июльском списке значится обеспеченным землей, а согласно итоговому списку «земли не имеет и на родине не проживает» [7, л. 8, 51 об.–52].

С вельским списком сходен перечень по Кадниковскому уезду. В местной комиссии решили особо не мудрствовать, и вписали необходимые данные в типовой список домохозяев, лишь оставив незаполненными некоторые графы. Ценной особенностью кадниковского списка является указание имен и возраста всех членов семьи. Остальные уездные перечни не столь масштабны. К сожалению, в вологодском и грязовецком списках отсутствуют отчества запасных. Наименее содержателен список по Тотемскому уезду, который включает лишь фамилию, имя и отчество нижнего чина, указание на место его проживания, количество членов семьи и площадь надельной земли в десятинах.

С точки зрения военной истории наиболее значимы три списка. В сольвычегодском, помимо раненых, указаны и бывшие военнопленные, а также приведены вид вооруженных сил и род войск (флот, пехота, кавалерия, артиллерия, саперные части), где ранее служили запасные. В кадниковском списке во многих случаях указано воинское звание запасных, а по Новостаросельской волости – название их воинской части (конкретные полк, батарея или флотский экипаж). Однако наиболее информативен список по Велико-Устюгскому уезду. Он уступает другим уездам губернии по количеству перечисленных фамилий, но в нем приводятся год поступления на службу, воинское звание, полученные ранение или контузия, а по Забелинской и Трегубовской волостям – наименование воинской части. Поэтому информация о воинской службе устюжан по сравнению с другими уездами более полная.

Список по Вологодскому уезду можно проверить и уточнить по делу «О нижних чинах Маньчжурской армии и флота Вологодского уезда» в фонде Вологодской уездной землеустроительной комиссии [8], где сохранились исходные списки по волостям, более полные по сравнению с итоговым уездным списком. Например, во многих волостных списках, в отличие от уездного, указаны отчества, а также более точно переданы фамилии и названия деревень, иногда под-

вергшиеся искажениям в общем перечне. По материалам этого дела отчетливо прослеживается и «технология» сбора и обработки сведений уездной комиссией.

Некоторые следы работы составителей списков сохранились и в других архивах. Например, в Великоустюгском центральном архиве находится список по Вострой волости [1, л. 19–20 об.], полностью идентичный соответствующим данным из уездного списка, обнаруженного в областном архиве. В Государственном архиве Архангельской области хранится дело под названием «Список запасных нижних чинов Маньчжурских армии и флота из крестьян Сольвычегодского уезда» [5], по содержанию сходное с делом Вологодской уездной комиссии. Здесь содержатся волостные списки и итоговый пофамильный перечень, который дублирует список, переданный в губернский центр.

К сожалению, в связи с отраслевой спецификой документа в большинстве уездных списков отсутствуют данные о горожанах (кроме жителей Грязовца и Кадникова), а ведь на территории губернии находились двенадцать городов с общей численностью населения, по данным всероссийской переписи 1897 г., 62759 человек [15, с. 106]. Среди них также было немало участников русско-японской войны. Встречаются в перечнях и иные «географические» лакуны, когда полностью отсутствуют сведения по отдельным волостям. Тем не менее, в целом списки землеустроительных комиссий дают весьма внушительную цифру: 6265 человек (Велико-Устюгский уезд – 484, Вельский без учета предварительного июльского перечня – 1251, Вологодский – 1001, Грязовецкий – 739, Кадниковский – 1316, Сольвычегодский – 667, Тотемский – 807). Однако иными архивными документами подтверждается участие в войне значительно меньшего числа лиц из фигурирующих в этих списках. Например, среди 484 человек устюжского списка реальных участников войны пока выявлено только 62. Почему же наблюдается столь большое статистическое расхождение?

Дело в том, что в перечни землеустроительной комиссии, как говорилось ранее, попали не только реальные участники войны, но и многие из числа призванных и мобилизованных в военное время. Так, осенью 1904 г. в Вологодской губернии состоялся плановый ежегодный призыв новобранцев на воинскую службу. Всего в призывные списки по губернии было внесено 12 466 человек, а после прохождения медосмотра, жеребьевой процедуры и отсева льготников принято в вооруженные силы 5002 [9, л. 41 об.; 12, с. 26]. Эти люди, как не успевшие пройти достаточной военной подготовки, на театр военных действий русско-японской войны не попали, хотя в списках иногда встречаются.

Армейские запасные западных уездов Вологодской губернии – Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского – призывались в рамках шестой частной мобилизации, начавшейся 10 октября 1904 г. [12, с. 27; 14, с. 990–991]. Многим из них довелось участвовать в сражениях 1905 года. Призыв же в армию из остальных семи уездов Вологодчины начался лишь к концу войны, 15 июня 1905 г., по восьмой частной мобилизации [13, с. 24]. Однако этим солдатам уже не

пришлось принять участие в боях русско-японской войны, которая завершилась в августе. Тем не менее формально они могли считаться ветеранами, чем и объясняется большое число имен в сведениях землеустроительных комиссий. Реальными участниками боевых действий эти люди в подавляющем большинстве не являлись, а проследить их военную биографию по спискам не представляется возможным. Иначе обстоят дела с относительно немногими, указанными в перечнях как раненые и контуженные, что подтверждает факт их непосредственного участия в боях. Однако существуют сомнения в точности таких указаний: зафиксированы случаи, когда действительно раненые на поле боя в этих списках ранеными не обозначены [4, с. 123].

Как пример «участия» в войне по летней мобилизации 1905 г. можно привести биографию Михаила Григорьевича Калининского из села Благовещенье Нестеферовской волости Велико-Устюжского уезда. Он был призван на воинскую службу в 1899 г., уволен в запас в 1903-м и снова мобилизован в 1905-м. 1 июля 1905 г. прибыл в Казань, где зачислен в 8-й запасный батальон, а 30 августа 1905 г., то есть через неделю после окончания войны, отправлен в составе маршевого батальона на Дальний Восток: как сказано в документе, «для пополнения действующей армии» [2, л. 109 об., 112 об.] – а на деле-то уже не действующей. И хотя имя этого человека в перечне устюжской комиссии отсутствует, его судьбу повторили многие фигуранты списков, поэтому во избежание смысловых неурядиц каждый случай, каждую биографию требуется рассматривать индивидуально. К сожалению, имеющиеся немногочисленные документы не всегда дают такую возможность.

К тому же в результате неясной постановки задачи «сверху» и небрежного составления списков «снизу» перечни землеустроительной комиссии оказались неполны как в отношении реальных участников войны, так и в отношении мобилизованных. Например, в списках отсутствуют некоторые матросы – возможно, потому, что мобилизация моряков в Вологодской губернии проходила отдельно от солдат и намного раньше: в восьми уездах – весной, а в двух (Усть-Сысольском и Яренском) – летом 1904 г. [10, с. 75, 299–300]. Поэтому исчерпывающим данный источник отнюдь не является. Тем не менее он чрезвычайно важен при использовании в рамках комплексного анализа.

В первую очередь списки землеустроительных комиссий полезны для уточнения правильного написания фамилий, имен, отчеств вологжан и названий их места жительства, поскольку в волостных правлениях этой информацией о своих земляках владели лучше, чем в воинских присутствиях, полках или госпиталях, где имена и родные деревни солдат и матросов нередко записывались военными писарями на слух, что приводило к огромному количеству искажений. Но самое ценное заключается в том, что списки, зафиксировав возвращение участников войны на родину, позволили почти в прямом смысле «воскресить» ряд вологжан, ранее числившихся по документам военных лет пропавшими без вести или даже убитыми [4, с. 122]. Так как после войны эти люди благополучно проживали на малой родине, в реальности

они попали в плен на поле сражения, а по окончании боевых действий смогли вернуться в родные деревни. И такие исследовательские находки всегда радуют больше всего.

Таким образом, представленный вниманию читателя исторический источник не может считаться достоверным в плане перечисления реальных участников русско-японской войны, и его использование в исследовательских целях возможно только в сопоставлении с другими документальными свидетельствами, чем и определяется его научное значение. Поэтому следует предостеречь исследователей, и особенно краеведов, от безоглядного доверия к сведениям, изложенным в списках землеустроительных комиссий. Тем не менее, существенный объем информации, которую содержат списки, позволяет не только вносить дополнения и поправки в биографические данные ранее известных вологжан, но и достоверно выявлять новых участников войны. При обнаружении новых архивных данных в последующем, сверка их со списками, безусловно, принесет новые открытия. Поэтому, при всех недостатках этого источника информации, он имеет несомненную научную ценность.

Так как землеустроительные комиссии работали в 47 губерниях, не исключено выявление подобных списков и в других регионах России. При этом следует отметить, что такие материалы являются важным источником не только по военной истории, но и по исторической демографии, генеалогии, а также по истории землевладения и земледелия. Поскольку запасные нижние чины были самыми обычными крестьянами, представленная в списках масштабная выборка позволяет делать определенные выводы об имущественном положении крестьянства как по отдельным уездам, так и по губернии в целом. Но и в этом случае столь специфический источник может играть только вспомогательную роль.

В заключение следует отметить, что всего к настоящему времени автору известны имена 2716 вологжан – непосредственных участников сражений русско-японской войны. 2076 человек служили в сухопутных частях, 640 – во флоте. Поскольку население Вологодской губернии, согласно данным всероссийской переписи 1897 г., составляло 1 365 587 человек [15, с. 106], то общее число выявленных участников войны очень невелико – 0,2% от населения губернии, хотя в целом под мобилизации людей попало намного больше. Тем не менее вологжане участвовали во всех знаковых событиях русско-японской войны на суше и на море: от легендарного боя крейсера «Варяг» до Мукдена и Цусимы [3, с. 421]. Обнаруженные сведения однозначно свидетельствуют о неоспоримом массовом героизме вологжан, проявленном ими в годы войны. Поэтому нынешние северяне, живущие на обширной территории бывшей Вологодской губернии, имеют полное право гордиться своими предками и земляками.

Литература

1. Великоустюжский центральный архив (ВУЦА). – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 31.
2. ВУЦА. – Ф. Р-574. – Оп. 3. – Д. 133.
3. Гладких, С.А. Выявление участников русско-японской войны 1904–1905 гг. на территории бывшей Вологодской

губернии / С.А. Гладких // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Владимир, 27–28 мая 2011 г.). – Москва: Издательский центр «Краеведение», 2012.

4. Гладких, С.А. Поиск устьяков – участников русско-японской войны 1904–1905 годов: успехи, проблемы, перспективы / С.А. Гладких // Заволочье. Устьянская земля. – Вып. 4. – Октябрьский: Устьянский краеведческий музей, 2018.

5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 1425. – Оп. 1. – Д. 314.

6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 287. – Оп. 1. – Д. 1.

7. ГАВО. – Ф. 287. – Оп. 1. – Д. 71.

8. ГАВО. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 6.

9. ГАВО. – Ф. 726. – Оп. 3. – Д. 387.

10. Летопись войны с Японией. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904.

11. Наказ землеустроительным комиссиям // П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. – Москва: РОССПЭН, 2011. – Т. 2.

12. Обзор Вологодской губернии за 1904 год. – Вологда: Типография губернского правления, 1905.

13. Обзор Вологодской губернии за 1905 год. – Вологда: Типография губернского правления, 1906.

14. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1907. – Т. XXIV: 1904. [В 2 отд-ниях]. – Отделение I.

15. Россия: Энциклопедический словарь. – Ленинград: Лениздат, 1991.

S.A. Gladkikh

**ABOUT ONE HISTORICAL SOURCE
CONCERNING PARTICIPATION OF VOLOGDA PROVINCE INHABITANTS
IN THE RUSSO-JAPANESE WAR**

The article deals with the historical source «Lists of spare lower ranks of the Manchurian army and fleet from Vologda province counties». It was found in the funds of the State Archive of Vologda Oblast. The author investigates the merits and demerits of the document and concludes that it is of great historical significance.

Vologda Province, participants of the Russo-Japanese war, historical source.

В.А. Ильиных, В.Б. Лапердин
Институт истории Сибирского отделения РАН

**ПОСЕВНАЯ И ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИИ 1935 г.
В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ:
НАСТУПЛЕНИЕ НА ЕДИНОЛИЧНИКОВ**

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.:
становление и функционирование колхозной системы»*

В статье на основе широкого корпуса опубликованных и неопубликованных источников осуществлена детальная аналитическая реконструкция хода посевной и хлебозаготовительной кампаний 1935 г. в единоличном секторе Западно-Сибирского края. Показаны методы воздействия органов управления региона на единоличное крестьянство, выявлены поведенческие практики единоличников. Анализ проводился в контексте аграрной политики Советского государства. В 1935 г. экономическое и политическое наступление большевистского режима на единоличную деревню, начатое в предыдущем году, переместилось в сферу хлебозаготовок. Основным методом стимулирования единоличников к выполнению посевных и заготовительных планов являлись репрессии, в том числе локальные депортации. Установлено, что усиление налогово-податного пресса на единоличные хозяйства в 1935 г. ускорило сокращение их численности.

Аграрная политика Советского государства, коллективизация, единоличники, хлебозаготовки, налогово-податная система, сельское хозяйство, Сибирь.

Одной из составляющих массовой коллективизации являлась ликвидация единоличного крестьянства. Часть единоличников была раскулачена и депортирована, многие бежали из деревни, большинство же крестьян вступило в колхозы. В 1932–1933 гг. коллективизация приостановилась. К снижению ее темпов привело ослабление экономического и политического давления на единоличников. Основные усилия режима переключились на так называемое организационно-хозяйственное укрепление колхозов, их чистку от «классово чуждых и разложившихся элементов» и «социалистическое воспитание колхозников». Около трети крестьянских хозяйств России, пережив бурю и натиск первых лет «социалистической реконструкции» сельского хозяйства, адаптировались к сложившимся политико-экономическим условиям и не желали терять свое единоличное состояние. В 1934 г. руководители Советского государства признали сложившуюся ситуацию недопустимой. Было принято решение резко усилить политический и экономический прессинг на единоличников. Наиболее действенным способом давления на них стало увеличение уровня налогообложения, которое фактически приобрело реквизиционный характер. Общие размеры обложения единоличных хозяйств основными видами денежных налогов в Западно-Сибирском крае на 1934/35 г. увеличились в 3 раза, а в следующем, 1935/36 г. – еще в 1,5 раза [17, с. 70].

Начавшийся в 1934 г. этап развития политики Советского государства по отношению к единоличному крестьянству неоднократно становился предметом

анализа российских историков. При этом основное внимание исследователи уделяли вопросам денежного обложения единоличников (см. [8; 2; 17; 12; 7] и др.). Фактически не исследованными остаются особенности реализации государственной политики в сфере натуральных податей и повинностей.

Задача настоящей работы состоит в детальной аналитической реконструкции хода посевной и хлебозаготовительной кампаний 1935 г. в единоличном секторе Западно-Сибирского края. Подобный анализ позволяет определить базовые особенности аграрной и заготовительной политики Советского государства в середине 1930-х гг., показать основные методы управления сталинской мобилизационной экономики, выявить поведенческие стратегии единоличного крестьянства.

В 1933 г. контрактационная система отчуждения хлеба в колхозно-крестьянском секторе сельской экономики СССР была заменена обязательными зернопоставками¹, официально имеющими налоговый статус. В соответствии с принятым в этом году законодательством размеры обязательных поставок исчислялись по единым для всего района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева. Возможный недосев в расчет не брался. Средние региональные нормы определялись правительственным постановлением. На их основе

¹ Помимо зернопоставок на единоличные хозяйства Сибири также возлагались задания по обязательным поставкам подсолнечника, картофеля, мяса, молока и шерсти.

край- и облысполкомы устанавливали порайонные нормы. Нормативы сдачи для единоличных хозяйств должны были на 5–10% превышать колхозные.

Поставки зерна провозглашались «первоочередной обязанностью» всех категорий сдатчиков, к которым они должны были приступить сразу же после начала обмолота и осуществлять в строгом соответствии с установленными для каждого региона календарными сроками. Для единоличников вводились более сжатые сроки завершения сдачи. Несвоевременное выполнение заготовительного задания наказывалось в административном порядке досрочным взысканием «в бесспорном порядке» оставшегося объема поставок и денежным штрафом: для колхозов – в размере рыночной стоимости недоимки, для единоличных хозяйств – до пятикратной рыночной стоимости. В случае повторного невыполнения обязательств, а также «злостного» или «группового» его характера единоличники привлекались к судебной ответственности по ст. 61 УК РСФСР [12, с. 107–108].

Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о введении обязательных поставок запрещали местным органам власти и заготовителям налагать на сдатчиков дополнительные заготовительные задания. Однако данный запрет остался лишь декларацией. На сдатчиков развешивалась так называемая страховка, которая представляла собой надбавку к рассчитанным по нормам объемам поставок. Надбавка включалась в обязательства, вручаемые колхозам и единоличникам, учитывалась в порайонных и региональных планах хлебозаготовок, но не входила в государственное задание. Собираемое в счет надбавок зерно поступало в распоряжение краевых/областных властей и с разрешения правительства могло быть использовано как для погашения обязательств недородных районов и хозяйств, так и для выдачи им продовольственных и семенных ссуд. Таким образом, с помощью страховой надбавки часть податной нагрузки перекладывалась с недородных хозяйств на урожайные. Страховка имела внеюрисдикционный и непубличный (конспиративный) характер. В законодательных актах и в открытой печати она не упоминалась [9, с. 262].

В 1933/34 заготовительном году в Западно-Сибирском крае страховая надбавка для колхозов составляла +3% к государственному плану, а для единоличников – +72,3%, в 1934/35 г. – +7,9 и +125% соответственно [24, л. 1; 3, л. 90]. Таким образом, для колхозов страховка имела характер относительно незначительной надбавки, а для единоличников ее размеры были вполне сопоставимы с базовым заданием. Одной из причин завышения надбавки для единоличных хозяйств являлась вероятность самоликвидации части из них (бегство из деревни, вступление в колхоз и др.). Возникающие в связи с этим риски невыполнения планов зернопоставок местные власти перекладывали на других единоличников.

Нормы хлебосдачи в счет обязательных поставок для единоличных хозяйств в 1933 и 1934 гг. оставались неизменными. На 1935 г. их было решено существенно повысить. В Западно-Сибирском крае единоличники должны были сдать зерна государству с 1 га примерно на 33% больше, чем колхозы, не обслуживаемые МТС, в Омской области – на 50, в Краснояр-

ском крае – на 30%. Кроме того, существенно уплотнились сроки хлебосдачи. Единоличникам Сибири надлежало выполнить свои обязательства по госпоставкам до 15 октября² [29].

15 февраля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили план ярового сева по регионам, культурам и секторам [30]. 22 февраля в краевой газете «Советская Сибирь» опубликовали постановление Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома о порайонной разверстке плана ярового сева по колхозам и единоличным хозяйствам, а 27 марта – постановление тех же органов управления регионом о порайонных нормах хлебосдачи. После этого началось доведение посевных заданий до хозяйств, а также вручение им обязательств по зернопоставкам.

Установленный для единоличного сектора план сева (617,5 тыс. га) был абсолютно невыполним. Резкое увеличение денежного налогообложения в 1934 г. вызвало нарастающее сокращение численности единоличников. Еще 14 ноября 1934 г. на созванном в крайкоме ВКП(б) совещании секретарей райкомов и начальников политотделов МТС северо-восточных районов Западно-Сибирского края местные функционеры жаловались первому секретарю крайкома Р.И. Эйхе, что они не смогли выполнить план хлебозаготовок по единоличному сектору и не смогут выполнить планы по сбору денежных налогов, потому что многие единоличники бросили свои хозяйства и «разбежались» [3]. В начале 1935 г. количество единоличных хозяйств и их производственный потенциал продолжали снижаться. Руководители регионов в этих условиях попытались добиться сокращения посевных заданий. Ходатайства частично удовлетворили. В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 марта 1935 г. план ярового сева 1935 г. для единоличных хозяйств Западно-Сибирского края был снижен лишь на 40 тыс. га (на 6,5%) [19, л. 56]. Вступление части единоличников в колхозы привело к перераспределению посевного задания между секторами. Итоговый план по единоличному сектору составил 535 тыс. га [1, с. 230].

После начала весенних полевых работ в европейской части страны выявилось повсеместное невыполнение единоличниками посевных заданий. Это вызвало жесткую реакцию Центра. 25 апреля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, обязывающее региональные органы управления «обеспечить доведение планов посева до каждого в отдельности единоличного хозяйства и добиться полного выполнения ими установленных для них планов сева». «Во всех случаях выявления отказов единоличных хозяйств от принятия планов сева или обязательств по зернопоставкам» предлагалось применять к виновным предусмотренные законодательством меры воздействия [33, с. 473–474].

В Сибири единоличники также были не в состоянии справиться с разверстанными на них посевными заданиями. В Западно-Сибирском крае на 15 мая выполнение плана сева яровых культур по единоличному сектору составило 15,5%, тогда как по колхозам –

² Согласно ранее существующим нормам единоличные хозяйства Сибири должны были завершить хлебосдачу до 1 ноября.

66,5% [31]. Такое поведение единоличников было однозначно определено как «контрреволюционный саботаж». Р.И. Эйхе в докладной записке на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова сообщал: «В период подготовки к севу сопротивление единоличников выражалось в массовом выезде из районов. Только по 15 обследованным районам с 1 января по 1 апреля 1935 г. учтено выбывших из деревни 11 397 единоличников, из них 1190 выбыли вместе с семьями. В ряде районов зарегистрированы факты организованного отказа единоличников от получения и выполнения посевных обязательств. Единоличные хозяйства к началу сева разбазаривали тягловую силу. В ряде сел Бийского, Смоленского, Мошковского и других районов разбазарено единоличниками за февраль – апрель свыше 50% тягловой силы. В отдельных селах оставшиеся у единоличников лошади умышленно доводились до полного истощения» [33, с. 500–501].

«Саботажников» в массовом порядке привлекали к уголовной ответственности по ст. 58, ч. 14 (за «контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата») и ст. 61 УК РСФСР (за «отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение»).

Однако руководителям края этого показалось недостаточно и они обратились в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить применение «к наиболее злостным единоличникам, саботирующим сев, таких мер, как лишение приусадебных участков, выселение наиболее злостных из них в северные районы»³. 20 мая Политбюро ходатайство удовлетворило [33, с. 501; 20, л. 16].

Проведенная в конце мая высылка единоличных хозяйств имела показательный выборочный характер. Она затронула 55 районов края, которые имели наибольшую долю единоличных хозяйств и низкие показатели выполнения посевного плана. Из нескольких сел каждого района высылались по три – пять «наиболее злостных саботирующих хозяйств». Всего в ходе локальной высылки на спецпоселение было вывезено 588 хозяйств в составе 2615 чел. [15, с. 110–111]. На 5 июня 1935 г., по сообщению крайпрокурора И.И. Баркова, по делам, связанным с посевной кампанией, в крае осудили 1555 единоличников, что составляло 50% от общего числа осужденных [4, л. 8].

Несмотря на репрессии, добиться от единоличников выполнения посевного задания не удалось. Яровых культур единоличные хозяйства Западно-Сибирского края засеяли на 55% меньше, чем планировалось. При этом качество посева, производившегося из-под палки, было крайне низким. Секретарь Солонешенского райкома ВКП(б) А.С. Лаптев в письме Р.И. Эйхе сообщал: «Посевной план был доведен [до единоличников] 1660 га на 1308 дворов, а посеяли 422 га, причем сеяли так, что только отводили глаз, в результате на

полосках родилась трава» [1, с. 230, 235]. Основной причиной невыполнения заготовительного задания явилось значительное сокращение числа единоличников. На 1 января 1935 г. в крае насчитывалось 253 тыс. единоличных дворов, а на 1 июля – 161 тыс. (в 1,6 раза меньше) [13, с. 9]. Площадь посева хлебов в индивидуальном секторе аграрной экономики Западно-Сибирского края в 1935 г. сократилась по сравнению с предыдущим годом на 40%, в колхозах – увеличилась на 5,6, а по всем секторам в целом – уменьшилась на 1% [18, с. 15, 17].

Невыполнение плана сева не освобождало единоличников от выполнения рассчитанного по плановому посеву годового задания по зернопоставкам. 16 июля 1935 г. прокурор СССР направил прокурорам союзных республик циркуляр, в котором предлагал дать «указания местным органам, что с единоличных хозяйств, не выполнивших данного им плана весеннего сева, хотя бы их земли и были засеяны колхозами или совхозами, обязательства по зернопоставкам не снимаются, и они обязаны их выполнить. За отказ от выполнения плана зернопоставок единоличными хозяйствами виновных неуклонно привлекать к уголовной ответственности по частям 2 или 3 статьи 61 УК РСФСР» [33, с. 552].

11 июня 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили годовой план зернопоставок по стране в целом и отдельным регионам. Установленный Западно-Сибирскому краю план равнялся 55 млн пуд. Из них 51 млн пуд. должны были сдать колхозы и 4 млн пуд. – единоличные хозяйства [33, с. 532]. Вручили же обязательства по хлебосдаче данным категориям плательщиков в итоге на 56 432 тыс. пуд. и 9883 тыс. пуд. соответственно [22, л. 206]. Таким образом, страховая надбавка для колхозов составляла 5432 тыс. пуд. (+10,7% к государственному плану), для единоличников – 5883 тыс. пуд. (+68%).

Проходивший в конце июля очередной пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) решил форсировать темпы хлебозаготовок. Единоличники обязывались рассчитаться с государством не позже 15 сентября [5, л. 87].

Доля единоличных хозяйств в общекраевом плане централизованных хлебозаготовок⁴ составляла лишь 4,3%. Несмотря на это, нажим на единоличников оказывался еще больший, чем на другие категории хлебосдатчиков. Во-первых, большевистский режим продолжал начатое в 1934 г. политическое и экономическое наступление на единоличную деревню. Во-вторых, в ряде районов Западно-Сибирского края (прежде всего северных и северо-восточных) доля единоличных хозяйств в общем числе крестьянских дворов была относительно велика. В целом по краю на 1 июля 1935 г. она составляла 19,3%, а в Сорокинском районе – 39,9, Кожевниковском – 39,8% [16, с. 124–125].

На 1 сентября выполнение государственного плана зернопоставок единоличными дворами в крае со-

³ Указанные меры предусматривались постановлением ЦИК СССР от 30 января 1933 г. в отношении «единоличников, ударившихся в спекуляцию и упорно отказывающихся обрабатывать и засеивать обрабатываемые ими земли» [28].

⁴ Помимо обязательных поставок в план централизованных хлебозаготовок включалась сдача зерна колхозами в счет натуроплаты за работы МТС, хлебосдача совхозов, возврат натуральных ссуд колхозами и совхозами.

ставило 27%, а краевого плана с учетом страховых надбавок – 11% [23, л. 36, 58; 24, л. 29]. Управление НКВД Западно-Сибирского края выявило факты «саботажа» единоличников хлебоуборки и хлебопоставок [33, с. 568]. «Пользуясь отсутствием контроля и нажима со стороны сельсоветов, многие единоличники под разными предлогами затягивают хлебоуборку. В некоторых районах зарегистрированы факты скрытой уборки и обмолота хлеба. Единоличники Луганского и Курочкинского сельсоветов Тальменского района убирают урожай ночью, прячут в кусты и тайно обмолачивают дома <...>. По ряду сельсоветов Кытмановского района единоличники убирают и молотят хлеб тайком от сельсовета. Намолоченный хлеб ночью развозят по домам. К хлебоуборке не приступают. Часть единоличников отказывается от уборки и хлебосдачи. В Легостаевском районе зарегистрированы факты, когда единоличники, вызванные в сельсовет, отказываются от уборки своих посевов, мотивируя тем, что план хлебопоставок им все равно не выполнить. Отдельные единоличники, саботируя хлебоуборку, скрываются от сельсовета. <...> В с. Точильном Смоленского района единоличники к уборке не приступали, несмотря на готовность хлеба. На вызовы сельсовета являются или женщины, или дети, которые заявляют, что трудоспособные члены семьи выехали из села и убирать хлеб некому. <...> В Тогульском, Шипуновском, Тальменском, Алтайском и Кожевниковском районах продолжают выезды единоличников из сел в целях уклонения от хлебопоставок».

Низкие темпы хлебосдачи единоличниками и «саботажа» поставок с их стороны были признаны абсолютно неприемлемыми. Районы получили указание в сжатые сроки добиться выполнения единоличными хозяйствами годового заготовительного задания, привлекая «тех единоличников, которые пытаются увильнуть от выполнения своей первой заповеди, к строжайшей ответственности» [32].

Кампания по борьбе с «саботажем» единоличников, на наш взгляд, репрезентативно представлена на страницах мошковской районной газеты «За большевистские колхозы»⁵. 5 сентября в Мошково с участием командированного в район уполномоченного комиссии советского контроля по Западно-Сибирскому краю А.Р. Розита состоялось районное совещание председателей колхозов и сельсоветов по вопросу хлебоуборки и зернопоставок. Согласно информации, опубликованной 7 сентября в вышеназванной газете, выступивший на совещании Розит «особенно беспощадной критике подверг кулацкий саботаж зернопоставок единоличниками. Причины саботажа – отсутствие контроля за сдачей хлеба единоличниками со стороны сельсоветов, нежелание организовывать красные тока, супряги для возки хлеба, элеваторы и тому подобное».

7 сентября в районной газете было опубликовано информационное сообщение райпрокурора Ефремова. В нем сообщалось, что на 1 сентября выполнение го-

дового плана по зернопоставкам единоличными хозяйствами района составило 22%. «Это преступный показатель. Во многих сельсоветах единоличники злостно уклоняются от выполнения хлебосдачи и становятся на путь саботажа. В связи с этим привлекаются к уголовной ответственности и предаются суду группа единоличников Кубовинского сельсовета: 1) Ковригин Александр, 2) Шевелев Иван, 3) Ерофеев Иван, 4) Еремин Семен, 5) Шумкин Иван. Вышеуказанная группа единоличников по обоюдному между собойговору категорически отказалась сдавать зерно государству и проводит антисоветскую агитацию среди единоличников за несдачу зернопоставок государству. По тому же сельсовету привлечен к уголовной ответственности и предается суду Шамин Евдоким, который хлеб государству не сдает, а занимается спекуляцией хлебом, продает его частным лицам»⁶.

10 сентября газета «За большевистские колхозы» вышла с передовой статьей «Поставку зерна единоличниками завершить к 15-IX-35 г.». В ней сообщалось, что на 5 сентября выполнение годового плана по зернопоставкам единоличными хозяйствами района составило 26%. Но в ряде сельсоветов (Репьевском, Карпысакском, Верхне-Балтинском, Дубровинском, Кубовинском) этот показатель еще ниже – от 5 до 15%. «Председатель Репьевского сельсовета т. Бобров самотеком в работе сумел испакостить хорошее мероприятие: организовал красные тока, взял у колхозов молотилки, организовал обмолот хлеба единоличников и разрешил единоличникам везти хлеб вместо элеватора к себе по домам. После этого становится понятным, почему у председателя Боброва план зернопоставок единоличниками не выполняется – он сам помог нарушить им свои обязательства перед государством. Председатель Дубровинского сельсовета Безукладников, план зернопоставок по единоличному сектору выполнен на 6 процентов, сам возглавил кулацкий саботаж незыблемого закона о зернопоставках. Этот руководитель сельсовета вслух заявляет: «Где единоличники возьмут хлеб? Они сеяли какие-то пустышки». Вот такие слюнтяи, как Безукладников, выступающие в роли кулацких защитников, якобы беспосевных единоличников, или руководители, которым все нипочем, которые на словах способны перевернуть горы, дай им только точку опоры, оппортунистическая самоуспокоенность первичных парторганизаций, забросивших политмассовую работу среди единоличников, сбросивших со счетов, и привели наш район в число срывщиков зернопоставок по единоличным крестьянским хозяйствам».

17 сентября бюро Мошковского райкома ВКП(б) и президиум райисполкома приняли постановление [10], в котором признали «совершенно неудовлетворительным выполнение плана хлебосдачи в единоличном секторе. На 15 сентября сдано 42% от планового объема, тогда как к этому времени единоличники должны были завершить зернопоставки». Особое внимание в постановлении уделялось ситуации в

⁵ Удельный вес единоличных хозяйств в общем числе крестьянских дворов в Мошковском районе на 1 июля 1935 г. составлял 29,9%, доля их посевов зерновых в общем хлебном клине – 8,9% [16, с. 125, 174].

⁶ В соответствии с законодательством продажа хлеба единоличникам и колхозам разрешалась только после выполнения регионом государственного плана централизованных хлебозаготовок и создания необходимых семенных запасов.

Репьевском сельсовете, в котором был зафиксирован «исключительно преступный факт организованного хищения хлеба единоличников, допущенный председателем Репьевского сельсовета Бобровым под видом “оплаты” натурой за работу по хлебосдаче членам сельсовета»⁷. В связи с этим районному прокурору предлагалось «привлечь к судебной ответственности Боброва и всех членов Репьевского сельсовета, участвовавших в расхищении хлеба единоличников, закончив следствие в ближайшие дни». Вместе с Бобровым к судебной ответственности были привлечены члены Репьевского сельсовета («жищники», как их назвал селькор «комсомолец Петрикевич») Е. Шкадов, И. Шкадов, С. Савченко, И. Гладкий, Кобзарев и Хорошуля [11].

25 сентября в газете «За большевистские колхозы» была помещена информация народного судьи Мошковского района Саломатова о том, что 18 сентября суд рассмотрел дело единоличников, «преступно уклонившихся от выполнения поставок зерна государству», М.С. Сивакова («имел обязательство сдать зернопоставки 14,30 центнера, не сдал ничего и занялся спекуляцией – продал 11 пудов хлеба, а остальное зерно спрятал») и В.Е. Боброва («должен был сдать 11 центнеров, а сдал 1,62 центн[ера], продал по спекулятивным ценам 12 пудов, а остальной хлеб спрятал и преступно издевался над классовой слепотой сельсоветчиков, нагло им заявил: «Хлеб я спрятал – попробуйте, найдите!»). Сиваков приговорен к 8 годам тюремного заключения с конфискацией всего имущества, Бобров – к 10 годам тюремного заключения с конфискацией всего имущества. «Кроме того, арестованы Ковырялова и Савин Илья за скрытие хлеба в ямах: у Ковыряловой обнаружено спрятанного в яме хлеба 7 центнеров, у Савина – 3 центнера».

Осенью 1935 г. «на хлебном фронте» проводились и внесудебные репрессии. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский обратились в ЦК компартии с ходатайством о разрешении высылки на спецпоселение из 9 северо-восточных районов края 500 хозяйств, «организующих саботаж и оказывающих сопротивление хлебопоставкам». Политбюро санкционировало высылку 20 сентября. Абсолютное большинство депортированных крестьян являлись единоличниками [15, с. 111; 6, л. 45].

Несмотря на нажим, добиться от единоличников края завершения зернопоставок ни к 15 сентября, ни к концу месяца не удалось. С начала кампании до 1 октября 1935 г. они сдали государству 3180 тыс. пуд. хлебопродуктов. Выполнение государственного плана составило 79,5%, а краевого плана с учетом страховых надбавок – 32% [23, л. 36, 58; 24, л. 29]. Часть единоличников, получивших задание по хлебосдаче, сбежала из деревни или вступила в колхозы⁸. А у оставшихся зерна для выполнения обязательств перед государством не было.

⁷ Бобров, организовавший обмолот хлеба для крестьян-единоличников поселка Ярского, выплатил членам сельсовета, которые обеспечивали работу молотилки, заработную плату зерном [11].

⁸ В июле – сентябре 1935 г. численность единоличных дворов в Западно-Сибирском крае сократилось с 161 тыс. до 127 тыс. (на 21%) [13, с. 9].

Календарные планы хлебосдачи не были выполнены и по другим категориям хлебосдатчиков. Основной причиной этого являлся катастрофический неурожай в основных зернопроизводящих юго-западных районах Западной Сибири. Руководители края первоначально недооценили масштабы недородов. Однако убедившись в невозможности выполнения развернутого плана централизованных хлебозаготовок, они добились от Центра его существенного снижения. В частности, были списаны недоимки по хлебопоставкам с единоличников, вступивших в колхозы [33, с. 595, 613].

В октябре 1935 г. в Западно-Сибирском крае началось фактическое сворачивание хлебозаготовительной кампании. Ресурсов для выполнения сокращенного плана централизованных заготовок в крае было достаточно. Необходимости в применении репрессий для этого не было. Применительно к единоличникам задачей максимум являлось выполнение государственного плана хлебосдачи без учета страховой надбавки.

Темпы централизованных хлебозаготовок в крае стали падать. Объем зернопоставок единоличниками снизился с 2089 тыс. пуд. в сентябре до 497 тыс. пуд. в октябре (в 4,2 раза). До 1 июля 1936 г. (даты официального завершения заготовительного 1935/36 года) они сдали еще 115 тыс. пуд. а за год в целом – 3792 тыс. пуд. Выполнение государственного годового плана поставок единоличными хозяйствами в итоге составило 94,8%. В Омской области план 1935/36 г. по единоличному сектору был выполнен на 89%. Объем зернопоставок единоличников в Западной Сибири⁹ в целом в 1935/36 г. сократился по сравнению с 1934/35 г. на 51%, в СССР – на 40% [23, л. 35, 37; 25, л. 17; 26, л. 50; 27, л. 19; 17, с. 247].

Усиление налогового-податного прессы на единоличные хозяйства в 1934–1935 гг. вызвало сокращение численности и удельного веса единоличников. Количество единоличных хозяйств в РСФСР с 1 июля 1934 г. по 1 июля 1935 г. сократилось на 45,3%, с 1 июля 1935 г. по 1 июля 1936 г. – на 44,2%. Уровень коллективизации за это время вырос с 71,6 до 90,5% [14, с. 2–3]. Однако в 1937 г. показатели коллективизации вновь начали топтаться на месте. Более того, в ряде регионов количество единоличных дворов за счет исключенных из колхозов даже выросло. Оставшиеся единоличники в очередной раз смогли приспособиться к сложившимся политико-экономическим условиям, а местные власти несколько снизили давление на них, вновь переключившись на колхозников. Но относительная передышка была недолгой. Лидеры большевистского режима расценили замедление темпов коллективизации как совершенно недопустимое и перешли к окончательному штурму единоличного сектора экономики советской деревни.

Литература

1. Аграрная политика и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильных, О.К. Кавцевич. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. – 608 с.

⁹ В Западную Сибирь включена территория Западно-Сибирского края и Омской области в границах 1935 г.

2. Вылцан, М.А. Последние единоличники / М.А. Вылцан // Кооперативный план: иллюзии и действительность. – Москва: Рос. гос. гум. ун-т, 1995. – С. 72–90.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. П-4. – Оп. 2. – Д. 605.
4. ГАО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Д. 671.
5. ГАО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Д. 674.
6. ГАО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Д. 690 б.
7. Глебов, А.Н. Правовое регулирование налогообложения крестьянства в 1928–1941 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Глебов А.Н. – Нижний Новгород, 2012. – 34 с.
8. Глумная, М.Н. Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Глумная М.Н. – Москва, 1994. – 30 с.
9. Дэвис, Р. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. / Р. Дэвис, С. Уиткроф. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 543 с.
10. За большевистские колхозы (Мошково). – 1935. – 9 сент.
11. За большевистские колхозы. – 1935. – 25 сент.
12. Ильиных, В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. / В.А. Ильиных – Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. – 167 с.
13. Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1935 г. – Новосибирск: Сибирское краевое земельное управление, 1936. – 113 с.
14. Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. – Москва; Ленинград: Госпланиздат, 1939. – 143 с.
15. Красильников, С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 288 с.
16. Народное хозяйство Запсибкрая: стат. ежегодник. – Новосибирск: Зап.-Сиб. КУНХУ, 1936. – 424 с.
17. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. – Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. – 210 с.
18. Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): стат. справочник. – Москва; Ленинград: Госпланиздат, 1939. – 332 с.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 961.
20. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 964.
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 29.
22. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 115.
23. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 117.
24. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 119.
25. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 121.
26. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 134.
27. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 936.
28. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). – 1933. – № 6. – Ст. 41.
29. СЗ СССР. – 1935. – № 16. – Ст. 126.
30. Советская Сибирь (Новосибирск). – 1935. – 18 февр.
31. Советская Сибирь. – 1935. – 19 мая.
32. Советская Сибирь. – 1935. – 5 сент.
33. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – Москва: РОССПЭН, 2002. – Т. 4: Конец 1934 – 1936. – 1056 с.

V.A. Pyinykh, V.B. Laperdin

**SOWING AND GRAIN COLLECTION CAMPAIGNS OF 1935
IN WEST SIBIRIAN REGION:
STRUGGLE AGAINST INDIVIDUAL PEASANTS**

The article contains a detailed analytical reconstruction of sowing and grain collection campaigns which took place in the individual sector of West Siberian region in 1935. The authors reveal the methods adopted by the regional authorities to influence individual peasants and behavioral practices of individual farmers. The analysis was carried out in the context of the agrarian policy of the Soviet state. In 1935 economic and political offensive of Bolshevik regime launched a year before against individual peasants moved into the sphere of grain collections. The main method of encouraging individual peasants to implement sowing and harvesting plans was repression including local deportations. It is established that the increased taxation on individual peasants in 1935 accelerated the reduction of this stratum.

Agricultural policy of the Soviet state, collectivization, individual farmer, grain collection, taxation, agricultural industry, Siberia.

С.Г. Карнов
Вологодский государственный университет

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера)»

Статья посвящена анализу корпуса источников по истории органов внутренних дел России в постсоветский период. Дана классификация источников, раскрыты их возможности в освещении особенностей организации и деятельности правоохранительных органов как на уровне регионов, так и в масштабах страны.

Закон, источник, милиция, органы внутренних дел, полиция, указ.

В постсоветский период истории органы внутренних дел России подверглись существенному реформированию. Их реорганизация была вызвана объективными причинами и связана со становлением новой российской государственности, процессами демократизации в обществе, изменением криминогенной ситуации в стране. Историография истории органов внутренних дел в постсоветский период как на всероссийском, так и на региональном уровне только складывается, и данная тема является актуальной научной проблемой. Ее разработка возможна на основе довольно обширного и разнообразного массива источников.

К *первой группе источников* относятся законодательные, нормативно-правовые, организационно-распорядительные и директивные (ведомственные) акты. В первую очередь это законодательные акты, которые изменили подчиненность российских правоохранительных органов. 22 июня 1990 г. Первый съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О разграничении функций управления на территории РСФСР (основы нового Союзного договора)», согласно которому МВД России было выведено из подчинения союзного министерства. После распада СССР в соответствии с постановлением Верховного Совета РСФСР «О ратификации соглашения о создании Содружества независимых государств» и «О денонсации Договора об образовании СССР» все органы, учреждения и организации МВД СССР, находившиеся на территории Российской Федерации, перешли под юрисдикцию РСФСР с включением их в систему МВД РСФСР.

Правовой основой деятельности российских правоохранительных органов стал Закон «О милиции», принятый 18 апреля 1991 г. [2]. До принятия этого закона основным правовым актом о милиции являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и

борьбе с преступностью» [5]. Однако на практике деятельность милиции регулировалась подзаконными и нормативными актами МВД СССР, которых к началу 1990-х гг. насчитывалось более 4 тысяч. Главный их недостаток заключался в том, что эти нормативные документы отражали в первую очередь ведомственные интересы и не отвечали требованиям строительства правового, демократического государства и защиты граждан.

Закон «О милиции» определил официальную политику государства в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Милиция характеризовалась как система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных действий. В отличие от правовых актов советского периода истории первым принципом ее деятельности было определено уважение прав и свобод человека и гражданина.

В 1990-е гг. борьба с преступностью, особенно с ее организованными формами, приобрела комплексный и общегосударственный характер. В этих условиях руководство страны принимало дополнительные меры для повышения эффективности работы правоохранительных органов. В апреле 1992 г. во исполнение Указа Президента России «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» [6] было создано Главное управление по борьбе с организованной преступностью (ГУОП МВД РФ), его региональные управления и оперативно-розыскные бюро для обеспечения комплексной борьбы со всеми проявлениями коррупции и организованной преступности. Указом Президента России от 8 октября 1992 г. «О мерах по защите прав граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с преступностью» [7] ГУОП и его подчиненные структуры были усилены специальными отделами быстрого реагирования.

Наряду с первоочередными мерами по борьбе с преступностью, были определены основные направления совершенствования системы органов правопорядка. В приказе МВД РФ № 145 от 20 марта 1996 г. «О Концепции развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России» [4] была поставлена цель приведения их в состояние, позволяющее обеспечить надежную защиту личности, общества и государства от преступных посягательств. В рамках реализации этой цели в июне 1996 г. министр внутренних дел А.С. Куликов подписал Директиву «О неотложных мерах по коренному улучшению работы с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» [1]. В ней говорилось, что работа с людьми является важнейшим фактором повышения эффективности боевой и оперативно-служебной деятельности сотрудников милиции.

18 июля 1996 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 1039 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» [8], который с многочисленными изменениями и дополнениями действовал до 2004 г. Утверждение этого акта президентским указом означало, что МВД России вошло в число федеральных структур исполнительной власти, подчиненных непосредственно Президенту. В соответствии с Указом Президента РФ «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» [9], вышедшем 4 июня 2001 г., его структура была значительно усовершенствована. Изменения в основном касались ликвидации дублировавших друг друга служб и подразделений.

Очередные существенные изменения в структуре МВД РФ произошли в 2004 г. с принятием Указа Президента Российской Федерации от 19 июля № 927 (в ред. от 5 ноября 2004 г.), который утвердил новое Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [10]. Структура МВД России вплоть до марта 2011 г. состояла из подразделений и служб, которые объединялись по линейно-отраслевому признаку и возглавлялись министром и его заместителями.

Несмотря на проведенные преобразования, деятельность органов милиции не в полной мере соответствовала принципиально новым требованиям, которые предъявлялись к правоохранительным органам в условиях гражданского общества. Об этом говорили многочисленные нарушения прав и свобод граждан, в том числе и с применением табельного оружия со стороны сотрудников милиции. В сложившейся ситуации Президент Российской Федерации Д.А. Медведев 24 декабря 2009 г. издал Указ «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», заложивший основы проведения реформ в МВД России [11]. В Указе главы государства отмечалось, что существующая структура органов внутренних дел, организация их деятельности, кадровое, финансовое, материально-техническое обеспечение милиции не отвечают современным требованиям и нуждаются в модернизации. Органам исполнительной власти предлагалось подготовить конкретные предложения по реформированию органов правопорядка.

В соответствии с поручением президента была проведена большая работа по совершенствованию

законодательства, регулирующего деятельность сотрудников милиции, в первую очередь касающуюся отношений с гражданами. В феврале 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Закон «О полиции», который с 1 марта 2011 г. вступил в законную силу [12]. Вслед за этим законом был принят ряд других нормативно-правовых актов, определявших социальные гарантии сотрудников полиции, а также порядок прохождения службы в органах внутренних дел. Таким образом, первая группа источников позволяет увидеть основные этапы, цели и результаты реформирования правоохранительных органов в постсоветский период.

Для изучения истории правоохранительных органов отдельных регионов большое значение имеет *вторая группа источников* – материалы местных законодательных и исполнительных органов власти. Указанные материалы отражают взаимоотношения региональных органов управления и милиции (полиции) по обеспечению законности и правопорядка на территории области. Так, постановлением Губернатора Вологодской области в сентябре 2000 г. было утверждено Положение об Управлении внутренних дел Вологодской области, в котором определялись основные задачи и функции УВД, полномочия его начальника, структура правоохранительных органов на территории региона, меры по организации и обеспечению деятельности УВД [3]. В дальнейшем в это Положение вносились изменения, вытекавшие из корректировки задач решаемых органами правопорядка.

В последние годы УМВД России по Вологодской области активно взаимодействует с властями и заинтересованными ведомствами по реализации государственных программ правоохранительного характера. С 2013 г. осуществляется программа «Обеспечение профилактики правонарушений, безопасности населения и территории Вологодской области в 2013–2020 годах». В октябре 2013 г. Правительство области утвердило новую государственную программу «Обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности в Вологодской области на 2014–2020 годы», которая включила в себя 5 подпрограмм: «Профилактика преступлений и иных правонарушений», «Безопасность дорожного движения», «Противодействие незаконному обороту наркотиков, снижение масштабов злоупотребления алкогольной продукцией, профилактика алкоголизма и наркомании», «Обеспечение реализации государственной программы на 2014–2020 годы», «Профилактика безнадзорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних “Вектор будущего”». Данные документы дают возможность осветить условия работы и основные задачи, решаемые органами внутренних дел Вологодской области, их взаимодействие с местными властями.

Третья группа источников представлена делопроизводственной документацией, которая находится в ведомственном архиве УМВД по Вологодской области. Это акты нормативно-правового, директивно-распорядительного, организационного и отчетного характера. К документам нормативно-правового характера относятся положения о структурных подразделениях Управления, о подчиненных органах и под-

разделениях, которые утверждаются начальником УМВД России по Вологодской области, а также инструкции, наставления и правила, регулирующие деятельность сотрудников правоохранительных органов.

Основной массив распорядительных документов составляют приказы начальника Управления, касающиеся всех сторон организации и деятельности различных подразделений органов внутренних дел, их штатного расписания, мероприятий по проведению оперативных и профилактических мероприятий, поощрения и наказания сотрудников. В распорядительных актах содержатся также сведения об изменении структуры органов милиции и полиции, профессиональной деятельности, кадровым вопросам, хозяйственным делам.

Характер директивных документов имели также решения коллегии Управления. На заседаниях коллегии регулярно подводились итоги оперативно-служебной деятельности за тот или иной отчетный период, анализировалось выполнение директив МВД, осуществлялось обобщение передового опыта, рассматривалось состояние хозяйственно-финансовой деятельности и решались другие вопросы. Особое внимание коллегия уделяла вопросам о ходе реализации директивных предписаний МВД России. В целом исследование распорядительной документации милиции (полиции) позволяет получить информацию о текущей жизнедеятельности правоохранительных органов, структурных изменениях, порядке реализации предписаний, отдаваемых вышестоящими органами, проблемах в профессиональной деятельности, работе с личным составом, финансово-материальных вопросах.

Информирование вышестоящих органов о деятельности вологодской милиции выражалось в виде отчетных документов. В данных источниках содержатся сведения об организации деятельности вологодской милиции (полиции), дается анализ криминогенной ситуации в области за отчетный период и факторов, влияющих на нее. В отчетах особое внимание обращено на динамику цифровых показателей, характеризующих в процентном соотношении раскрываемость различных видов преступлений, а также на меры профилактического характера в борьбе с преступностью.

Четвертая группа источников – материалы статистики. Официальная статистика о динамике преступности содержится в российских и областных статистических сборниках: «Россия в цифрах», «Статистический ежегодник Вологодской области», «Вологодская область: цифры и факты», «Вологодская область в цифрах» и др. Но эта статистика касается лишь общего количества и основных видов зарегистрированных преступлений, таких как убийство и покушение на убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, грабеж и разбой, незаконный оборот наркотиков, кража, хулиганство. В архиве УМВД по Вологодской области содержится детальная статистическая информация о динамике преступности, характере преступлений, категориях правонарушителей, раскрываемости преступлений и т.д. Так, характеризуя правонарушителей, ведомственная статистика выделяла следующие категории: женщины,

несовершеннолетние, студенты и учащиеся, лица без постоянного источника дохода, ранее судимые, иностранные граждане. Учитывались также преступления, совершенные в составе организованных преступных групп, в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Однако эти документы предназначены для служебного пользования.

Пятая группа источников – материалы личного происхождения, мемуары, дневники, воспоминания сотрудников правоохранительных органов. Как правило, мемуары пишут люди образованные, имеющие немалый жизненный опыт и обладающие определенным литературным талантом. Ценность этого вида источников заключается в том, что они зачастую содержат конкретную и детальную информацию от непосредственных участников и свидетелей событий, характеризующих деятельность различных подразделений органов внутренних дел. В то же время следует учитывать как специфику работы сотрудников органов внутренних дел, которые не могут раскрывать все секреты своей профессиональной деятельности, так и определенную субъективность этого вида источников.

Шестая группа источников – периодическая печать. На ее страницах публикуются сведения о деятельности органов милиции (полиции), материалы об отличившихся ее сотрудниках, освещаются наиболее громкие преступления. Традиционно разнообразный материал о сотрудниках органов внутренних дел появлялся на страницах печати в связи с праздничными мероприятиями, посвященными органам милиции.

Седьмая группа источников – интернет-ресурсы. В последние годы эти источники приобретают все большее значение в исторических исследованиях. Можно выделить два основных вида электронных исторических источников: «вторичный», представляющий собой дубликат первоисточников (сканирование, перепечатка различных материалов), и «первичный» электронный исторический источник. К «вторичным» электронным источникам относятся электронные версии периодических печатных изданий. Так, вологодская областная общественно-политическая газета «Красный Север» публикует материалы на своих страницах и размещает их на сайте <http://www.krassever.ru>. Разнообразный материал содержится на официальном сайте Управления МВД по Вологодской области (<https://35.mvd.rf>). На сайте ежедневно размещаются материалы о совершенных и раскрытых преступлениях на территории области, оперативно-профилактических мероприятиях органов внутренних дел, дорожно-транспортных происшествиях, различных акциях с участием сотрудников полиции, спортивных событиях и т.д. Информационные порталы <http://35media.ru/>, <http://www.severinform.ru>, <https://cherinfo.ru> и ряд других оперативно сообщают о событиях в разных сферах общественной жизни, много внимания уделяют деятельности правоохранительных органов в современных условиях.

Таким образом, имеется широкий и разнообразный комплекс источников по изучению истории органов внутренних дел России и отдельных регионов в постсоветский период. В совокупности эти источники содержат разнообразную и достаточно емкую информацию

для детального и всестороннего изучения истории организации и деятельности правоохранительных органов.

Литература

1. О неотложных мерах по коренному улучшению работы с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: Директива МВД Российской Федерации от 19 июня 1996 г. № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901857404> (дата обращения: 23.10.2018).

2. О милиции: Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/10103710> (дата обращения: 08.11.2018).

3. Об утверждении Положения об управлении внутренних дел Вологодской области: Постановление Губернатора Вологодской области от 13 сентября 2000 г. № 791 [Электронный ресурс]. – URL: <http://zakon-region2.ru/1/41689/> (дата обращения: 08.11.2018).

4. О Концепции развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: Приказ МВД Российской Федерации от 20 марта 1996 г. № 145 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/1345539/> (дата обращения: 15.11.2018).

5. Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr4659.htm2> (дата обращения: 25.11.2018).

6. О борьбе с коррупцией в системе государственной службы: Указ Президента Российской Федерации от 4 апре-

ля 1992 г. № 361 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/1158> (дата обращения: 26.11.2018).

7. О мерах по защите прав граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с преступностью: Указ Президента Российской Федерации от 8 октября 1992 г. № 1189 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/21534> (дата обращения: 26.11.2018).

8. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 1996 г. №1039 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11057/ (дата обращения: 29.11.2018).

9. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 4 июня 2001 г. № 644 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/12123289/> (дата обращения: 29.11.2018).

10. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 19 июля № 927 (в ред. от 5 ноября 2004 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/64434> (дата обращения: 04.12.2018).

11. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/12171874/> (дата обращения: 04.12.2018).

12. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 04.12.2018).

S.G. Karpov

SOURCES FOR THE STUDY OF HISTORY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN POST-SOVIET RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF VOLOGDA OBLAST)

The article is devoted to the analysis of the corpus of sources on the history of internal affairs bodies in post-Soviet Russia. The author classifies the sources and shows their role in revealing the peculiarities of the structure and activity of law enforcement agencies, both in regions and in the whole country.

Law, source, militsiya, internal affairs bodies, police, decree.

В.А. Квашнин

Вологодский государственный университет

КАТОН СТАРШИЙ В ЗЕРКАЛЕ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье прослеживается развитие в античной историографии образа выдающегося государственного деятеля Римской республики II в. до н.э. Марка Порция Катона Старшего Цензора от момента зарождения римского историописания и до времени заката античной цивилизации. На основе поведенного анализа выделяется несколько линий развития греко-римской историографии, в рамках которых получили развитие различные трактовки образа Катона Старшего.

Древний Рим, Катон Старший, античная историография, риторика.

Катон Старший является одним из самых ярких героев римской истории III–II вв. до н.э.¹. Не будет преувеличением сказать, что его личность неизменно привлекала внимание античных авторов вне зависимости от метаморфоз государственно-политического устройства Рима. В то же время, несмотря на большое число римских и греческих авторов, писавших о Катоне, корпус сведений о нем достаточно скуден. Некоторым утешением для историка служит то, что сохранились тексты, принадлежащие непосредственно Катону – это, прежде всего, его трактат «De agri cultura», фрагменты речей, отрывки из исторического сочинения «Origines» и других произведений. Данное обстоятельство хотя и выглядит обнадеживающим для исследователя (все остальные более или менее заметные деятели данного периода не оставили ни строки), тем не менее, учитывая характер и количество дошедших до нас текстов, не позволяет составить более или менее полное представление ни о личности Катона, ни о его времени. Учитывая это, неизбежно обращение к последующей традиции, которая и расставила основные акценты в понимании этой сложной и противоречивой фигуры.

Конечно, учитывая немногочисленность и разрозненность сохранившихся источников, было бы соблазнительно безоговорочно довериться тем свидетельствам древних авторов, что дошли до нас. Тем не менее, следует учитывать, что источники, содержащие сведения о Катоне и его времени, в значительной степени тенденциозны и субъективны. Прежде всего обращает на себя внимание то, что самые ранние из сочинений авторов, писавших о Катоне, появились век спустя после описываемых в них события. Нельзя не отметить и крайнюю их разнородность: перед нами биографии, философские трактаты, сборники памятных

изречений и исторических анекдотов, а также собственно исторические труды, в том понимании этого жанра, которое было присуще той эпохе, окрашенные как субъективным авторским восприятием описываемого времени, так и теми политическими взглядами, стереотипами и предрассудками, которых придерживались античные авторы. Благодаря историко-филологическим исследованиям очевидной стала такая особенность античной культуры, как пронизывающая ее риторичность, унаследованная от устного ораторского жанра направленность на эмоционально-духовный мир читателя, стремление увлечь и заинтересовать его [5, р. 234–242; 16, с. 203–228; 17, с. 224–226]. Общим местом в литературе стало то, что при работе с источниками необходимо учитывать синкретичный характер жанра античной историографии, соединявшего в себе элементы литературы, риторики и собственно истории.

Не менее важным является и знание контекста эпохи, к которой принадлежит тот или иной источник. Личность Катона Старшего в эпохи Поздней Республики и Империи пережила несколько волн повышенного внимания, сменявшихся периодами почти полного безразличия. Основная часть сведений о Катоне содержится в сочинениях Корнелия Непота, Цицерона, Тита Ливия, Авла Геллия и Плутарха. Всех этих авторов можно условно разделить на две большие группы. Первая волна интереса к Катону приходится на смутное время I в. до н.э., когда особую актуальность получили воспоминания о «золотом веке» Римской республики и его героях. Видимо, впервые портрет Цензора появляется в сочинении Корнелия Непота, а в трудах Цицерона и Тита Ливия личные качества и перипетии судьбы Катона были осмыслены как отражение эпохи расцвета римской гражданской общины, еще не затронутой кризисом. Если в произведениях Цицерона фигура Катона удачно оттеняла упадок как политических институтов, так и самих основ сенатско-аристократической Республики, то у Ливия она помогает создать картину величия и славы Рима, возрожденных правлением Августа. Позднее, однако, в период правления Юлиев-Клавдиев и Флавиев Катон Старший оказался оттесненным на второй

¹ В качестве примера приведем всего несколько выдержек из работ отечественных авторов XIX–XX вв. По мнению В.И. Модестова: «...эта строгая и вместе с тем странная личность возбуждала... еще в древности немалое удивление, продолжающееся и до сих пор» [21, с. 186]. С.Л. Утченко называет Катона «своеобразной и одиноко стоящей фигурой» [26, с. 14]. В оценке Т.И. Кузнецовой и И.П. Стрельниковой «Катон был одной из самых замечательных фигур как в истории римской литературы, так и в истории римского государства» [18, с. 10].

план своим правнуком Катонем Младшим, который вместе с Брутом, Кассием и Цицероном стал героем сенатской «фронды». Новый всплеск интереса к Цензору приходится на II в. н.э., когда фигура Катона оказалась востребованной как римскими «архаистами» Авлом Геллием и Марком Фронтоном, так и греческими авторами и, прежде всего, Плутархом. Видимо, не случайно «возрождение» Катона приходится на время правления Антонинов, когда даже императоры зачитывались его сочинениями (SHA.I.16.6). В отечественной историографии высказывалась точка зрения, согласно которой увлечение ранними римскими авторами было реакцией на засилье греческой культуры, своеобразным проявлением зрелости римской цивилизации, обратившейся к своим духовным корням [28, с. 12–13]. Как представляется, эта безусловно существовавшая тенденция накладывается на более широкий процесс возрождения на качественно иной социальной основе полисных принципов в жизни Римской империи. Гражданская община достигает своего расцвета в Риме в III–II вв. до н.э. Последовавший за этим кризис республики не означал, однако, исчезновения античных гражданских структур. Работы Ф. Миллара показали, что римское общество эпохи Принципата продолжало существовать на основе принципов гражданского общежития [3; 4, р. 76–96]. Сохранение полиса на Востоке, широкое распространение в течение I в. в провинциях городских самоуправляющихся общин-муниципиев, римской общественной культуры и права, наделение части провинциалов правами римского гражданства, совпавшее с удачной социальной политикой Антонинов, привело к расцвету империи во II в. Поэтому продуктивным выглядел подход тех исследователей, которые в образах героев Республики, воссозданных авторами периода Принципата, видят прежде всего выражение гражданских ценностей и идеалов [10]. Действительно, если бы воссоздание внешне ярких, но довольно архаичных для II в. н.э. образов республиканских героев не было актуальным, созвучным потребностям новой эпохи, вряд ли интерес к ним был бы столь долгим и основательным.

Остановимся более подробно на античной традиции о Катоне. Редкий образец римской биографии, написанной в период Республики, дает сочинение Корнелия Непота «De latinis historicis», куда вошло дошедшее до нас жизнеописание Катона. Это одно из самых ранних сочинений о Катоне, что усиливает исследовательскую ценность данного источника. Вместе с тем при его анализе необходимо учитывать жанровую специфику текста. Хотя по своей структуре непотовские *vitae* тяготеют к той разновидности античной биографии, что была обозначена С.С. Аверинцевым как гипомнематический тип², они лишь с серьезными оговорками могут быть причислены к произведениям биографического жанра [10, с. 174]. По сути, сочинение Непота является неким подобием биографической

справки, собранием выписок и заметок о Катоне. Обращает на себя внимание скупость и невыразительность катоновской биографии. Хотя римский историк специально оговаривается, что у него имеется отдельная книга, посвященная Цензору, тем не менее сам характер материала, подаваемого им, заставляет предположить, что мы имеем дело не с переработкой уже имевшихся катоновских биографий или каких-то сочинений, тяготеющих к этому виду жанра, а с соборным выписком из исторических трудов общего характера, принадлежавших, по-видимому, к анналистической традиции [8, с. 56]. В работах по классической филологии неоднократно подчеркивалось, что биографический жанр был чужд традиционной общественной культуре римлян, не испытывавших интереса к личности самой по себе, и мог появиться только как продукт эллинистического культурного влияния [7, р. 20–45; 12, с. 35]. Это в какой-то степени объясняет сухой, лишенный эмоциональной окраски рассказ Корнелия Непота, внешняя невзрачность творения которого оборачивается благом для историка, имеющего в своих руках не окрашенную тенденциозным авторским отношением информацию.

Если в дошедших до нас текстах Непота Катон представлен довольно скупо, то сочинения Марка Туллия Цицерона представляют собой полную их противоположность. Образ Цензора неоднократно встречается в переписке Цицерона, в речах «*Verrinae II*», «*Pro Murena*», «*Pro Sulla*», «*Pro Archia*», ему специально посвящен один из разделов диалога «*Brutus*» и полностью диалог «*De senectute*». Практически нет ни одного произведения Цицерона, где так или иначе не упоминался бы Катон. Без преувеличения можно сказать, что Марк Порций Катон Старший был самым почитаемым героем римской истории для Цицерона. Ни Гай Марий, ни Сципион Старший не смогли стать для Цицерона фигурами подобной значимости³. По сочинениям Цицерона можно проследить, как с годами менялся образ Катона. В судебных речах 63–62 гг. до н.э. Цицерон рисует Катона «новичком», своими талантами и заслугами перед Республикой пробившим путь к славе (Cic. Mur. 17; Agr. 2.3; Sul. 23). Их пронизывает идея преемственности Катона Старшего и Цицерона, которых объединяет общее место рождения, всадническое происхождение и звание консулара. Иным представлен Катон в диалоге «О старости», написанном в 44 г. до н.э. Цицерон, утвердившийся в римской политической элите, ставший одним из лидеров нобилитета, борьбу с которым он так ярко обрисовал в своих ранних сочинениях, дает образ уже другого Катона. Теперь это умудренный старец (Цицерону уже более 60 лет), добившийся славы и почета, расточающий похвалы Сципиону Старшему и дру-

² «Один тип это – *bios* в строгом смысле слова: возможно более полная справка о происхождении героя, о его телосложении и здоровье, добродетелях и пороках, симпатиях и антипатиях, приватных вкусах и привычках, с возможной краткостью – о событиях жизни, более подробно – о роде смерти, ко всему этому прилагается перечень анекдотов и достопамятных изречений... будем обозначать как гипомнематический тип» [9, с. 69].

³ Относительно причин такого внимания Цицерона к личности Цензора исследователи расходятся во мнениях. Высказывалась точка зрения, что в биографиях Катона Старшего и Гая Мария Цицерон находил много общего с собственной судьбой: он был выходцем из муниципия, «*homo novus*», в связи с чем достигшие вершин политической карьеры «новички» не могли не стать его героями [11, с. 9–10; 27, с. 313]. Г.Г. Майоров отвергает подобное объяснение, предпочитая видеть в цicerоновском Катоне идеал государственного деятеля и гражданина, перенесенный на конкретную личность [25, с. 57–58]. По-видимому, право на жизнь имеют обе точки зрения, отнюдь не исключающие друг друга.

гим представителям знати (Senect. 13, 19, 61, 82). Перед нами два Катона, точнее, два образа, созданные Цицероном в разные периоды жизни. В раннем образе Катона, созданном молодым Туллием, как в капле воды отразились собственные амбиции незнатного муниципала. Возвеличивая Мариа и Катона, утвердившихся в римской властной элите, Цицерон тем самым возвышал себя как в собственных глазах, так и в глазах сограждан. В этом Катоне, точнее, в сведениях о нем, очевидно, содержится историческое зерно. Поздний катонский образ явно менее историчен. Это, по удачному определению В.М. Смирина, литературно-риторический Катон, художественный образ, созданный для передачи идей самого Цицерона [31, с. 101]. Создав его, Цицерон заложил основу определенной традиции восприятия Катона в качестве идеального гражданина. Этим было положено начало процесса «канонизации» Катона, в ходе которого постепенно исчезают черты реального человека, замененного литературно-риторическим образом героя римской истории⁴.

Заметим, что «героизация» и «канонизация» Катона были обусловлены самой эпохой кризиса римской гражданской общины. Сожаление по поводу все более стремительного разложения как римских республиканских институтов, так и традиционных гражданских ценностей, стремление остановить их распад стимулировало поиск кандидатов на роль образца идеального гражданина. В том, что таким образом для Цицерона стал Катон Старший, нет ничего удивительного, поскольку в этом случае глубоко личное удачно сочеталось с гражданской позицией и идеалами самого Цицерона. Видимо, следует уточнить вывод Г.Г. Майорова о том, что образ Катона Старшего, созданный Цицероном, является не историческим, а идеологическим и даже мифологическим образом, в котором отразились идеалы и чаянья самого Цицерона [20, с. 61]. Скорее, речь должна идти о том, что Цицерон отобрал те качества Катона, которые были востребованы его эпохой, сделав Цензора эталоном гражданина, идеальным образом, на который нужно было равняться в эпоху кризиса римской общины.

Говоря о сочинении Тита Ливия, трудно переоценить его значение, поскольку события римской истории вплоть до середины II в. до н.э. известны нам главным образом благодаря этому автору. С другой стороны, на сегодняшний день стало очевидным, что Ливий создал идеологизированный монументальный очерк истории римской общины, тенденциозно окрашенный авторской идеей [14, с. 594–595, 635, 645–646]. Поэтому при использовании его сведений необходимо учитывать не только особенности античной историографии, но и методы работы древних авторов с историческим материалом. Ливий в этом отношении представляет особый интерес, поскольку его фундаментальное творение является своего рода итогом определенного этапа развития римской историографии, формировавшейся под сильным влиянием эллинистических традиций. Римские историки не только

восприняли, но и творчески развили метод художественно-риторического постижения истории, который придавал достоверности информации и анализу источников куда меньшее значение, чем форме произведения, позволявшей сделать максимально убедительной для читателя авторскую идею, вокруг которой и строилось повествование [7, р. 20–45]. Созданию эффекта убедительности и правдоподобия в наибольшей степени способствовала риторическая техника, детально разработанная еще греческими теоретиками классического периода. В то же время античным авторам было чуждо современное понимание смысла «ремесла» историка. Подход римских историков к материалу определялся не целью исследования всей возможной совокупности фактов для познания на их основе определенных закономерностей исторического развития, а, напротив, исходя из общей идеи, авторской концепции, определявшей смысл повествования, шел тщательный отбор фактов, которые должны были обосновать и проиллюстрировать эту главную идею [19, с. 81; 16, с. 203–205; 17, с. 224–235; 12, с. 4–8, 72–79].

Если взглянуть на труд Ливия под таким углом зрения, то можно обнаружить, что в нем, как в зеркале, отразились общественные идеалы и ценности *civitas*, спроецированные на реальную историю Рима. Изучение исследовательской техники Ливия показало, что зависимость римского историка от источников была напрямую связана с использованием им художественно-риторических приемов: там, где они активно применяются, меньше зависимость от конкретного исторического материала, и, соответственно, больше зазор между правдой и правдоподобием; там, где риторики меньше, большее внимание уделяется историкам [16, с. 215]⁵. Отмеченные особенности творческого метода Ливия наиболее ярко проявляются в созданных им образах римских государственных деятелей. Идеальной общине должен был соответствовать столь же идеальный гражданин, которому были бы свойственны высокие духовно-моральные качества (*summa virtus*), поскольку это главное, что отличает римлян от всех остальных людей. Персонификацией таких качеств у Ливия являются конкретные фигуры римских магистратов, сенаторов, полководцев⁶.

Художественный талант Ливия проявляется в умении показать, как одни и те же моральные качества по-разному сочетаются в различных персонажах. Для одних характерно наиболее полное и гармоничное сочетание основных черт римского характера, примером чего являются образы Фабия Максима или Сципиона Старшего; в других персонажах усиливает-

⁴ Здесь, видимо, действовали определенные жанровые законы: обобщая и схематизируя личность конкретного человека, античный автор добивался максимальной концентрации внимания читателя на нескольких характерных чертах героя, которые несли главную смысловую нагрузку.

⁵ Как замечает Г.С. Кнабе, «в эпосе Тита Ливия мы имеем дело не с одной лишь непосредственной римской действительностью как таковой и не с одним лишь общественным идеалом римской гражданской общины как таковым, а с объединяющим их римским мифом» [14, с. 646].

⁶ Исследователи неоднократно отмечали, что в образах главных героев Ливия представлены лучшие стороны римского национального характера, сведены воедино все достоинства идеального римского гражданина [19, с. 116–118; 17, с. 227; 12, с. 76]. С одной стороны, *vir bonus* – это патриот, суровый мужественный воин, с другой – дисциплинированный, религиозный, здравомыслящий гражданин, отличающийся скромным образом жизни, серьезностью и почитанием традиций. Именно в образах героев римской истории фокусируется и раскрывается основная идея сочинения Ливия, о чем он уведомляет читателя в начале своего труда (Praef. 9–11).

ся (вплоть до гиперболизации) одно или несколько родственных качеств – так, если в образе Марцелла явно преобладают достоинства воина, то у Катона выделены преимущественно качества политика (гражданина). В решении поставленной Ливием «сверхзадачи» значительную роль сыграл художественный прием сравнения и противопоставления действующих лиц по их достоинствам, также заимствованный из арсенала эллинистической историографии [19, с. 129; 16, с. 224]. Создание контрастного фона позволяло Ливию ярче выделить те качества его положительных персонажей, которые он считал необходимым подчеркнуть. К числу наиболее почитаемых героев Ливия относится Сципион Старший, видимо, наиболее соответствовавший представлениям историографа об идеальном римлянце. Ливий особо выделяет главное из многочисленных достоинств Сципиона – милосердие (*clementia*)⁷. Однако в сочинении Ливия содержатся и сведения, бросающие тень на этого героя (дурная репутация его солдат и «царские обычаи» Сципиона в Испании, скандалы с людьми из его окружения – Племиниум и Термом, роскошь зимней стоянки в Сиракузах)⁸. Даже те эпизоды, которые не опускаются Ливием, видимо, подвергаются какой-то обработке, будь то судебные процессы 180-х годов или эпизод с Софонисбой⁹.

Для создания нужного образа Ливий активно использует художественные средства, чтобы оттенить достоинства Сципиона в сравнении с другими персонажами. Так, чтобы показать благородство и мягкость Публия, Ливий сталкивает этолийских послов с жесткой и бескомпромиссной позицией его брата Луция (XXXVII.6.4-7). Однако куда ярче качества Сципиона высвечиваются на фоне другой, не менее выдающейся личности. Это антагонист Сципиона Марк Порций Катон, также человек выдающихся способностей и качеств души (XXXIX.40.1-9). В то же время едва ли не наиболее часто применяемый к этому герою эпитет – «суровый» (*severus*)¹⁰. Соперничество двух выдаю-

щихся мужей как нельзя лучше оттеняет «милосердие» Сципиона и «суровость» Катона. Перед нами явно литературный прием, независимо от того, используется ли он Ливием намеренно или бессознательно. Интересно, что, по крайней мере, дважды Ливий отступает от такой характеристики Катона. Так, при описании событий, связанных с отменой Оппиева закона, оппонент «неумолимого» Цензора плебейский трибун Луций Валерий допускает следующую оговорку: «я знаю... и все мы знаем, как ни мягка душа Марка Катона, сколь грозен, а иной раз свиреп бывает он в своих речах»¹¹. В 45-й книге, описывая дебаты в сенате по поводу Родоса, Ливий пишет: «Больше всех помог родосцам Марк Катон; человек по природе суровый, на этот раз он выступал как сенатор кроткий и снисходительный»¹². Возможно, подобные оговорки являются свидетельством того, что сам Ливий осознавал условность созданного им образа крутого нравом сурового цензора римских нравов.

Как бы то ни было, именно Ливий вслед за Цицероном заложил ту традицию восприятия фигуры Катона Старшего, что была подхвачена и развита авторами последующего времени. Результатом ее стало обеднение личности Катона. Признание его незаурядных дарований появляется уже в первых известных нам биографиях: «Во всяком деле он проявлял исключительное рвение, так что был и умелым земледельцем, и опытным правоведом, и великим полководцем, и отменным оратором, и усерднейшим писателем»¹³. Цицерон также отмечал удивительное многообразие талантов Марка Порция: «А чего, в самом деле, недоставало Марку Катону...? Разве знание права мешало ему выступать с речами? Или его ораторские способности – изучать право? Он был мужественнее всех в народном собрании, лучше всех в сенате... и был отличным полководцем. Словом, в те времена у нас не было бы ничего, что можно было бы знать и изучать, и чего бы он не знал, не исследовал и даже не описал бы в своих сочинениях»¹⁴. Блестящую характеристику Катону дает Ливий: «Он умел одинаково безупречно вести и свои личные дела, и дела республики, зная толк и в политике, и в сельском хозяйстве. Вершины почестей одни достигают знанием права, другие – красноречием, третьи – славой воинских подвигов; Катон же с равным успехом подвизался на каждом из перечисленных поприщ. Что бы он

⁷ Оно проявляется в мягком и уважительном отношении полководца к пленным испанцам (XXVI.49.7–10; XXVII.19.2), и, особенно, к попавшим в плен испанским женщинам (XXVI.49.11–16), что не может не вызвать аналогии с Александром Великим. Также это освобождение племянника Масиниссы (XXVII.19.8–12) и снисходительное отношение к испанским вождям Мандонию и Индибилису (XXVII.17.15–17; XXVIII.34.3–11).

⁸ Другие античные авторы также сообщают сведения, рисующие несколько иной облик прославленного римского полководца: сообщает о его неумеренной страсти к женщинам, о его жадности, звучит даже сомнение в его храбрости (Polyb.X.19.3; Cic.De orat.II.268; SHA.XI.12.2).

⁹ Стоит отметить, что и главное, приписываемое Сципиону Старшему достоинство – милосердие, возможно, не было столь характерно для этого римского героя. А.И. Немировский в этой связи отмечает, что *clementia* как фундаментальная, социально значимая ценность присуща скорее эпохе Августа, являясь порождением мучительного опыта жесточайших гражданских войн поздней республиканской эпохи [22, с. 232]. Высказывалось предположение, что понятие *clementia* появляется в римской системе ценностей достаточно поздно и под влиянием эллинистической культуры [19, с. 86]. Периоду смертельно опасной для Рима схватки с таким грозным соперником как Карфаген, времени жесточайшего испытания на прочность основ римской *civitas* милосердие было менее всего свойственно. В реалиях той эпохи оживает как раз «апокрифический» Сципион, чьи человеческие качества вполне соответствовали его времени.

¹⁰ Liv.XXXVII.27.3; XXXIX.40.10; XXXIX.41.12; XXXIX.44.1.

¹¹ Liv.XXXIV.5.6: Verba magna quae rei augendae causa conquirantur et haec et alia esse scio, et M. Catonem oratorem non solum gravem sed interdum etiam trucem esse scimus omnes, cum ingenio sit mitis. Пер. Г.С. Кнабе.

¹² Liv.XLV.25.2: Plurimum causam eorum adivit M. Porcius Cato, qui, asper ingenio, tum lenem mitemque senatorem egit. Пер. О.В. Левинской.

¹³ Nep.Cat.3.1: In omnibus rebus singulari fuit industria. Nam et agricola sollers et peritus iuris consultus et magnus imperator et probabilis orator et cupidissimus litterarum fuit. Пер. Н.Н. Трухиной.

¹⁴ Cic.De orat.III.135: Quid enim M. Catoni praeter hanc politissimam doctrinam transmarinam atque adventiciam defuit? Num, quia ius civile didicerat, causas non dicebat? Aut quia poterat dicere, iuris scientiam neglegebat? Utroque in genere et elaboravit et praestitit. Num propter hanc ex privatorum negotiis conlectam gratiam tardior in re publica capessenda fuit? Nemo apud populum fortior, nemo melior senator; et idem facile optimus imperator; denique nihil in hac civitate temporibus illis sciri discive potuit, quod ille non cum investigaret et scierit tum etiam conscripserit. Пер. Ф.А. Петровского.

ни делал, можно было подумать, что именно для этого он и рожден. Как рядовой солдат, он во многих боях проявил выдающуюся храбрость, а позднее, уже в качестве командующего, обнаружил незаурядный талант полководца. Он был известен как крупный законовед, искушенный в любых юридических тонкостях, и как блестящий оратор...»¹⁵.

В то же время сведения о Катоне, разбросанные по нескольким книгам Ливия, соответствуют не приведенной выше характеристике, а сводятся к определенной схеме, в которой Катону и Сципиону отводятся строго определенные роли: Сципион – великий полководец (выделена военная ипостась гражданина), тогда как Катон – великий оратор и политик (выделена политическая составляющая). Насколько подобная схема была далека от действительности указывают приведенные выше свидетельства античных авторов¹⁶. Следует обратить внимание на то, что в тексте Ливия присутствует определенная схема, в которую, видимо, должна была уложиться характеристика Цензора: «вершины почестей одни достигают знанием права, другие – красноречием, третьи – славой военных подвигов; Катон же с равным успехом подвизался на каждом из перечисленных поприщ» (XXXIX.40.5)¹⁷. Для краткости ее можно обозначить: **правовед (1) – оратор (2) – воин (3)**. Как можно видеть, Ливий отходит от этой схемы, сначала рассказывая о Катоне-воине (3), затем – о Катоне-правоведе (1) и, наконец, о Катоне-ораторе (2). Плутарх пишет о том, что «Катон всех оставил позади и как мудрый полководец, и как храбрый воин; не только в Испанской войне, когда он был консулом, но даже при Фермопилах, когда командовал другой консул, а сам Катон был при нем легатом, всю славу снова стяжал он...»¹⁸. Авторы римских трактатов о военном искусстве Секст Юлий Фронтин в «Стратегемах» и Ренат Флавий Вегаций в «Эпитомах военного дела»

постоянно ссылаются на боевой опыт Катона, упоминаемая при этом военный трактат, принадлежащий ему¹⁹. При этом очевидно, что значимость военных свершений Катона уступает его победам на политической арене. Обладая незаурядными военными талантами, которые он демонстрирует во время Ганнибаловой войны, а затем в Испании, Галлии и Греции, Катон тем не менее находился в тени военного гения Сципиона Старшего. Вероятно, обстоятельство не позволили полностью раскрыться полководческим талантам Катона. Однако недостаточное освещение их в традиции было вызвано прежде всего тем, что в Катоне гражданин превосходил воина, поэтому основное внимание античных авторов было сосредоточено на его политической деятельности. В фокусе оказался Катон-гражданин, а не Катон-воин. Это позволяет объяснить, почему в традиции Катон представлен прежде всего как политик и оратор, а как воин и полководец он показан сравнительно слабо. Даже Вегаций, писавший о знаменитом Катоне Старшем, «который и как воин был непобедим в бою и как консул водил в бой войска», в начале своего сочинения предупреждает, что «написал о военном искусстве знаменитый Катон Цензор»²⁰.

Личность Катона привлекла внимание и авторов I в. н.э., примером чего являются сочинения Плиния и Сенеки. В труде Гая Плиния Цецилия Секунда Старшего «Naturalis historiae libri» содержится ряд сведений о Катоне, как правило, основанных на текстах самого Цензора²¹. Довольно часто упоминается Катон и в сочинении Луция Аннея Сенеки Младшего «Ad Lucilium epistulae morales», в котором происходит развитие традиции восприятия героев Римской республики, заложенной в поздних сочинениях Цицерона: Сципион, Катон, Фабий утрачивают облик реальных исторических героев, превращаясь в безликий нравственный идеал. Традиционная модель *vir bonus* переосмысливается Сенекой в стоическом духе. Старые гражданские доблести отступают у него на задний план, вследствие чего хрестоматийные герои выступают как носители стоических добродетелей. Основное содержание их деятельности – служение римской *civitas* – выпадает из поля зрения Сенеки. В целом образ Катона Старшего в «Нравственных письмах» неисторичен, что позволяет автору свободно объединять таких антагонистов, какими были в реальной жизни Цензор и Сципион. И тот и другой интересуют Сенеку прежде всего в качестве носителей высоких нравственных качеств (Ep.XVI.6). Практически везде в тексте Сенеки Катон упоминается вместе со Сципионом Африканским и Гаем Лелием²². Следствием морально-философской направленности сочинения Сенеки стал тенденциозный отбор автором фактов,

¹⁵ Liv.XXXIX.40.4–7: In hoc viro tanta vis animi ingenique fuit, ut quocumque loco natus esset, fortunam sibi ipse facturus fuisse uideretur. nulla ars neque priuatae neque publicae rei gerendae ei defuit; urbanas rusticisque res pariter callebat. Ad summos honores alios scientia iuris, alios eloquentia, alios gloria militaris prouexit: huic versatile ingenium sic pariter ad omnia fuit, ut natum ad id unum diceres, quodcumque ageret: in bello manu fortissimus multisque insignibus clarus pugnis, idem postquam ad magnos honores peruenit, summus imperator, idem in pace, si ius consuleres, peritissimus, si causa oranda esset, eloquentissimus, nec is tantum, cuius lingua uiuo eo uiguerit, monumentum eloquentiae nullum exstet: uiuit immo uigetque eloquentia eius sacrata scriptis omnis generis. Здесь и далее пер. Э.Г. Юнца.

¹⁶ К примеру, Непот прямо называет Катона великим полководцем (*magnus imperator*).

¹⁷ Отдельную проблему представляет источниковая база Ливия. Исследования А. Клотца и В. Зольтау показали, что для четвертой и пятой декад своего труда Ливий использовал сведения анналистов – Целия Антипатра, Клавдия Квадригария, Валерия Анциата, а также Полибия [6, s. 21–46; 2, s. 481–536]. В качестве второстепенных источников были использованы сочинения Фабия Пиктора, Цинция Алимента и Кальпурния Пизона [7, p. 133–134]. В той части работы Ливия, где затрагивается деятельность Катона, он в основном использует сочинения Валерия Анциата и Рутилия Руфа, а также сведения, взятые из труда Полибия.

¹⁸ Plut.Cat.Mai.XXIX.3: Κάτων δ' οὐ μόνον αὐτὸς ὑπάτευσεν ἐπρωτεύουσα καὶ χειρὶ καὶ γνώμῃ κατὰ τὸν Ἰβηρικὸν πόλεμον, ἀλλὰ καὶ χιλιάρχων περὶ Φερμοπίλας ὑπάτευσοντος ἑτέρου τὴν δόξαν ἔσχε τῆς νίκης, μεγάλας ἐπ' Ἀντίοχον Ῥωμαίοις ἀναπετάσας κλισιάδας καὶ πρόσω μόνον ὀρώντι τῷ βασιλεῖ περιεστῆσας κατὰ νῦτον τὸν πόλεμον.

¹⁹ Front.1.1.1; 1.2.5; 2.4.4; 2.7.4; 3.1.2; 3.10.1; 4.1.16; 4.1.33; 4.3.1; 4.7.12; 4.7.31; Veget. 1.8; 1.13; 1.15; 2.3.

²⁰ Veg. II.3: Cato ille Maior, cum et armis inuictus esset et consul exercitus saepe duxisset...; I.8: ... Cato ille Censorius de disciplina militari scripsit.

²¹ Plin.N.H.Praef.30; VII.113; VIII.5; XXV.2; XXV.4; XXIX.14; XXXVI.31; XXXIX.15. В своей работе Плиний использовал трактат «De agri cultura», «Libri ad Marcum filium» и отдельные книги «Origines».

²² Sen.Ep.7.6; 11.10; 26.6; 64.10; 70.22; 87.9; 94.27; 96.72; 104.2.

подтверждающих приверженность героев Римской республики стоическим ценностям²³.

Очередной пик интереса к Катону приходится на II в., когда центральным явлением духовной жизни римского общества становится классицизм, принявший четкие очертания архаизма²⁴. Эта тенденция отразила определенные общественные сдвиги, и, прежде всего, расцвет гражданских институтов, проросших в провинциальной «плоти» империи. Это не могло не вызвать напряженного интереса к эпохе другого расцвета, времени классической Республики. При этом общественная ориентация на прошлое и его идеализация вели не только к активному поиску антикварного материала, кропотливому его изучению, попыткам воспроизвести его в подражаниях и переработках, но и к тому, что С.С. Аверинцев назвал «реактуализацией» римской архаики, переработанной в духе нового времени и приспособленной для нужд новой эпохи [8, с. 62].

«Воскрешение» героев Республики не обошлось без обращения к личности Катона Старшего. Марк Корнелий Фронтон рекомендовал своему ученику Марку Аврелию обратиться прежде всего к Катону как к образцу древнеримской доблести (Fronto.N.P.202). Среди качеств, присущих Катону, Фронтон особо выделяет суровость и непреклонность – качества, характеризующие гражданина старого времени (Fronto.N.P.52,113,202). Широко представлен Катон и в сочинении Авла Геллия «Noctes Atticae», куда вошел разнообразный антикварный материал в виде отрывков и цитат из древних авторов, в том числе и из трудов Цензора²⁵. Несмотря на внешнюю бессистемность «Аттических ночей», множество примеров, подобранных автором, представляют собой либо образцы древней добродетели, либо моральные наставления. Сам автор ценил в древних авторах именно умение показать образцового римлянина (IV.8; VI.19). Ранняя римская история, таким образом, предстает в труде Авла Геллия воплощением высокой морали и древней доблести, что делает ее изучение лучшей гарантией нравственного воспитания гражданина [15, с. 263]. Одним из таких образцов следования высоким нравственным ценностям предстает Катон Старший, дающий пример древней умеренности, величия, честности, суровости [15, с. 263; 18, с. 259]. Стоит отметить, что Авл Геллий подает образ Катона более широко по сравнению с Фронтоном, что, возможно, обусловлено более полным знакомством с источниками. Ценность труда Геллия (в разрезе обсуждаемой проблемы) состоит в том, что сведения о Катоне и его

современниках даны им в виде цитат из сочинений самого Цензора, а также других античных авторов, произведения которых по большей части утеряны.

Говоря о культурных процессах в жизни римского общества II в., следует учитывать, что они не ограничивались только западной частью империи. Ориентация на свое культурное прошлое становится в это время основным содержанием полисной идеологии восточных грекоязычных областей римской державы. Политическая и социально-экономическая стабилизация сопровождаются во II в. культурным явлением, получившим в литературе название «греческого возрождения». Его характерной особенностью была ориентация на архаику и классику вплоть до эпохи Александра, процесс, явно созвучный происходившему на Западе [24, с. 174–176]. Очевидной параллелью времени Александра, ставшему логичным завершением периода, условно обозначаемого как «кризис полиса», является Поздняя республика в Риме. Показательно, что и на Западе, и на Востоке объектом острейшего общественного интереса становится время, предшествующее этим пограничным эпохам, период, который мы можем обозначить как «полисную классику» Греции и Рима.

В наиболее яркой и зрелой форме переосмысление полисных традиций проявилось в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, создавшего «монументальный апофеоз гражданских добродетелей полисной старины» [9, с. 238]. Новые акценты в понимании целей и задач, стоявших перед Плутархом, расставил цикл работ С.С. Аверинцева, позволивший по-новому взглянуть как на жанр античной биографии в целом, так и на место в нем Плутарха. Проведенное им исследование показало, что, вопреки устойчивому мнению, ориентирующемуся на плутарховские жизнеописания как на некий эталон античной биографии, по сути своей этот жанр был вне полисной системы ценностей, в связи с чем его интерес был прикован не к норме, а к отклонению от таковой во всех возможных вариантах [8, с. 53–55]. Типичная греко-римская биография, как правило, имела дело или с политическими деятелями, не укладывавшимися в рамки полисного уклада, или с деятелями области культуры – поэтами, философами, риториками, легко переключаясь на знаменитых блудниц, должностных, трезвенников, обжор, разбойников и т.д. Поэтому вполне оправданной выглядит оценка античной биографии как жанра «легковесного и недостаточно почтенного», окруженного духом любопытства, сенсации, сплетен, собирания анекдотов и курьезов всякого рода. Труд Плутарха, имеющий характер продуманного канона великих государственных мужей греко-римской древности, явно выбивается из общего русла биографических произведений, хотя и сохраняет определенную жанровую специфику. С другой стороны, он как нельзя лучше отвечает гражданственным и классицистическим настроениям своей эпохи²⁶. Отбирая своих геро-

²³ Вместе с тем Сенека Младший сообщает некоторые ценные сведения: описание места проживания Сципиона в изгнании, некоторые изречения Катона, отдельные эпизоды из его жизни.

²⁴ «Интерес к памятникам старины усилился настолько, что они, получив авторитет совершенных и непререкаемых образцов, возводились теперь в норму латинской речи. Произведения старинных авторов, таких как Катон Старший, Энний, Плавт, Саллюстий, рекомендовались для чтения, комментировались и приводились в пример для подражания» [18, с. 253].

²⁵ Gell.I.23; II.6.7; II.19.9; II.28.5; III.7; IV.18; VI.3; X.3.17; X.13.2; X.23.1-2; XI.3.2; XIII.8; XIII.19; XX.2. Как отмечает К.И. Новицкая, интерес к «римским древностям» определялся не только литературными вкусами Геллия и его эпохи, но и системой морально-этических ценностей, присущих этому автору и созвучных потребностям времени [23, с. 146].

²⁶ Из 24 имен греческой половины цикла 14 имен приходится на классический период греческой истории. Для римлян упор был сделан на республиканскую классику: ни одного персонажа императорской эпохи в сборнике нет. Биографии Гальбы и Оттона, которые обычно включаются современными издателями в корпус

ев для задуманной им грандиозной картины греко-римской полисного мира, Плутарх обращает свое внимание и на личность Катона Старшего.

Оценивая роль Плутарха в создании образа Катона, один из наиболее проницательных исследователей «катоновского вопроса» Д. Кинаст отмечает: «Античный образ Катона получил последнее свое оформление в биографии, которую Плутарх посвятил ему. Внушительное создание греческого писателя определяет катоновский образ и сегодня, поэтому каждое новое исследование о личности и деяниях Катона должно начинаться с критического исследования произведения Плутарха. Каждый новый исследователь сначала должен установить, какими источниками пользовался Плутарх и какими представлениями он вдохновлялся, чтобы прийти к заключению относительно целей, преследовавшихся автором при составлении катоновской биографии» [1, s. 10]. В целом признавая опыт Плутарха по созданию катоновской биографии как удачный, Д. Кинаст тем не менее призывает современного исследователя «постоянно учитывать, на какие составляющие распадается катоновский образ, основывая собственные суждения, где это возможно, на словах самого Катона» [1, s. 25]. К выводам исследователя хотелось бы прибавить некоторые соображения. Пользуясь сведениями Плутарха, не находящими подтверждения у других авторов, следует учитывать, что он начал изучать латинский язык довольно поздно и поэтому не владел им вполне свободно, в чем признается и сам (Dem. II)²⁷. Будучи представителем иной культуры, Плутарх не занимался поиском или отбором материала, который мог бы показать то специфическое, неповторимое, что было в римской истории, хотя отдельные антикварные штудии не были чужды ему, свидетельством чего являются «Римские вопросы». Напротив, он ищет то общее, что позволило бы сблизить, сдвинуть по направлению друг к другу две культуры, создает параллельную историю греков и римлян, тем самым в какой-то мере «эллинизируя» последних.

Среди разработок классической филологии в области плутарховских биографий обращает на себя внимание одно наблюдение. Большое количество героев «Сравнительных жизнеописаний» имело своим следствием то, что Плутарх не мог одинаково тщательно разрабатывать каждый свой образ. Из этого С.С. Аверинцевым был сделан вывод о том, что распределение общего объема между отдельными биографиями учитывало степень важности каждого героя в глазах автора. В соответствии с этим выводом наименьший объем должен был быть отведен малозначительным для автора героям [10, с. 246–248]. Из 42 до-

«Сравнительных жизнеописаний», входили в отдельный сборник биографий восьми римских цезарей от Августа до Вителлия.

²⁷ Д.П. Каллистов отмечает в этой связи: «Вообще в римских биографиях Плутарха его отрицательные черты обнаруживаются в значительно более сильной степени, чем в жизнеописаниях греков. Отсутствие критического подхода к источникам здесь гораздо заметнее. В сомнительных для него местах он, в лучшем случае, дает несколько версий одного и того же события, предоставляя читателю самому разобраться... Все эти особенности римских биографий Плутарха понятны, если учесть, что, не владея свободно латинским языком, он... не мог в такой же степени овладеть римской литературой, как родной ему греческой...» [13, с. 195].

шедших до нас биографий жизнеописание Катона по объему находится на 32 месте, так что только 10 текстов еще меньше ее (1054 строки по тойбнеровскому изданию К. Синтениса). Даже биографии Эмилия Павла и Марка Марцелла превосходят ее (1282 и 1124 строки соответственно). В то же время биографии других римских героев конца III – первой половины II вв. до н.э. занимают еще меньший объем по сравнению с «Катоном»: «Фабий Максим» – 1014 и «Тит Фламинин» – 775 строк соответственно. Это позволяет говорить о том, что биографиям героев интересующего нас периода отводится сравнительно небольшой объем в пределах 1124–775 строк; следовательно, Плутарх не ставил своей целью глубокую разработку образа Катона и других знаменитых римлян его времени. Это в какой-то мере снижает ценность написанной им биографии как исторического источника. Поэтому, оценивая надежность Плутарха как источника, полагаем, что предпочтение должно отдаваться тем его сведениям, которые находят подтверждение у Непота, Цицерона и Ливия, или, по крайней мере, не выходят за рамки созданной ими традиции.

Упоминания о Катоне встречаются и в литературе позднеантичного времени. У авторов истории Августов, Макробия, Сервия Грамматика постоянно присутствуют упоминания и цитаты из Энния, Невия, Цецилия, Катона Старшего, Сципиона Эмилиана. Интерес к архаическим римским авторам никогда не исчезал на Западе империи. В то же время можно заметить, что в IV–V вв. к древним начинают относиться и авторов конца Республики и начала Принципата. Именно им уделяется основное внимание, нашедшее выражение в многочисленных схолиях и комментариях. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что, хотя общество Поздней империи и продолжало сохранять античные формы гражданского устройства, само понятие римского гражданства претерпело существенные изменения. Начавшийся в III в. процесс массивного проникновения провинциалов в гражданский коллектив создал принципиально новую социальную ситуацию, политическим выражением которой стал режим Домината. Все это не могло не изменить мировоззрение римлян IV–V вв., для которых реалии III–II вв. до н.э. стали чем-то далеким и оторванным от жизни, хотя и сохранившим статус общественно значимого образца. Данное положение хорошо прослеживается на примере сочинений авторов истории Августов, в которых Катон, Сципион, Фабий окончательно обезличиваются, превращаясь в полуабстрактные фигуры, несущие определенную смысловую нагрузку. Так, в биографии Гелиогабала содержится выразительный эпизод, когда император именует себя на публике Фабием и Сципионом в одном лице (SHA.XVII.26.2). Основное развитие получает традиция, обозначенная сочинениями Цицерона и Сенеки, в рамках которой Катон и Сципион становятся фигурами, между которыми не ощущается принципиальной разницы. Если в биографии Севера этот мотив звучит еще не столь отчетливо, то биографии Гордиана Старшего акцент делается более определенно – жители провинции называют его то новым Сципионом, то Катоном (SHA.X.21.1; XX.5.5). Это выглядит закономерным, поскольку для человека

позднеантичной эпохи различия между двумя великими личностями значили куда меньше по сравнению с тем, что их объединяло – идеализируемой эпохой Республики.

Проследив развитие античной традиции о Катоне, мы можем сделать ряд выводов. Развитие образа Катона Старшего в традиции шло по нескольким направлениям. К первому, «**биографическому**», относятся сочинения Корнелия Непота и Плутарха, создавших законченные биографические произведения, посвященные Катону Старшему. Поскольку задачей этих авторов, при всех оговорках, было воссоздание жизни и деятельности конкретной исторической личности, их работы в наибольшей степени востребованы современной наукой. К этому же направлению следует также отнести ранние сочинения Цицерона и труд Тита Ливия, которые хотя и не являются биографическими по форме, но содержат ценные сведения о Катоне. Второе направление – «**антикварное**»: к нему относятся сочинения Плиния, Авла Геллия, Валерия Максима, Сервия. Не ставя перед собой задачу воссоздать основные события жизни Катона, эти авторы в то же время приводят множество сведений о нем, извлеченных из трудов предшественников, в том числе и из сочинений самого Цензора. Авторы антикварного направления помогают полнее восстановить отдельные эпизоды биографии Катона, а в ряде случаев сообщают сведения, отсутствующие у других авторов. Кроме того, их сведения помогают оценить степень достоверности информации авторов биографического направления. Третье направление, «**морально-философское**», обозначено поздними сочинениями Цицерона, трудами Сенеки, Фронтона, авторов истории Августов. Сведения этих авторов наименее достоверны. Катон в их сочинениях выступает прежде всего носителем выдающихся моральных качеств, нравственным образцом, в связи с чем его образ зачастую лишен исторической основы. Поэтому, если в работах биографического направления мы в наибольшей степени имеем дело с историческим Катоном, то морально-философское направление демонстрирует его литературно-риторического двойника. В то же время всех античных авторов, писавших о Катоне Старшем, объединяет идея высокой гражданственности, присущей этому государственному деятелю. Неизменно в фокусе внимания античной традиции находится Катон-гражданин. Обращает на себя внимание, что востребованность Катона в качестве примера идеального гражданина удачно накладывается на характер его эпохи, на которую приходится расцвет римской гражданской общины. Это свидетельствует о том, что характеристика Катона в целом соответствует содержанию того исторического периода, в рамках которого протекала его деятельность. Характер традиции определяет и границы возможностей исследователя биографии Катона: сведения о его государственной и общественной деятельности обладают большей степенью надежности, чем сведения о частной жизни. Анализ источников также показывает, что в традиции прослеживается процесс постепенного обеднения сложной, яркой и многогранной личности Катона Старшего, в конце концов практически вытесненной литературно-риторическим героем. При

создании литературного образа основной акцент был сделан на отдельных качествах личности Катона, гиперболизированных и порой окарикатуренных древними авторами. Это обстоятельство ставит перед исследователем ряд вопросов, и прежде всего, насколько литературный герой соответствовал реальной исторической личности. Другой важный вопрос связан с тем, когда и каким кругом лиц была создана легенда о Катоне и каковы были причины ее возникновения.

Литература

1. Kienast, D. Cato der Zensor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit / D. Kienast. – Darmstadt, 1979. – 170 s.
2. Klotz, A. Zu den Quellen der Vierten und Fünften Dekade des Livius / A. Klotz // Hermes. – 1915. – № 50. – S. 481–536.
3. Millar, F. The Emperor in the Roman world (31 BC.– AD. 337) / F. Millar. – London: Cornell University Press, 1977. – 657 p.
4. Millar, F. Empire and City, August to Julian: Obligation, Excuses and States / F. Millar // Journal of Roman Studies. – 1983. – № 73. – P. 76–96.
5. North, H. Rhetoric and Historiography / H. North // Classical Philology. – 1965. – № 42 (3). – P. 234–242.
6. Soltaw, W. Livius Geschichtswerk: Seine Komposition und seine Quellen / W. Soltaw. – Leipzig, 1897. – 224 s.
7. Walsh, P.-G. Livy: His Historical Aims and Methods / P.-G. Walsh. – Cambridge: University Press, 1961. – 340 p.
8. Аверинцев, С.С. Подбор героев в «Параллельных жизнеописаниях» и античная биографическая традиция / С.С. Аверинцев // Вестник древней истории. – 1965. – № 2. – С. 51–67.
9. Аверинцев, С.С. О жанровой специфике «Параллельных жизнеописаний» Плутарха / С.С. Аверинцев // Вестник древней истории. – 1966. – № 4. – С. 68–80.
10. Аверинцев, С.С. Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра // С.С. Аверинцев. – Москва: Наука, 1973. – 280 с.
11. Грабарь-Пассек, М.Е. 1958: Начало политической карьеры Цицерона (87–70 гг. до н. э.) / М.Е. Грабарь-Пассек // Цицерон: сборник статей. – Москва: Наука, 1958. – С. 3–42.
12. Дуров, В.С. Художественная историография древнего Рима / В.С. Дуров. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1993. – 144 с.
13. Каллистов, Д.П. Римские биографии Плутарха / Д.П. Каллистов // Плутарх. Избранные биографии. – Москва; Ленинград: Соцэргиз, 1941. – С. 189–196.
14. Кнабе, Г.С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история / Г.С. Кнабе // Ливий Т. История Рима от основания города: в 3 т. – Москва: Наука, 1994. – Т. 3. – С. 590–655.
15. Кузнецова, Т.И. Элементы литературной критики в «Аттических ночах» Авла Геллия / Т.И. Кузнецова // Очерки истории римской литературной критики. – Москва: Наука, 1963. – С. 252–265.
16. Кузнецов, Т.И. Историография и риторика: Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия / Т.И. Кузнецова // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. – Москва: Наука, 1989. – С. 203–228.
17. Кузнецова, Т.И. Техника исторического повествования Тита Ливия / Т.И. Кузнецова // Поэтика древнеримской литературы. – Москва: Наука, 1989. – С. 221–236.
18. Кузнецова, Т.И. Ораторское искусство в древнем Риме / Т.И. Кузнецова, И.П. Стрельникова. – Москва: Наука, 1976. – 288 с.
19. Кузнецова, Т.И. Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий / Т.И. Кузнецова, Г.А. Миллер. – Москва: Наука, 1984. – 216 с.
20. Майоров, Г.Г. Образ Катона Старшего в диалогах Цицерона (К вопросу об особенностях римской мифологии

истории) / Г.Г. Майоров // Античная культура и современная наука. – Москва: Наука, 1985. – С. 55–61.

21. Модестов, В.И. Лекции по истории римской литературы: в 2 т. / В.И. Модестов. – Киев: Издательство Киевского университета, 1873. – Курс первый. – 352 с.

22. Немировский, А.И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли / А.И. Немировский. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. – 349 с.

23. Новицкая, К.И. «Аттические ночи» Авла Геллия как исторический памятник II века / К.И. Новицкая // Вестник древней истории. – 1960. – № 3. – С. 145–154.

24. Свенцицкая, И.С. К проблеме «греческого возрождения» в полисах II в. (Культурные рецепции в идеологии и

в повседневной жизни) / И.С. Свенцицкая // Быт и история в античности. – Москва: Наука, 1988. – С. 170–191.

25. Смирин, В.М. Римская школьная риторика Августа века как исторический источник (по «Контroversиям» Сенеки Старшего) / В.М. Смирин // Вестник древней истории. – 1977. – № 1. – С. 95–113.

26. Утченко, С.Л. 1970: Римская историография и римские историки / С.Л. Утченко // Историки Рима. – Москва: Наука, 1970. – С. 5–32.

27. Утченко, С.Л. Цицерон и его время / С.Л. Утченко. – Москва: Мысль, 1972. – 390 с.

28. Штаерман, Е.М. Эллинизм в Риме / Е.М. Штаерман // Вестник древней истории. – 1994. – № 3. – С. 3–13.

V.A. Kvashnin

CATO THE ELDER IN THE MIRROR OF ANCIENT TRADITION

The article is devoted to the image development of the famous statesman of the Roman Republic of the 2nd century BC Marcus Portius Cato Maior Censor(ius) in the ancient historiography from the moment of its birth till the time of the decline of the ancient civilization. On the basis of the analysis, the author identifies different ways of development of Greco-Roman historiography. According to them various interpretations of the image of Cato the Elder are worked out.

Ancient Rome, Cato the Elder, ancient historiography, rhetoric.

К.Ю. Милованов

*Институт стратегии развития образования
Российской академии образования*

КОНСЕРВАТИВНОЕ ЛОББИ В РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

*Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ
«Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы
(№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований
в современном педагогическом образовании»*

В статье рассматривается проблема изучения консервативно-педагогического направления в отечественном образовании дореволюционного периода. Дана характеристика развития педагогической науки и системы образования в исследуемый исторический период. Выявлены специфика и типологические особенности развития консервативного течения в российской педагогике XIX в. Охарактеризованы видные представители консервативной мысли, представлен анализ их воззрений и деятельности.

Консерватизм, консерваторы, история педагогики, история образования, педагогическая мысль.

В настоящее время исключительную значимость приобретают проблемы исторического осмысления роли и места консервативно-педагогического направления как ведущего общественного течения в педагогической науке дооктябрьского периода. Однако целый ряд первостепенных вопросов теоретико-методологического, источниковедческого, историографического и методического характера в деле изучения отечественного консерватизма XIX в. продолжают оставаться открытыми. К их числу относится вопрос о воззрениях педагогов-консерваторов на проблемы развития российской системы народного просвещения [1].

По сути, отечественный консерватизм был порожден закономерной реакцией русских традиционалистов на реформаторскую педагогику эпохи Просвещения, радикальные культурегерские проекты Великой Французской революции и социальные эксперименты западных мыслителей-утопистов начала XIX в. [4]. Консерваторы стремились вернуть воспитание и обучение в привычные для российского общества формы педагогической ортодоксии. Влияние консервативно-педагогического направления выражалось не в управляемом процессе формирования и социализации личности по рецептам европейских просветителей XVIII в., заключающегося в превращении «дикого камня» в «обработанный», а «профана» в «просвещенного», но в духовном спасении и религиозно-нравственном пробуждении человека [5].

Под мощным воздействием Великой Французской революции (1789–1799 гг.), наполеоновских войн (1799–1814/1815 гг.), буржуазно-демократических революций 20–40-х гг. XIX в., широкого распространения прогрессивного гражданского законодательства («Кодекс Наполеона») происходил процесс ликвидации сословной системы и былых привилегий феодального строя. Крупнейшая и мощная европейская

держава своего времени – Российская империя не могла остаться в стороне от этих глобальных процессов. На данный период приходятся царствования двух императоров – Александра I Благословенного (1801–1825 гг.) и Николая I Незабвенного (1825–1855 гг.). В это время по европейским лекалам были созданы центральные и региональные отраслевые органы управления образованием и воспитанием – министерство народного просвещения, разветвленная управленческая вертикаль территориально локализованных учебных округов во главе с попечителями, ведомство учреждений императрицы Марии и др.

В начале XIX в. в отечественной педагогике можно уже увидеть самостоятельное консервативное направление и оформившееся лобби близких к правительственным и придворным кругам консерваторов, выражающее интересы дворянского сословия, высшего церковного клира и высокопоставленных мистиков, влияющее на процесс принятия решений в сфере образовательной политики. Развитие педагогической мысли в данный исторический период характеризуется формированием мощного консервативного направления в педагогической науке, образовании, культурно-просветительской и духовной деятельности. Консервативное направление в начале столетия не было ни идейно, ни организационно однородным, оно не имело единых вождей и центра принятия решений. Оно раздиралось серьезными внутренними противоречиями, в основном не политико-идеологическими, а скорее порождаемыми межличностными склоками и неприязненными отношениями. Верховным арбитром, своего рода третейским судьей, выступал правящий монарх, а влияние той или иной группы консерваторов напрямую зависело от высочайшей благосклонности и личных отношений с государем.

Внутри консервативного направления первой половины XIX в. следует выделить четыре ведущих те-

чения: консервативно-националистическое (А.А. Аракчеев, С.С. Уваров, А.С. Шишков); религиозно-мистическое (А.Н. Голицын, Д.А. Кавелин, А.Ф. Лабзин, М.Л. Магницкий, Д.П. Рунич, А.С. Стурдза); «обслуживающая» власть группа консервативных литераторов (Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин, Н.В. Кукольник); ультраклерикальное (архимандрит Фотий (Спасский), настоятель новгородского Свято-Юрьевского монастыря, владыка Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Новгородский, Петербургский, Эстляндский и Финляндский, первенствующий член Святейшего Правительствующего синода). Общественно-политический спектр русского консерватизма включал в себя умеренных деятелей (либеральных консерваторов), сторонников государственного официоза – апологетов охранительства, а также непримиримых обскурантов и противников любого социального прогресса.

Для реализации консервативного проекта в области народного просвещения в 1816–1817 гг. было создано единственное в истории государственного управления в Российской империи «двойное» или «сугубое» министерство – Министерство духовных дел и народного просвещения (действовавшее до его ликвидации в 1824 г.). Министром объединенного ведомства был назначен близкий соратник императора Александра I, обер-прокурор Святейшего Правительствующего синода, известный мистик, масон и консерватор князь А.Н. Голицын. Из самого названия вновь созданного министерства вполне видно, что основным приоритетом правительственного образовательного курса становилась форсированная десекуляризация отечественной системы народного просвещения. Голицыну и группе его единомышленников требовалось не просвещение умов как таковое, но достижение подлинного «христианского благочестия». По проекту М.Л. Магницкого, Д.П. Рунича и А.С. Стурдзы (1818 г.) нужно было истребить главный источник зла, вольнодумств и вольтерьянства. Предполагалось покончить с университетской автономией и академическими вольностями, убрать из числа учебных предметов философию и естественное право, римское право заменить Кормчей книгой, уволить «неблагонадежных» преподавателей. Декларировалась борьба с безверием, ложными науками и даже с самим князем мира сего. Не образование как таковое необходимо, утверждали министерские мистики, но основанное на Никео-Цареградском символе веры особое нравственное народное воспитание. В 1824 г. после ликвидации «сугубого министерства» объединенными усилиями архимандрита Фотия (Спасского), митрополита Серафима (Глаголевского) и адмирала А.С. Шишкова (при деятельной поддержке А.А. Аракчеева) происходит определенная стабилизация как в консервативном направлении, так и в государственной образовательной политике.

После отставки А.Н. Голицына новый министр А.С. Шишков (1824–1828 гг.) выступает за усиление традиционных духовно-нравственных начал, делая ставку на развитие системы народного воспитания. Адмирал-русист считал, что «народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения» [10, с. 47]. Шишков проводит умеренную консервативно-националистическую политику в

сфере образования, реформу цензуры (знаменитый «чугунный устав») и русификаторскую политику («попечения о языке», увольняет со службы и отдает под суд наиболее скомпрометировавших себя коррупционными скандалами и различными злоупотреблениями радикальных оккультистов из голицынской когорты).

Министерский курс графа С.С. Уварова (1833–1849 гг.) – подлинный расцвет, вершина классической консервативной педагогической мысли, рождение великой триады официальной народности – лозунга и развернутой теории («Православие, Самодержавие и Народность») [9]. За время его руководства образовательным ведомством произошли: стабилизация системы народного просвещения во всех его сегментах (от начального до высшего), создание оптимальных условий для подготовки научных, педагогических и профессорских кадров европейского уровня (Главный педагогический институт, Профессорский институт Дерптского университета, учительские институты). Уваровская триада официальной народности является, с одной стороны, своеобразной антитезой-переделкой девиза времен Великой Французской революции – «Свобода, равенство, братство», а с другой – гражданским вариантом российского военного лозунга «За Веру, Царя и Отечество» [7]. Конфессиональный официоз – российское греко-кафолическое восточное вероисповедание (новообрядческий вариант православия) с легкой руки С.С. Уварова стал повсеместно восприниматься как символ религиозно-национальной идентичности и политической лояльности по отношению к государству и правящему монарху. В эпоху Уварова закономерно завершился процесс сращивания Церкви и государства, начавшийся еще в петровскую эпоху. С.С. Уваров утверждал, что «распространяя между согражданами луч наук и просвещения, должно возбуждать и сохранять, сколько можно, народный дух» [8, с. 24].

Вторая половина XIX – начало XX в. хронологически включает в себя исторические периоды Великих реформ, Александровской контрреформации и последнего царствования. Это была эпоха форсированной социокультурной модернизации традиционных государственных, общественных и культурно-образовательных институций, трансформации социальных систем, формирования новых ментальных конструктов, гражданских идеалов и духовных поисков.

По сравнению с первой половиной XIX в. консервативно-педагогическое направление второй половины столетия существенно видоизменяется [2]. Вместо аморфной, разрозненной, раздираемой противоречиями группы появляется единый блок охранительной направленности, обладающий стройной идеологией. Желание «подморозить», то есть притормозить общественные тенденции западноевропейского типа – социальные, политические и культурные процессы, восстановить статус-кво имперского консерватизма образца 30–40-х гг., значительно поколебленного целым циклом западных реформ в царствование императора Александра II, привело к формированию публицистического, просветительско-педагогического, издательского и журналистского консервативного лобби (М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, М.О. Меньшиков, князь В.П. Мещерский, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров).

Особую значимость приобретают педагогические воззрения ведущих представителей консервативно-педагогической мысли (М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев). В связи с этим существенный научный интерес представляет собой концепт «консервативная модернизация» в контексте изучения образовательных трансформаций эволюционного типа, ранее трактуемых в историографии как «контрреформы».

В данный период, на который приходится правление царей Александра II Освободителя (1855–1881 гг.) и Александра III Миротворца (1881–1894 гг.), российским правительством были предприняты исторически обусловленные модернизационные меры как либерально-прогрессивного, так и традиционно-консервативного (стабилизирующего) характера. Были проведены масштабные системные и структурные реформы, и в том числе реорганизована государственная система народного просвещения, создан задел для последующего развития педагогической науки и школы, формирования полноценного общественно-педагогического движения, самостоятельной педагогической критики, публицистики и журналистики.

Следует выделить типологические черты и особенности развития консервативно-педагогического течения во второй половине XIX в. Определено, что доминирующими идеями основных представителей консервативно-педагогического направления были:

- следование принципам педагогического (академического) классицизма;
- формирование системы идеологической поддержки и охраны сословной идентификации (через режим социального, имущественного и религиозного отбора в среднем и высшем образовании);
- создание и развитие сети церковно-приходских школ (в противовес земским);
- усиление духовно-религиозного элемента в школьном деле;
- введение законодательных ограничений при создании иноверческих школ для протестантов, католиков, иудеев, старообрядцев, баптистов, штундистов, меннонитов, духовных христиан и др.;
- отстаивание архаичных методических принципов в области преподавания отдельных предметов, содержания гимназического образования и освоения основ наук («академизм», «мертвые языки», доминирование гуманитарного знания);
- игнорирование общественного запроса на «реальное образование» (техническое и естественнонаучное);
- борьба на страницах официальной печати с либерально-педагогической и социально-реформаторской идеологией;
- идеологически декларируемое и идеалистически трактуемое органичное соединение («симфония») духовно-религиозного и светского начала в деле народного образования;
- религиозно обоснованный примат духовного начала в человеке, подчиненность физического существования индивида и его социальной роли в обществе.

Обращение консервативной общественной мысли к русскому историческому прошлому и традиционно-жизненному укладу носило не ностальгический залог, но должно было пробудить в действующей

конкретно-временной социальной реальности те силы, которые были бы способны противостоять практическому утилитаризму, либерализму и радикально-революционной идеологии. Консерваторы стремились рационально сформулировать базовые принципы функционирования традиционной системы общественного и исторического процесса, в противовес нарастающей социальной, идейной и антигосударственной деструкции.

Историко-культурное значение вклада консервативных мыслителей-педагогов в деятельность по распространению народного образования России второй половины XIX в. на первый взгляд невелико. Проигравшие общественную борьбу с различными течениями реформистского толка, оттесненные на идеологическую периферию, их взгляды не получили в свое время широкого распространения по сравнению с либеральной и демократической педагогикой, имевшей в своем распоряжении практически всю отраслевую педагогическую прессу. Однако консерваторы опосредованно способствовали освоению традиционной культуры и приобщению к национально-религиозным основам всего социума.

Доминирующей моделью, с которой отождествлялась консервативная идеология в общественной мысли имперского периода, было консервативно-охранительное направление. Его крупнейшие представители происходили из разных сословий, имели различные взгляды и занимали позиции, во многом не совпадавшие друг с другом. Вместе с тем отечественных консерваторов объединял ряд характерных черт: настороженное отношение к реформам, порождающее связанное с этим чувство опасности перемен и желание «заморозить» общественно-политическую ситуацию, определенно развивающуюся в революционном направлении, стремление в изменяющихся социальных условиях сохранить связь с наиболее древними пластами истории и духовной культуры, которые в их мировоззрении были несущими основами государственно-общественной жизни. Защитить, по возможности сберечь в неизменном состоянии эти стержневые конструкты для передачи следующему после них поколению, сформировать разумный баланс между историческим прошлым и проектируемым будущим – все это было сутью той стратегической модели модернизации России, которую предлагали апологеты консерватизма.

Эпоха Великих реформ и порожденный ею рост общественной активности, многочисленные проекты социальных, экономических и государственных преобразований – все это, по мнению консерваторов, представляло реальную угрозу для незыблемости и сохранности абсолютистского политического режима имперской России. Насущная необходимость по защите самодержавной монархии являлась одним из важнейших принципов консервативно-охранительной идеологии. Царь как помазанник Божий, глава государства, исполнительной, законодательной и судебной власти во второй половине XIX в. столкнулся с конституционно-парламентарными учениями о модернизации политического режима самодержавной монархии. К концу столетия абсолютистский строй имперской России критиковался многими обществен-

ными силами (от либералов до левых радикалов) как архаичный и нетерпимый. Необходимо было формирование адекватной времени политической доктрины, затрагивающей все стороны общественной жизни, защищающей принципы существования царистского правления и отстаивающей его преимущества перед другими типами государственного устройства.

Большую роль в формировании данной доктрины в части решения актуальных проблем функционирования системы народного просвещения сыграли граф И.Д. Делянов, К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков, Д.И. Менделеев, К.П. Победоносцев, С.А. Рачинский, В.В. Розанов, Д.И. Тихомиров, граф Д.А. Толстой. Главная особенность консервативно-просветительской доктрины заключалась в том, что она была выстроена на фактическом отрицании и последовательной критике тех идей, которые проникали в Россию из Западной Европы и ставили под вопрос дальнейшее существование императорской власти и традиционного уклада русской жизни.

Идеальной народной школой для К.П. Победоносцева была такая, где ученики приобретали бы лишь необходимый базовый минимум элементарных знаний. В то же время они должны были обучаться любить и славить Бога, быть искренне преданными Отечеству и Государю и по-евангельски почитать своих родителей. Победоносцев назидательно указывал школе на ее истинное предназначение: «школа, поскольку она народная, должна отражать в себе душу народную и веру народную» [6, с. 59]. Такая культуросообразная трактовка Победоносцевым современной ему народной школы соответствовала представлениям большей части крестьянства и была претворена на практике консервативными реформами 1884 и 1887 гг.

К.Н. Леонтьев выступал против обучения широких народных масс на основе эгалитаризма, материализма и правового базиса западноевропейского буржуазного общества. Он высказывал опасения, что земские школы могут выправить из народа дух христианского смирения, страха Божия и истинной религиозности, а анатомические атласы будут использованы для доказательства отсутствия души и отрицания ее бессмертия. К.Н. Леонтьев видел в образованной части российского общества отсутствие той самой зрелости, которая позволила бы интеллигенции стать подлинным наставником простого народа. Леонтьев не раз заявлял, что «излишняя» образованность намного хуже, чем необразованность и невежество, поскольку она может лишить нацию ее своеобразия, развратить народ, разрушив его нравственные и религиозные начала. Он считал, что «усердствовать с просвещением народа вовсе нет нужды» [3, с. 33].

М.Н. Катков активно выступал за создание широкой общероссийской сети народных школ, подчеркивая, что они должны быть строго дифференцированы: от простого обучения грамоте и письму (таких должно быть подавляющее большинство) до училищ, ориентированных на приобретение определенных профессиональных знаний, необходимых для нужд различных отраслей народного хозяйства. Катков предлагал законодательно установить обязательность и стандартизировать качество первоначального (эле-

ментарного) обучения. В подходе к начальному народному образованию у М.Н. Каткова проявляется присущая ему двойственность. С одной стороны, он констатирует необходимость обучения широких народных масс, но, с другой стороны, у Каткова присутствует стремление ограничить это образование только самыми элементарными знаниями. Принципиальная позиция М.Н. Каткова формулируется следующим образом: простой, неискушенный, необразованный, зачастую примитивный ум гораздо предпочтительнее ума «испорченного» излишним просвещением и «сверхобразованного». Простодушный, доверчивый, по-детски наивный, малодумающий, верящий в доброго царя-батюшку крестьянин (пусть даже и интеллектуально неразвитый) – вот образовательный идеал Каткова.

Изучение консервативно-педагогического направления второй половины XIX в. показывает, что оно, несмотря на определенную разность взглядов его представителей, было более монолитным, чем консерваторы в первой половине столетия, и имело единый центр выработки и принятия общественно-программных и административных решений. Идеологические построения видных деятелей консерватизма были тесно связаны с отечественным традиционалистским наследием и решением проблем порождаемых неоднозначным ходом процесса развития социальной действительности. Консерваторы придерживались той общей точки зрения, что в период судьбоносных для страны модернизационных изменений (каким была эпоха Великих реформ и пореформенное время) необходимо было максимально поддерживать монархическую власть, которая являлась в их глазах богоданным «удерживающим» и одновременно реальным гарантом отстаивания самобытного пути исторического, культурного и общественного развития России. Сутью отечественного консерватизма являлась истовая вера в ничем и никем неограниченное самодержавие в лице царя – помазанника Божия, земного главы господствующей церковной организации (Русской православной церкви), защитника, блюстителя и хранителя подлинного правоправия, стоящего над людьми и законом, хозяина земли Русской.

Таким образом, основу развития системы народного просвещения педагоги-консерваторы видели в укреплении сети церковно-приходских, низших, начальных и «элементарных» народных школ. В них естественная опора самодержавия – русский православный народ получал не столько образование в его светском понимании, сколько необходимые основы грамотности, базовые ценности традиционного воспитания, усваивал идеи о незыблемости своей сословной принадлежности и природном верноподданничестве по отношению к правящему монарху. Одни консерваторы ратовали за развитие «реального образования» (то есть профессионально-технического и естественнонаучного), другие же предлагали ограничить образовательный уровень русского народа лишь начальным образованием. В одном они были едины – классическое образование не для простого народа, оно растлевает, возбуждает социальный негатив и чувство неудовлетворенности, прививает вредные мысли, а главное, отвлекает от исконной стези и тра-

диционных наследственных занятий – крестьянского труда, промыслов и ремесел.

Литература

1. Ермаков, А.В. Консервативное направление общественной мысли по вопросу просвещения России XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ермаков А.В. – Москва, 1999. – 177 с.

2. Крот, М.Н. Консервативный вариант модернизации России во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Крот М.Н. – Ростов-на-Дону, 2004. – 241 с.

3. Леонтьев, К.Н. Грамотность и народность / К.Н. Леонтьев // Страницы истории отечественной педагогики: сборник статей / ред.-сост. Р.С. Бозиев. – Москва: Педагогика, 1996. – С. 8–35.

4. Милованов, К.Ю. Концепция правового государства в философско-исторической мысли Просвещения: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Милованов К.Ю. – Москва, 2009. – 28 с.

5. Милованов, К.Ю. Концепция правового государства в философско-исторической мысли Просвещения: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Милованов К.Ю. – Москва, 2009. – 197 с.

6. Победоносцев, К.П. Ученые и учителя (Педагогические заметки) / К.П. Победоносцев // Страницы истории отечественной педагогики: сборник статей / ред.-сост. Р.С. Бозиев. – Москва: Педагогика, 1996. – С. 46–64.

7. Уваров, С.С. Совершенствуется ли достоверность историческая? / С.С. Уваров; пер. с фр. и изд. по случаю 50-летнего юбилея Дерптского ун-та 12 дек. 1852 г. М.П. Розенберга. – Дерпт: Типография Г. Лаакманна, 1852. – 18 с.

8. Уваров, С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения / С.С. Уваров // Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России / отв. ред. Ю.Ю. Петрунин. – Москва: РОССПЭН, 2008. – С. 140-142.

9. Уваров, С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию / С.С. Уваров. – Санкт-Петербург: Типография Ф. Дрехслера, 1813. – 28 с.

10. Шишков, А.С. Рассуждение о любви к Отечеству / А.С. Шишков. – Санкт-Петербург: В Медицинской типографии, 1812. – 54 с.

K.Yu. Milovanov

CONSERVATIVE LOBBY OF THE RUSSIAN PEDAGOGICAL THOUGHT IN THE PRE-REVOLUTION PERIOD

The article deals with the problem of studying the conservative-pedagogical direction in the pre-revolutionary domestic education. The author characterises the development of pedagogical science and system of education in the historical period under consideration. As a result, the specificity and typological features of the development of the conservative trend in the Russian 19th century pedagogy are revealed. The article introduces some prominent representatives of the conservative thought; analyses their views and activities.

Conservatism, conservatives, history of pedagogy, history of education, pedagogical thought.

С.Д. Половецкий
Институт стратегии развития образования
Российской академии образования

ИЗУЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в. – НАЧАЛО XX в.)

*Статья подготовлена в рамках государственного задания ФГБНУ
«Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы
(№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований
в современном педагогическом образовании»*

Автор кратко выделяет основные периоды (этапы) становления, развития и реформирования военного образования в России. В статье также рассмотрены некоторые актуальные аспекты многогранного и разнопланового процесса развития системы военного образования во второй половине XIX в. – начале XX в., когда в рамках проведенной военной реформы была разработана и претворена в жизнь новая концепция военного образования, включающая в том числе и значительную общеобразовательную (гуманитарную) составляющую. Сформулирован ряд положений, приведены аргументы, статистические данные относительно того, что в учебных заведениях военного ведомства во второй половине XIX в. – начале XX в. большое внимание уделялось изучению гуманитарных наук. На основании вышеизложенного автором сделан вывод о том, что из стен военно-учебных заведений выходили в основной своей массе не только хорошо подготовленные военные, но и высокообразованные люди. Многие из них составили интеллектуальную элиту российского государства и общества.

Военная реформа, военное образование, военно-учебные заведения, гуманитарные науки, военные гимназии, кадетские корпуса.

Представляется возможным и целесообразным выделить с достаточной степенью условности и схематичности следующие основные периоды (этапы) становления, развития и реформирования системы военного образования в России.

Первый – 1689–1731 гг. – от начала реформ Петра I в военном образовании (учреждение Навигацкой, Артиллерийской, Инженерной и других военных школ) – до создания первого кадетского корпуса.

Второй – 1732–1863 гг. – охватывает процесс зарождения, развития и оптимизации специализированной системы военного образования, включающей в себя преобразование петровских школ в кадетские корпуса, открытие Шляхетского кадетского корпуса (1732 г.), Пажеского корпуса (1802 г.), Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1823 г.), Николаевской академии Генерального штаба (1832 г.) и ряда других военно-учебных заведений.

Третий – 1863–1917 гг. – можно разделить на два этапа:

- первый (1863–1882 гг.) связан главным образом с учреждением и деятельностью оставивших заметный позитивный след как в целом в отечественном, так и в военном образовании военных гимназий и прогимназий, создаваемых на базе «старых» кадетских корпусов в рамках проводимой военной реформы;

- второй (1882–1917 гг.) – создание «новых» кадетских корпусов с сохранением всего прогрессивного, наработанного ранее военными гимназиями и прогимназиями; совершенствование деятельности воен-

ных и юнкерских училищ, открытие новых военно-учебных заведений – академий, офицерских школ, курсов и др.

Четвертый – 1917–1991 гг. – включает в себя процесс становления и развития системы военного образования в Советской России и Советском Союзе, в том числе создание средних специальных артиллерийских школ в предвоенный период и открытие первых суворовских и нахимовских военных училищ в годы Великой Отечественной войны, а также деятельность кадетских корпусов за границей – в Болгарии, Югославии, Франции.

Пятый – современный период – с 1991 г. по настоящее время – функционирование системы военно-учебных заведений в условиях создания и реформирования вооруженных сил Российской Федерации, возрождение кадетского (военно-гимназического) образования и выделение его в специфическую образовательную сферу на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Говоря о хронологических рамках данной публикации – вторая половина XIX в. – начало XX в., следует особо подчеркнуть, что в этот период коренные изменения в системе военного образования и воспитания органично вписывались в общую концепцию реализуемой военной реформы. При этом деятельность военно-учебных заведений и органов управления ими постоянно совершенствовалась с учетом накопленного боевого опыта, осуществлялась в рамках проведения общей военной реформы, преобразования

системы военного образования, постоянного улучшения качества учебно-воспитательного процесса. Важно подчеркнуть и обстоятельство, что именно в эти годы система военного образования приобрела окончательно завершенный характер, получила стройную структуру, соответствовала мировому уровню развития военного дела, успешно выполняла свою основную функцию – подготовку офицеров-профессионалов [3, с. 135–139; 4, с. 136–142].

Следует отметить, что руководили военным ведомством видные государственные и военные деятели, высокообразованные люди, что было немаловажным и для совершенствования гуманитарного образования в военно-учебных заведениях. Здесь примером может служить Великий князь Константин Константинович (1858–1915) – Главный начальник и генерал-инспектор военно-учебных заведений России в 1900–1915 гг., генерал от инфантерии, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэт (К. Р.), переводчик и драматург, литературный критик, талантливый музыкант: писал романсы на стихи В. Гюго, А.К. Толстого, А. Майкова и др. На его стихи писали музыку П. Чайковский, С. Рахманинов, Ц. Кюи.

К плеяде славных военных педагогов, ревнителей гуманитарного образования в военно-учебных заведениях следует отнести и Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912) – видного военного теоретика, педагога и историка, военного министра в 1861–1881 гг., основного разработчика и проводника военной реформы 1860-х гг. Он был последним из русских военачальников, носившим высшее воинское звание – генерал-фельдмаршал.

Для организационно-методического обеспечения деятельности обновленной системы военно-учебных заведений в 1863 г. в структуре Военного министерства было образовано Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ). В 1869 г. в структуре ГУВУЗа для координации и обобщения опыта всей учебно-воспитательной деятельности военно-учебных заведений, в том числе гуманитарной составляющей, был создан Педагогический комитет.

В октябре 1864 г. вышел в свет первый номер учрежденного Военным ведомством, издаваемого ГУВУЗом журнала «Педагогический сборник», который очень быстро стал ведущим общероссийским научно-педагогическим и методическим печатным органом. На его страницах значительное место уделялось обобщению и распространению передового педагогического опыта, методике преподавания гуманитарных дисциплин в военно-учебных заведениях.

Следует высоко оценить и деятельность Педагогического музея военно-учебных заведений, который, по сути дела, на протяжении всего периода своего существования (1864–1917 гг.) являлся общероссийским образовательным и научно-методическим центром, в том числе и в сфере гуманитарного образования. В работе Педагогического музея принимали самое активное участие ученые, педагоги, деятели культуры с мировым именем: К.Д. Ушинский, С.М. Соловьев, Н.М. Пржевальский, И.А. Сикорский, И.М. Сеченов, П.Ф. Каптерев, П.Ф. Лесгафт, Н.А. Римский-Корсаков, М.А. Балакирев и многие другие [6, с. 316–323].

В процессе совершенствования подготовки кадров для военно-учебных заведений, в том числе в интересах повышения уровня их общеобразовательной подготовки, в 1865 г. при Второй военной гимназии в Санкт-Петербурге были открыты двухгодичные Высшие педагогические курсы, куда принимались лица с университетским и законченным средним образованием. В том же году в Москве начала свою работу Учительская семинария военного ведомства с трехгодичным сроком обучения для подготовки учителей для военных прогимназий.

В результате предпринятых усилий гуманитарное образование заняло значительное место в учебно-воспитательном процессе в военно-учебных заведениях дореволюционной России. Например, в 1864–1882 гг. в военных гимназиях изучались следующие учебные предметы общеобразовательного, в том числе гуманитарного, цикла:

- *Закон Божий* – священная история Ветхого и Нового заветов, объяснение православного богослужения и пространный катехизис.

- *Русский и церковнославянский языки* – словесность, грамматика, этимологические и синтаксические правила.

- *Иностранные языки* – французский, немецкий, в военно-морских учебных заведениях – английский; грамматический разбор и перевод предложений на русский язык и обратно, перевод с иностранного языка статей исторического содержания.

- *История* – древняя история, история Греции и Рима, всеобщая история средних веков и новая история до образования Северо-Американских Штатов, русская история до третьего раздела Польши.

- *География* – общий обзор частей света и преимущественно Европы, полная география Российской империи.

- *Естественная история* – сведения о неорганическом мире, ботаника и зоология (изучение трех царств природы: минералы, растения, животные).

- *Математика* – арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, начала аналитической геометрии.

- *Физика* – физические и химические явления: магнетизм, электричество, гальванизм, движение и равновесие тел, свет, звук, теплота.

- *Космография* – математическая и физическая география.

- *Чистописание* – письмо четким и беглым почерком по-русски, по-французски и по-немецки.

- *Рисование* – черчение от руки линий, углов и фигур; рисование в перспективе плоскостей и тел, с оттушевкой зданий, орнаментов, пейзажей и бюстов с моделей, оригиналов и гипса.

- *Геометрическое черчение* – черчение плоских фигур, теория проекций и перспективы [5].

С 1883 г. в кадетских корпусах было введено изучение основ законоведения. При этом проблемы юриспруденции и формирования личности освещались в единстве, что придавало законоведению не только образовательную, но и воспитательную функцию. Рассматривались основные категории законоведения: понятия о праве, обществе, личности, нравственности. Нравственные добродетели делились на 4 группы: мудрость, справедливость, мужество и уве-

ренность. Нравственные обязанности на 2 группы: обязанности человека к самому себе (по отношению к своей душе, телу, положению в обществе); обязанности по отношению к другим людям (верность долгу, правдивое отношение к близким и окружающим людям, благотворительность и др.) [8, с. 188–191].

В различные годы в системе военно-учебных заведений дополнительно к уже существовавшим вводились следующие предметы общеобразовательной и гуманитарной направленности: статистика, политэкономия, дипломатия и некоторые другие учебные дисциплины.

Русский язык и словесность традиционно изучались на всех уровнях военного образования: в военных прогимназиях и гимназиях, кадетских корпусах, военных и юнкерских училищах. В этой связи уместно подчеркнуть, что внимание к русской словесности в военно-учебных заведениях имело богатые исторические традиции. «Праздное время, в пользу употребленное». Именно так в 1759 г. назвали свой печатный орган воспитанники Сухопутного шляхетского корпуса, образовавшие Общество любителей русской словесности.

Проведенные автором подсчеты показывают, что удельный вес преподаваемых гуманитарных дисциплин в военных гимназиях был примерно на 20% выше, чем в аналогичных гражданских учебных заведениях. Причем количество часов, отводимых на изучение иностранных языков (даже без учета факультативных занятий по этим предметам), в военной гимназии было в два раза больше, чем в «обычной», гражданской гимназии. Высокие требования к знанию иностранных языков сохранялись и в сфере высшего военного образования. Так, при приеме в Николаевскую военную академию абитуриентам предлагалось написать сочинение на одном из иностранных языков. К 1880-м гг. на изучение иностранных языков в военных академиях выделялось от 10 до 12 занятий в неделю. В результате целенаправленной языковой подготовки русские офицеры имели высокий уровень знаний, умений, навыков и могли свободно общаться с носителями языка [7, с. 170].

В военно-учебных заведениях всегда высоко оценивалась роль книги. К примеру, библиотека Первого кадетского корпуса сложилась уже в XVIII в. и являлась национальным достоянием – уникальным книжным собранием России. К тому же оно позволяло воспитанникам ознакомиться с сочинениями выдающихся авторов той эпохи – Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье, Корнеля и др. Возможность свободно читать их труды в стенах корпусной библиотеки была уникальна, поскольку книги этих авторов в течение длительного времени были запрещены и в России, и во Франции.

Не уступала по богатству фондов и библиотека Морского корпуса, в которой работали подлинные энтузиасты гуманитарного, филологического образования. Поэтому становится понятным, что в Морском корпусе, готовившем военных моряков, сформировались не только блестящие ученые, путешественники-этнографы, но и выдающиеся лексикографы, определившие на столетия развитие русской филологической мысли, – А.С. Шишков и В.И. Даль.

Библиофилом был и граф А.А. Аракчеев. Он собирал личную библиотеку около тридцати лет и к 1824 г. она насчитывала более 11 тыс. томов. Впоследствии эта уникальная коллекция стала основой для одной из самых богатых военных библиотек – Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса [1, с. 18–25].

Следует подчеркнуть, что военное ведомство зачастую выступало инициатором различных общероссийских мероприятий в гуманитарной, филологической сфере. Отметим, например, Первый съезд преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, который проходил в декабре 1903 г. Инициатором его проведения выступил начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович и его заместитель генерал-лейтенант К.Н. Анчутин. Эта идея была активно поддержана выдающимися русистами-филологами академиками А.А. Шахматовым и А.И. Соболевским, видными российскими педагогами, преподавателями многих учебных заведений. Поэтому съезд фактически стал общероссийским филологическим. Основными, вынесенными на обсуждение, стали вопросы о роли русского языка и словесности в системе образования, о внедрении передовых методов обучения и др. Все участники съезда были единодушны в том, что русский язык и словесность как учебный предмет, в том числе и в военно-учебных заведениях, служит духовному развитию учащихся, воспитывает у них патриотические чувства, любовь к своему народу, родной культуре, потребность защищать свою Родину.

Результатом всей целенаправленной работы в сфере гуманитарного образования явилось то, что многие питомцы военно-учебных заведений оставили яркий след в самых разных сферах общественной, политической и культурной жизни России. Среди них президенты российской Академии наук Н.Н. Новосильцев и А.С. Шишков, директор Публичной библиотеки А.Н. Оленин; писатели Ф.М. Достоевский, А.И. Куприн, К.М. Станюкович; композиторы С.Н. Глинка, Н.А. Римский-Корсаков, Ц.А. Кюи; скульпторы Ф.П. Толстой, П.К. Клодт; художники В.И. Верещагин, П.Н. Федотов, Н.А. Ярошенко; физиолог И.М. Сеченов, философ Н.А. Бердяев, филолог В.И. Даль, исследователь Арктики адмирал Ф.Ф. Матюшкин, географ-путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский и многие-многие другие [2].

Из этого славного списка выделим, например, Цезаря Антоновича Кюи (1835–1918) – композитора, музыкального критика, члена «Могучей кучки», который всегда считал, что музыка для него лишь увлечение, а жизнь его посвящена военной службе. Ц.А. Кюи – генерал, инженер, крупнейший специалист в области фортификации. Окончил Николаевское инженерное училище (1855 г.) и Николаевскую инженерную академию (1857 г.). Написал множество учебников по фортификации, по которым учились практически все офицеры русской армии. Преподавал фортификацию великим князьям, в том числе будущему императору Николаю II.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общеобразовательным наукам, гуманитарному образованию в военно-учебных заведениях дореволюци-

онной России уделялось большое внимание. Из стен военно-учебных заведений выходили в основной своей массе не только хорошо подготовленные военные специалисты, но и высокообразованные люди. Многие из них составили не только военную, но и интеллектуальную элиту российского государства и общества.

Литература

1. Бондаренко, М.А. Библиотеки военно-учебных заведений XVIII – начала XX в. и их роль в формировании офицеров русской армии / М.А. Бондаренко // Библиосфера. – 2012. – № 3. – С. 18–25.
2. Бондаренко, М.А. «Воин-мыслитель, воин-писатель, воин-творец». Выпускники военно-учебных заведений Российской империи в русской словесности / М.А. Бондаренко // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 11. – С. 52–55.
3. Киселев А.С. Военная история: учебник / А.С. Киселев, Т.Л. Абашидзе, А.С. Антокольский и др.; под общ. ред. В.В. Паршина. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва: Военный университет, 2003. – 544 с.
4. Киселев А.С. Военная история: учебник / А.С. Киселев, Ю.Н. Арзамаскин, В.Б. Горячев и др.; под общ. ред. А.В. Маклачкова. – Москва: Военный университет, 2016. – 700 с.
5. Лалаев, М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1700–1880 [Электронный ресурс] / составил генерал-майор Лалаев. – Санкт-Петербург, 1880.. – URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/common/lalaevguvuz/600.htm (дата обращения: 10.04.2018).
6. Половецкий, С.Д. Педагогический музей военно-учебных заведений – первый педагогический музей в России (1864–1917 гг.) / С.Д. Половецкий // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Памяти академика РАО Л.Н. Боголюбова: сборник научных статей. Вып. 5: в 2 т. / под ред. А.А. Сорокина. – Москва: Книгодел, 2018. – Т. 1. – 392 с.
7. Тимофеева, Е.В. Система обучения офицеров иностранным языкам в дореволюционной России / Е.В. Тимофеева // Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе: материалы межвузовской научно-методической конференции. – Рязань, 2017. – С. 163–174.
8. Шадская, М.В. Формирование духовно-нравственного облика российских офицеров в XIX веке: исторический анализ / М.В. Шадская. – Москва: [б. и.], 2014. – 447 с.

S.D. Polovetsky

STUDY OF THE HUMANITIES IN MILITARY SCHOOLS IN RUSSIA (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

The author briefly highlights the main periods (stages) of formation, development and reform of military education in Russia. The article also considers some topical aspects of the multifaceted and diverse process of the military education system development in the late 19th – early 20th centuries, when a new concept of military education, including a significant General education (humanitarian) component, was developed and implemented within the framework of the military reform. A number of provisions, arguments and statistical data manifest the fact that in military educational institutions in the late 19th – early 20th centuries much attention was paid to the study of the Humanities. On the basis of the research, the author concludes that not only well-trained military, but also highly educated people graduated from the military educational institutions. Many of them represented the intellectual elite of the Russian state and society.

Military reform, military education, the Humanities, military educational institutions, military schools, cadet corps.

А.С. Столетова
Вологодский государственный университет

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ ПРОТИВ ПИСАТЕЛЯ А.Я. ЯШИНА, ИНСПИРИРОВАННАЯ ВЛАСТЬЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ,
 проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности
 середины – второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания»*

В статье рассматривается повесть А.Я. Яшина «Вологодская свадьба» как объект политической кампании и литературной критики, развернутых в 1962 г. В тексте находят отражение примеры реакции органов государственной власти и их представителей на публикацию произведения. Подчеркивается сфабрикованность дела: приводятся примеры организации конференций, подготовки очернительных статей и клеветнических писем. Затрагивается вопрос, связанный с идеологической подоплекой неприятия «Вологодской свадьбы» властью. Представлен анализ полемики, проведенной как в столице, так и на родине прозаика. Показано значение коллективного разоблачительного сообщения от земляков в защиту писателя. Отмечен особый интерес к произведению в литературной среде и писательском сообществе. В статье автор приходит к выводу, что, являясь наиболее дискутируемым произведением, раскрывающим проблемы деревенской жизни в остро социальном ключе, повесть стала рубежной в процессе творческого перехода литератора от социалистического к критическому реализму.

Вологодская область, читатель, литература, культура, писатель, А.Я. Яшин, повесть «Вологодская свадьба».

Одним из инструментов управления культурой и литературой в советский период выступала цензура. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. острой критике подвергся ряд «идеологически вредных», «политически ошибочных, безыдейных произведений, извращающих советскую действительность», был усилен контроль за работой цензоров. В 1958 г. было утверждено новое Положение о Главлите СССР, в котором определялись его основные права и обязанности. Упраздненный институт цензоров-совместителей был заменен персональной партийно-профессиональной ответственностью, возлагавшейся на редакторов газет. Ослабление запретов в годы «оттепели», реабилитация многих авторов, ограничение функций Главлита вызывали духовный подъем среди интеллигенции, увеличение перечня выпускаемых журналов, развитие самиздата. Но и этот период был двояким, действовали идеологические комиссии, партийное руководство литературой и государственный заказ на произведения, «чистки» библиотек не прекращались, а с середины 1960-х гг. вновь были усилены. Окончание периода «оттепели» ознаменовало собой ужесточение цензурного контроля. «Похолодание» выразилось в судебном процессе над писателями А.Д. Синавским и Ю.М. Даниэлем, кампании против «Нового мира», создании по Постановлению Совета Министров от 18 августа 1966 г. Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, выделении в 1967 г., в соответствии с постановлением Политбюро ЦК КПСС, в структуре КГБ пятого управления по «борьбе с идеологической диверсией» и др. В мае 1967 г. председателем КГБ стал Ю.В. Андропов. Атмосфера в обществе сгустилась, а

звучавшее в интеллигентской среде требование отмены цензуры обернулось усилением Главлита. В свою очередь, идеологические нажимы второй половины 1960-х гг. стимулировали дальнейшее развитие самиздата и диссидентского движения. 7 января 1969 г. вышло постановление Секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара», восстановившее, по мнению Е.М. Раскатовой, административно-командный стиль руководства художественной культурой [22, с. 44, 45–46].

В контексте данной проблематики представляется убедительным анализ политической операции, связанной с организацией критики наиболее дискуссионного произведения А.Я. Яшина «Вологодская свадьба».

Повесть А. Яшина была опубликована в № 12 журнала «Новый мир» за декабрь 1962 г. Выход «Вологодской свадьбы» в свет был большим событием не только в литературной, но и в политической и общественной жизни России.

А. Яшин всегда пронизательно, социально остро, зорко, болезненно реагировал на проблемы деревни, на неправду, бессердечие, равнодушие, проявляемые и односельчанами, и товарищами по литературному цеху. Меткость мысли, ее актуальность, ощущение невозможности сказать все в стихах и быть понятым современником, подтолкнула его к прозе. Так появилась знаменитая «Вологодская свадьба», ставшая радостью и болью, т.к. партийные работники не приняли взгляд писателя на деревенскую вологодчину [7].

Откровенный разговор литератора вызвал бурю негодования в ЦК партии. В январе – феврале 1963 г. осуществлялась травля писателя. По команде идеологического отдела ЦК КПСС и заданию ЦК ВЛКСМ в январе 1963 г. в Вологду прибыл журналист Петерсон с указанием: обругать Александра Яковлевича [14] устами его земляков и открыть таким образом «зеленую улицу» столичным центральным журналам. Делегат из Москвы совместно с идеологами обкомов партии и комсомола разработал сценарий читательской конференции по обсуждению «Вологодской свадьбы» [15]. Авторы задумки подобрали около десятка читателей и проинструктировали их. Суть наставления состояла в том, чтобы вместо читательской конференции по произведению провести осуждение автора. Заранее подготовленные люди читали готовые тексты «своих мыслей». После речи нескольких ораторов произошел сбой в хорошо отрепетированном действии: попросили слово студент пединститута Крюков и преподаватель этого же института Г.В. Тропина. Слова им долго не давали и только требовательные голоса из зала помогли защитникам А. Яшина выйти на трибуну. И студент, и преподаватель литературы блестяще отстаивали позицию прозаика, на материалах районных газет доказав его правоту. Затея порицания литератора с треском провалилась. В президиуме возникло замешательство. В.Т. Невзоров написал рядом сидящему С.В. Викулову записку: «Не смей выступить: будут большие неприятности». Руководитель областной печати знал, что секретарь вологодского отделения советских писателей говорить будет не по бумажке и вразрез с «духом обкома и ЦК КПСС». Сергей Васильевич не выступил, но свое авторитетное слово сказал поэт А. Романов. Таким образом, обесславить А. Яшина не удалось. Тем не менее орган обкома партии «Красный Север» опубликовал отчет под заголовком «За объективное отражение действительности». Автор отчета А. Кибардина о выступлениях Крюкова, Г.В. Тропиной и А.А. Романова не написала ни слова. Следовательно, объективной областной печати в данное время не существовало [12].

В дальнейшем проводились читательские конференции и организовывались так называемые «письма читателей». Затем вслед за «письмами с Родины» повели наступление московские критики.

В начале 1960-х гг. прошла череда конференций в районах Вологодской области, связанных с обсуждением произведения, публиковались статьи в прессе [16, с. 116–128].

26 января 1963 г. в газетах «Вологодский комсомолец» и «Красный Север» была напечатана статья А. Берсенева [2] (текст был скопирован 31 января 1963 г. «Известиями» под названием «Открытое письмо главному редактору «Нового мира» А.Т. Твардовскому от студента Вологодского пединститута А. Берсенева» [25, с. 5]), где автор выражал несогласие с А. Яшиным в описании облика Никольского района. Он отмечал, что в повести отсутствуют положительные образы, молодежь показана в мрачных красках, а жизнь в пессимистических тонах, описано повальное пьянство и т.д. А. Берсенов писал: «Такие деревни, как Сушиново, где нет ни электричества, ни радио, ни библиотеки, ни клуба, а кинопередвижка за последние два года ни разу не

заглядывала» теперь редкость. У автора единичный случай превращен в типичный» [2].

Провал мероприятия в Вологде не смутил Петерсона. Начались «проработки» А. Яшина на его родной Вологодчине. 28 января в «Красном Севере» за подписями коммунистов районного масштаба была опубликована статья «Вы смотрите через темные очки, товарищ Яшин». Открытое письмо было перепечатано 31 января 1963 г. в «Комсомольской правде» под разоблачительным и язвительным заголовком «Свадьба с дегтем» [19]. В 1963 г. в Никольской районной библиотеке имени Потанина состоялось обсуждение «Вологодской свадьбы», где собралось 43 человека. Петерсон сумел собрать подписи под коллективным осуждением автора [17]. Как писал Д. Шеваров, газета гвоздила А. Яшина в таких выражениях: «Как могла подняться у вас рука?.. Вы черните даже то, что принес в деревню колхозный строй... Свадьбу играют как в старину... В райкомовской машине Вы везете сваху с иконой... Вы не скрываете восторженного отношения к старинным обрядам...». В действительности писатель рассказал о деревне пьющей, замороженной нищетой и директивами, но живой, хранящей традиции в душе [26]. Среди подписавшихся под письмом участников читательской конференции были: тракторист колхоза им. Кирова А. Горбунов, секретарь комитета ВЛКСМ Никольского производственного колхозного управления В. Федоренко, учителя А.М. Гомзики и А.С. Наволоцкий [5], агроном колхоза «Каменный» Т. Еремина и др. В статье от их имени указывалось: «Нам всем трудно поверить, что такое произведение мог написать человек, который считает себя знатоком Вологодской области, своего родного края...». В письме осуждалось тяготение автора к старинным обрядам, религиозности, а также стиль и язык произведения, насмешки над неграмотными [3]. Важно отметить, что текст «писем» писался в Москве, в этом впоследствии признались некоторые из земляков.

Учитель А.М. Гомзиков позже, оправдываясь, объяснял: «Письмо Яшину было написано односторонне и не совсем объективно, поэтому я его не подписывал. Появление моей подписи в газете лежит на совести авторов письма. Пробовал я выяснить, кто и как учинил мою подпись, но не нашел и концов этому делу. На обсуждении «Вологодской свадьбы» я не только присутствовал, но и выступал. В выступлении сделал упор на злободневность очерка, предлагал провести широкое его обсуждение в колхозах и лесопунктах, т.к. необходимо лечить социальные болезни, а не загонять их внутрь». «Зачем Яшин так безжалостно оголил нашу действительность?! Он – натуралист и очернитель!» – высказывался А.С. Новолоцкий [13]. В мае 1965 г. он также признал свою оплошность: «Моя подпись под тем письмом как-то не к месту. Поставил ее тогда второпях, горяча» [14].

Основная тональность сфабрикованных писем состояла в том, чтобы обвинить А. Яшина в клевете, в искажении светлой, счастливой, культурной жизни. Конечно же, для Александра Яшина эти письма с десятками подписей были обиднее и больнее, нежели статьи литературоведов и публицистов.

Другу Н. Любимову А. Яшин рассказывал, как фабриковались фальшивки по поводу «Вологодской

свадьбы», как на «скорой» ехал к себе в деревню, а о секретаре райкома высказывался: «Вот мудрец. Не подкопаешься. Дать – дал машину, но вроде как большому» [21]. Случай связан с тем, что писатель вместе с сыновьями приехал в Никольск. Обратившись к секретарю райкома, старому знакомому, с просьбой предоставить машину, т.к. до Блуднова автобусы еще не ходили, он натолкнулся на курьезный случай. Под воздействием развернувшейся кампании вокруг произведения лауреату Сталинской премии выделили санитарную карету. «Мы с ребятами хохотали до слез над оригинальным решением», – вспоминал А. Яшин. Сыновьям поэта было интересно: они никогда не ездили на машине «скорой помощи» и остались довольны долгим, по бездорожью, маршрутом в родное село [24].

Ни «Новому миру», ни А. Яшину не удалось ответить на материалы, направленные против «Вологодской свадьбы», хотя, казалось бы, они предполагали и требовали ответа. В то же время А.Т. Твардовский нашел возможность защитить повесть и ее автора в газете «Правда» в интервью, которое он дал американскому корреспонденту Шапиро [13].

Следует отметить и профессиональных критиков, выполнивших заданную миссию. Вслед за «словом земляков» появились разносные статьи и рецензии в столичных журналах: в № 4 «Октября» за 1963 г. – Н. Сергованцева «Трагедия одиночества и сплошной быт», в «Москве» – Г. Бровмана. Их суть сводилась к стремлению доказать, что А. Яшин – «очернитель советской действительности», «дегтемаз, уничтожающий собственную деревню» [15]. В майском номере журнала «Москва» за 1963 г. А. Дымшиц в статье «Личность художника» писал: «С самой вологодчины раздалась голоса протеста против “Вологодской свадьбы”. Повторять аргументы, высказанные земляками писателя, не буду – скажу лишь, что они опровергают впечатление писателя от родной деревни ссылками на фактическое положение дел. И эти ссылки довольно ясно показали, что А. Яшин весьма неглубоко всмотрелся в жизнь и людей» [14].

В марте 1963 г. не состоялся юбилей А. Яшина, творческий вечер был запрещен, передача по радио была снята [20]. Закрылись и двери издательств, редакций, кандидатура писателя обсуждалась на партсобраниях [10].

Нужно учитывать, что А.Я. Яшин изображал русскую деревню совершенно в другом ключе, иначе, чем ее рисовали политики. «Всегда пишете правду о крестьянине. Правда всегда партийна. Нельзя желать добра мужику, умалчивая о недостатках в сельском хозяйстве», – высказывался литератор. «Организованность» мнения о произведениях была для многих очевидной [23, с. 303]. Например, пенсионер Н. Любимов направил в 1963 г. С. Викулову письмо, где отмечал, что «большинство участников, идя на конференцию (по всей видимости, в Вологодский городской Дом культуры), еще не могли прочесть «Вологодскую свадьбу» и были с равнодушным отношением, а кое-кто даже не прочел статьи Берсенева «Нет, не прав Яшин!», которая и послужила косвенной подготовкой к конференции» [4, л. 30]. Не меньший интерес представляет коллективное сообщение от сельского схода колхоза «Родина» деревни Блудново Пермасского

сельского совета Никольского района от 15 ноября 1963 г., адресованное редакции газеты «Комсомольская правда» и имеющее 57 подписей. «Мы считаем, что выдержки и записки Вологодской свадьбы справедливы, поскольку эта свадьба была в его [А. Яшина] родне у его тетки в Скорковке, на которой он присутствовал сам. В деревне не было кино больше года. До сего времени не имеем лампочки Ильича, сидим с керосиновыми лампами наполовину даже без стекол, поскольку в магазине они бывают редко. Свадьба послода происходила по старому обычаю... Лапти есть у нас и поныне», – писали земляки А. Яшина [18]. Для писателя это разоблачение имело особое значение, он признавался, что впервые крестьяне принимали участие в литературных делах, иные же «открытые письма» содержали искажения [27]. 4 марта 1963 г. А. Яшин записал в дневнике: «С Твардовским был долгий разговор. Он прочитал коллективное письмо 57 колхозников из Блуднова (Чудо! – я этого от них не мог ожидать) и вологодские газеты, привезенные Васей Беловым. Сказал: “Ручаюсь, что «Вологодская свадьба» еще будет обсуждаться на комитете по Ленинским премиям. Премии, может, и не дадут, но сколько посыплется писем в комитет!”» [20].

Рассуждая об организованной акции, отметим, что деревенские жители, осознавая издержки государственного курса первой половины 1960-х гг., начинали проявлять политическую активность. В данной связи интересен взгляд В. Томилова, увидевшего в «Свадьбе» параллельный «съезд», делегатами которого выступили земляки автора – рабочие и колхозники, подвигшие итоги коммунистического строительства. Их застольные речи осведомляли читателя о жесткой эксплуатации и нищенском быте, деморализации, озлобленности, пьянстве [25, с. 5].

В декабре 1965 г. в Доме творчества в Малеевке был проведен семинар молодых очеркистов. Группой писателей-деревенщиков руководили Г.Г. Радов, Ю. Черниченко и В. Ильин. «О деревне надо писать со смелостью Валентина Овечкина и Александра Яшина. В проблемы села влезайте до самых корней, до глубины. Только это может хорошо помочь аграрнику в устранении трудностей и помех в развитии экономики и быта», – увещевал Г. Радов. Участник семинара А. Сушинов вспоминал, как Г. Радов рассказал ему, что работал над статьей в защиту «Вологодской свадьбы», но не располагал цифрами и данными по социально-культурному развитию вологодского села. Будущий член Союза журналистов переслал ему необходимый фактаж. Вскоре большая статья известного советского публициста, направленная в защиту творчества А. Яшина, появилась в «Журналисте». Спустя время очерк «Вологодская свадьба» стал включаться в книги Александра Яковлевича [24]. Начиная с 1973 г. в критических очерках, статьях, книжных изданиях «Вологодская свадьба» единодушно определялась как произведение высокохудожественное [см. например: 1; 6; 8; 9; 11].

Таким образом, А.Я. Яшин тяготел к показу реальной картины развития деревни, он сопереживал, стремился служить людям, любил родную землю, восторгался ее природой и бесконечно верил в светлое будущее.

В заключение отметим, что повесть «Вологодская свадьба» является рубежной в процессе созидательно-перехода литератора от социалистического к критическому реализму. По мнению представителей власти, «старая деревня» к моменту написания произведения уже давно была в далеком прошлом, поэтому столкновение позиций было очевидным. Стараниями общественности удалось отойти от однобокой, односторонней оценки творчества автора. Следует отметить, что кампании, организуемые в прессе и инспирированные властью, проводились и позже, например против В.И. Белова и А.И. Солженицына в конце 1960-х гг. Размышляя о развитии литературы, 23 ноября 1962 г. А. Яшин записал в дневнике: «Вчера прочитал “Один день Ивана Денисовича” Солженицына. Резонанс может быть сильный, страшный во всем мире. Проигрыш или выигрыш для нашей системы? Одно: такие вещи спокойно не читаются». 22 января 1963 г. литератор упомянул, что «прочитал в № 1 “Нового мира” два рассказа Солженицына. Слава Богу: Русская литература жива. Будет жить и Россия» [28]. Безусловно, жизнеспособность упомянутых концептов обусловлена в т.ч. и феноменом личности самого Александра Яшина.

Литература

1. Абрамов, Ф. Александр Яшин – поэт и прозаик / Ф. Абрамов // *Новый мир*. – 1973. – № 4. – С. 249–252.
2. Берсенева, А. Нет, не прав Яшин! / А. Берсенева // *Красный Север*. – 1963. – 26 января. – С. 4.
3. Вы смотрите через темные очки, товарищ Яшин // *Красный Север*. – 1963. – 1 февраля. – С. 4.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 846. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 30.
5. Головкин, О. Слеза Яшина / О. Головкин // *Авангард*. – 1993. – 14 октября.
6. Кузнецов, Ф. За все в ответе: нравственные искания в современной прозе / Ф. Кузнецов. – Москва: Советский писатель, 1975. – 502 с.
7. Лукин, Б. Вечер памяти Александра Яшина / Б. Лукин // *Вологодская тетрадь*. – 2005. – Апрель. – № 8 (107). – С. 6, 7.
8. Макаров, А. Критик и писатель / А. Макаров. – Москва: Советский писатель, 1974. – 462 с.
9. Михайлов, А. Александр Яшин / А. Михайлов. – Москва: Советская Россия, 1975. – 118 с.
10. Об истории взаимоотношений А.Я. Яшина и К.Г. Паустовского // Печатные материалы фонда МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска». – [Б. а.], [б. м.], [б. г.].
11. Оботуров, В. Неповторимое, как чудо очерк творчества Александра Яшина / В. Оботуров. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1978. – 158 с.
12. Павлов, А. Был ли Невзоров меценатом Яшина?: [об отношениях А. Яшина и В. Невзорова, руководителя областной печати] / А. Павлов // *Авангард*. – 1992. – 11 июля.
13. Павлов, А. О критиках А.Я. Яшина / А. Павлов // *Авангард*. – 1990. – 11 октября.
14. Павлов, А. Печаль его светла: к 30-летию публикации «Вологодской свадьбы» А. Яшина / А. Павлов // *Авангард*. – 1993. – 19 января. – С. 2.
15. Павлов, А. По книгам жизни не узнаешь... / А. Павлов // *Уездные новости*. – 2004. – 7 октября. – С. 4.
16. Павлов, А.А. Высоко плавают сосны над Югрекой...: Записки об Александре Яшине и исследователях его творчества / А.А. Павлов // *Литературные традиции Русского Севера: Александр Яшин, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Василий Белов: исследования и материалы*. Кн. 1. Писатель и его время / под ред. С.А. Тихомирова. – Вологда: Книжное наследие, 2008. – С. 114–143.
17. Павлов, А.А. Заботник и печальник земли русской / А.А. Павлов // *Русский Север*. – 2000. – 1 марта. – С. 7.
18. Пишет сельский сход // *Авангард*. – 1967. – 16 декабря. – С. 1, 3.
19. Свадьба с дегтем: открытое письмо писателю А. Яшину // *Комсомольская правда*. – 1963. – 31 января. – С. 2.
20. Старкова, В. Все во имя совести: [из дневников Александра Яшина] / В. Старкова // *Вологодский комсомолец*. – 1985. – 2 августа.
21. Старкова, В. Негаснувшие искры памяти / В. Старкова // *Авангард*. – 1995. – 11 июля.
22. Столетова, А.С. Инфраструктура чтения на Европейском Севере России в 1950–1960-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) / А.С. Столетова: дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2015. – 310 с.
23. Столетова, А.С. Роль А.Я. Яшина в становлении Вологодской областной писательской организации / А.С. Столетова // *Ярославский педагогический вестник*. – 2014. – № 2. – Т. 1. (Гуманитарные науки). – С. 303.
24. Сушинов, А. Уроки Александра Яшина / А. Сушинов // *Авангард*. – 1979. – 7 июля. – С. 3.
25. Томилов, В. Правды он выдал слово критически: [о произведениях А. Яшина «Рычаги» и «Вологодская свадьба»; о реакции на них партийного руководства и критике писателя] / В. Томилов // *Авангард*. – 2005. – 7 июля. – С. 4–5.
26. Шеваров, Д. «Спешите любить, жалеть и любить...» / Д. Шеваров // *Первое сентября*. – 2004. – № 76. – С. 7.
27. Яшин, А. Пишет сельский сход / А. Яшин // *Литературная газета*. – 1967. – 1 ноября. – С. 4.
28. Яшина, Н.А. Из дневников А. Яшина / Н.А. Яшина // *Авангард*. – 1993. – 30 марта. – С. 3.

A.S. Stoletova

IDEOLOGICAL CAMPAIGN AGAINST ALEKSANDR YASHIN INITIATED BY THE AUTHORITIES IN 1960s

The article deals with the story «Vologda Wedding» by A. Yashin. It is considered to be an object of political campaign and literary criticism launched in 1962. The text contains the examples of the reaction of the authorities and their representatives to the publication of the work. It is emphasized that the case was fabricated: the conferences were held; slanderous articles and letters were written. Anna Stoletova reveals the ideological background of the situation when «Vologda Wedding» was rejected by the authorities. The author analyses the controversy aroused both in the capital and in the prose writer's homeland; shows the value of the collective exposing message from fellow countrymen written in defense of the writer. Moreover, it is noted that the story was of special interest within the literary community. The author of the article comes to the conclusion that being the most discussed work, revealing the problems of rural life rather acutely from the social point of view, the story has become a milestone in terms of the writer's creative transition from socialist to critical realism.

Vologda Region, reader, literature, culture, cultural-public work, writer, Aleksandr Yashin, the story «Vologda Wedding».

УДК 821.111

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ОБ ОТНОШЕНИИ К ЭКВИВОКАЦИИ И АВТОРСТВЕ «ТРАКТАТА ОБ ЭКВИВОКАЦИИ»

В продолжение дискуссии с Н.С. Зелезинской («Словопреступление: Размышления об историческом контексте написания трагедии У. Шекспира “Макбет”...») в статье изложена позиция в отношении сущности эквивокации и рассмотрена проблема авторства «Трактата об эквивокации». Особое внимание уделено точке зрения Дэвида Джардина: в 1851 году он опубликовал трактат и сопроводил его «Предисловием», предоставив в распоряжение читателей открытия, связанные с трактатом.

Эквивокация, «Трактат об эквивокации», Дэвид Джардин, Роберт Саутвелл, Генри Гарнет.

Прежде всего, я хочу выразить искреннюю признательность Наталье Станиславовне Зелезинской¹ (Белорусский государственный университет) за глубокое обсуждение явления эквивокации в статье «Словопреступление» [3] и за рецензию на мою монографию [2]. При написании книги я старалась оставаться в границах, обозначенных в названии: «Эквивокация в “Макбете”: речевая природа трагедии», но очень рада тому, что Н.С. Зелезинская вывела разговор в общий для всех нас контекст: «По сути дела, эквивокация – та же ложь. Или все-таки не ложь? А если не ложь, то что? Здесь и сейчас мы оцениваем ложь во благо как явление морально допустимое и даже положительное, фиксируя в словарях следом за определением лжи такие устойчивые сочетания, как *ложь во спасение* и *святая ложь*» [3, с. 46]. Исследователь дала красноречивую поддержку из статьи о лжи Владимира Соловьева в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (1896), где Соловьев выводил понятие «необходимой лжи» и ставил вопрос о том, «позволительно или непозволительно делать сознательно несогласные с фактической действительностью заявления в крайних случаях», как, например, для спасения жизни [3, с. 46].

Замечу, что, готовя к печати «Трактат об эквивокации», Дэвид Джардин² думал о том же. В «Предис-

ловии», датированном 1 мая 1851 года, он отмечал, что при публикации было бы неуместно опровергать доктрину, изложенную в трактате, но у него не было сомнений в том, что превратное понимание природы лжи хорошо ощутимо: *«The shallowest thinker can hardly fail to perceive that the fallacy which pervades the whole is a misapprehension of the nature of a lie»* [9, с. xxvi–xxvii]. Для Дэвида Джардина принципиально восприятие иезуитами доктрины лжи как греха – в самом прямом и буквальном смысле (*the most rigid and literal sense*): ложь недопустима ни ради спасения жизни, ни ради отведения бедствий, сколь бы велики они ни были. Иезуиты не рассуждали о том, неизменно ли, универсально ли правило правды, возможны ли из него исключения. Я бы подчеркнула, что правда для иезуитов превыше всего, и она предполагает, прежде всего, верность себе, миру, Богу. Не находя выхода из существовавшего противоречия (между своей правдой и запретом на нее в Англии – об этом речь пойдет далее), иезуиты избрали путь оправдания уклонения от правды установлением различия между

«Narrative of My Missions to Constantinople and St. Petersburg in the Years 1829 and 1830» (в качестве чрезвычайного посланника в Константинополе, фон Мюффлинг содействовал заключению мира России с Турцией).

Для нас важны работы Дэвида Джардина в его профессиональной сфере. Он готовил к изданию судебные документы: «General Index to Thomas Bayly Howell's Collection of State Trials» (1828), «Remarks upon the Letters of Thomas Winter and the Lord Mounteagle, lately discovered by J. Bruce. ... Also upon the Evidence of Lord Mounteagle's implication in the Gunpowder Treason» (1841). Прочитав лекцию об использовании пыток в Англии в 1836 году, в следующем году он издал ее: «A Reading on the use of Torture in the Criminal Law of England previously to the Commonwealth». В 1846-м выпустил «Remarks on the Law and Expediency of requiring the presence of Accused Persons at Coroner's Inquisitions». В 1851-м вышел подготовленный им «Трактат об эквивокации», в 1857-м – книга о Пороховом заговоре («A Narrative of the Gunpowder Plot», 1857). Профессиональное обсуждение высококвалифицированного юриста породило новый виток дискуссий о крайне неоднозначном Пороховом заговоре.

¹ Моя благодарность за обсуждение в личной переписке публикуемой здесь статьи, замечания и предложения Н.С. Зелезинской и В.С. Макарову.

² Дэвид Джардин (David Jardine, 1794–1860) по окончании Университета Глазго получил звание барристера (1813). Занимался адвокатской практикой и параллельно писал. Начал с перевода на английский сказок братьев Гримм. Вместе с коллегой Эдгаром Тейлором (Edgar Taylor, 1793–1839) они перевели 31 сказку («German Popular Stories»). Опубликованная анонимно в 1823 году, книга стала бестселлером. Второй том вышел в 1826-м, но над этими 24 сказками Тейлор работал уже один. К переводу с немецкого Дэвид Джардин вернулся на склоне жизни. В 1855 году он обратился к мемуарам барона Карла фон Мюффлинга, прусского фельдмаршала (Friedrich Karl Ferdinand Freiherr von Müffling, 1775–1851):

«ложью в терминологии» (*a lie in terms*) и «ложью в намерении и осуществлении» (*a lie in intention and effect*). Дэвид Джардин подчеркивает, что иезуиты считали несущественным намеренное создание ложного впечатления на слушателя при условии, что говоривший прибегал к своей защите путем использования неких двусмысленных выражений или умолчаний. Если речь с использованием эквивокации спасала от лжи (иезуиты избегали говорить неправду), намерение обмана и его осуществление они не считали грехом [9, с. xxvii]. Подчеркну, создание неоднозначного эффекта было принципиальным: на него нацелена их тактика и от его успешности зависела возможность проповеди истины, ради чего они жертвовали жизнью.

Напомню исторический контекст. Первый этап в истории английского постреформационного католицизма датируется 1558-м (год восшествия на престол Елизаветы, когда протестантская англиканская церковь утвердилась в качестве официальной) – 1605-м годами (после Порохового заговора католики не могли не ощутить маловероятность католической реставрации в Англии). До событий 5 ноября английские католики надеялись, а католические священники в деятельности и пропаганде исходили из того, что католицизму удастся снова стать официальной религией. Разумеется, некоторые предвидели печальную для своей веры перспективу с начала правления Елизаветы. Исход католиков из Англии последовал практически сразу, так, известно, что в первое десятилетие ее правления более ста членов совета колледжей покинули Оксфорд из-за несогласия с переходом к протестантизму [1, с. 80].

В 1568 году по инициативе Уильяма Аллена (Allen, 1532–1594), бывшего ректора колледжа St. Mary's Hall в Оксфорде (в 1587 году он станет кардиналом римско-католической церкви), в Дуэ была открыта католическая семинария, которая должна была стать центром образования английского католицизма. Напомню, 25 февраля 1570 года Папа Пий V (1504–1572) выпустил буллу «*Regnans in Excelsis*», в которой объявил королеву Англии еретичкой, отлучил ее и ее сторонников от церкви – тела Христова³, постановил считать принесенные клятвы в верности недействительными и освободил подданных от службы ей и необходимости исполнять ее приказы⁴.

В 1573 году первые выпускники католической семинарии были возведены в священнический сан и в 1574-м прибыли в Англию. (Параллельно – с 1574 года – английские власти переходили от несистематических преследований и штрафов к постоянному давлению на католиков.) В 1574–1580 годы в Англию для служения прибыли 103 священника-миссионера [11, с. 111; 14]. Примерно половину католических свя-

щенников арестовывали, некоторых пытали. Многие подолгу оставались в тюрьмах, но большинство были отпущены с условием, что они покинут страну (одни выполняли условие, другие возвращались снова). 29 ноября 1577 года был казнен первый католический священник, окончивший семинарию в Дуэ, – Катберт Мэйн. Мирянин, в доме которого его арестовали, Фрэнсис Треджиан, оставался в тюрьме до 1601 года. Всего за рубежом в 1558–1603 годы были возведены в сан 815 английских священников, в 1603–1659-м – 925, причем большинство вернулись служить в Англию [подробнее см: 4, 6, 12, 15]. Английские иезуиты на территории страны появились летом 1580 года.

При подготовке парламентского законодательства против католиков в 1581 году Уильям Сесил олицетворял те силы, которые хотели сделать жизнь для католиков в Англии невозможной. Под влиянием Елизаветы был принят более умеренный вариант. Согласно закону «Об удержании королевских подданных в должном повиновении» (1581), в предательстве обвинялись те, кто высказывался в поддержку Папы, агитировал против подчинения королеве и законно установленной религии. Закон был сформулирован столь двусмысленно, что при необходимости мог быть применен к любому убежденному католику. С этого года преследование католиков стало еще более жестким. В 1581–1603 годы, согласно подсчетам историков, казнены 178 священников и 76 католиков-мирян (в первой половине XVII века – еще 20 священников) [8; 11, с. 177].

В 1585 году был издан парламентский «Акт против иезуитов, священников-семинаристов⁵ и других подобных им непокорных лиц». На основе этого Акта казнены 123 католических священника и 36 католиков-мирян – более чем по какому-либо другому [7]. Тем не менее, численность иезуитов в стране росла. В 1598 году в Англии было 18 иезуитов, в 1607-м – 43, затем цифры устремились к 150–200 и держались в этих рамках на протяжении полутора столетий [5, с. 206–209].

Вернемся к «Трактату об эквивокации». Дэвид Джардин воспроизвел его на основе рукописи из Бодлеанской библиотеки. История рукописи известна, и в монографии я касалась отдельных моментов, необходимых для логики повествования книги. Впервые о трактате узнали в связи с расследованием по делу участников Порохового заговора. На суде, перечисляя средства конспираторов, сэр Эдвард Кук возмущенно говорил о «вероломной, лжесвидетельствующей эквивокации, которой содействовали, разрешали и оправдывали иезуиты» [9, с. iii]. Он говорил (и затем писал: «*A True and Perfect Relation of the whole Proceedings against the late most barbarous Traitors, Garnet, a Jesuit, and his Confederates*». Printed by the King's Printer, 1606) о «Трактате об эквивокации» как написанном незадолго до кончины королевы (время написания продолжает оставаться спорным вопросом). Отметил, что книгу разрешили Генри Гарнет (1555–1606), префект английских иезуитов, и Джордж Блэквелл (George Blackwell, ок. 1545–1613), римско-католический архипресвитер Англии (Archpriest).

³ «Therefore, resting upon the authority of Him whose pleasure it was to place us (though unequal to such a burden) upon this supreme justice-seat, we do out of the fullness of our apostolic power declare the foresaid Elisabeth to be a heretic and favourer of heretics, and her adherents in the matters aforesaid to have incurred the sentence of excommunication and to be cut off from the unity of the body of Christ» [13].

⁴ «And also (declare) the nobles, subjects and people of the said realm and all others who have in any way sworn oaths to her, to be forever absolved from such an oath and from any duty arising from lordship...» [13].

⁵ Имеются в виду священники-выпускники католических семинарий.

В ходе следствия Генри Гарнет признал, что собственноручно зачеркнул в названии трактата слово «эквивокация» и написал сначала «Трактат о лживом и обманном сокрытии», затем изменил предлог: «Трактат против лживого и обманного сокрытия». Он внес и другие изменения и добавления, причем нет сомнений, что это его рука: сохранилось немало написанных и подписанных им документов, и его почерк легко узнаваем. Блэквелл, как говорил Эдвард Кук, «окропил» трактат своим благословением («...*Blackwell besprinkles it with his blessing...*») – на трактате есть его разрешение на печать [9, с. iv–v].

Обстоятельства обнаружения рукописи Эдвард Кук зафиксировал на форзаце: «Эту книгу, содержащую 61 страницу, я нашел в покоях в Иннер Темпл, где обыкновенно останавливался (*used to lye* – обыгрываются значения глагола: *останавливаться*, *временно жить* и *лгать*) сэра Томас Трэшем, и которую он заказал для младших сыновей. 5 декабря 1605. Эдв. Кук» [9, с. v–vi]. Томас Трэшем умер в сентябре 1605 года за несколько недель до событий Порохового заговора. Упомянутые Куком покои в Иннер Темпл он занимал в течение двух-трех лет. Несмотря на то что он был ревностным католиком, оснований для предположений о его причастности к Пороховому заговору нет. Его старший сын и наследник Фрэнсис Трэшем участвовал не только в Пороховом, но во всех католических заговорах и в восстании графа Эссекса (освобождение Фрэнсиса было связано с большими трудностями и уплатой значительной суммы денег). Занимаясь этими опасными делами, Фрэнсис частенько останавливался в покоях в Иннер Темпл. В письме к лорду Солсбери Эдвард Кук отмечал, что рукопись была найдена в его столе [9, с. vi–vii].

Допросы (9, 10 декабря 1605 года) Льюиса и Уильяма, младших сыновей сэра Томаса Трэшема, показали, что было две копии трактата: одна – фолио, другая – кварто. Фолио переписано с кварто Джорджем Вавасуром, секретарем Томаса Трэшема (после его смерти Джордж остался на службе у Фрэнсиса). На допросе 9 декабря Джордж Вавасур признал, что 4-5 лет назад по просьбе мистера Фрэнсиса Трэшема он переписал фолио с кварто. Он упомянул, что, поскольку последний лист кварто истрепался от многократного использования, он переписал и его и вместо старого положил новый лист. Рукопись в Бодлеанской библиотеке полностью отвечает его описанию [9, с. vii–ix].

Каким образом именно этот документ, обнаруженный Эдвардом Куком, оказался в Бодлеанской библиотеке? После казни Генри Гарнета были неоднократные выступления в его защиту. В 1610 году европейское внимание привлекла «Апология Генри Гарнета» («*Apologia pro Henrico Garneto*») греческого иезуита Андреаса Евдемона-Иоанна (*Andreas Eudamon-Joannes*, 1566–1625; Дэвид Джардин ошибочно полагал, что это псевдоним иезуита по фамилии L'Heureux [9, с. xi]). По-видимому, для Джардина следующий факт был не важен (он его не упоминает), но известно, что сначала с ответом Евдемон-Иоанну выступил Исаак де Казобон (*Isaac de Casaubon*, 1559–1614). В ответ на его «*Epistle to Fronto Ducaeus*» (1611) Евдемон-Иоанн пишет «*Responsio ad epistolam*

Isaaci Casauboni». Популярность «Апологии» возрастает, и в дискуссии должен вступить еще и Роберт Аббот (*Robert Abbott*, 1560–1617), профессор королевской кафедры богословия в Оксфорде, в последующем епископ Солсбери. «Трактат об эквивокации», как и другие документы допросов и признаний по делу Порохового заговора, предоставлены в его распоряжение, по-видимому, через младшего брата Джорджа Аббота, архиепископа Кентерберийского (1562–1633). В документах, относящихся к Пороховому заговору, сохранилась записка (от 9 октября 1612), сопровождавшая отправляемые архиепископу Кентерберийскому документы (числом 51), а также документы об их получении (10 октября и 13 ноября 1612) и возврате (1 июля 1614). Обратное было получено все, за исключением обвинительного акта и «Трактата об эквивокации». «Антилогия»⁶ Роберта Аббота («*Antilogia versus Apologiam Andreae Eudamon-Joannis*») была опубликована в 1613 году. Не отправленный назад трактат остался в Ламбете, где и был обнаружен Уильямом Лодом (*Laud*, 1573–1645), преемником Джорджа Аббота. Вместе с другими рукописями Лод передал его в Бодлеанскую библиотеку [9, с. xi–xiii].

Что касается авторства «Трактата об эквивокации», это спорный вопрос. Казалось бы, когда обвинили и казнили Роберта Саутвелла (ок. 1562 – 21 февраля 1595), логично было считать его автором трактата. Но ситуация повторилась с Генри Гарнетом (июль 1555 – 3 мая 1606), причем в его случае возможны варианты: Гарнет мог продолжить и завершить работу Саутвелла и мог сам написать трактат. Так или иначе, через 10-летие эквивокация снова стала центром судебного разбирательства: других улик против отца Гарнета не было. Его упорно стремились выставить в смешном свете – как уваливавшего человека, преуспели в этом и казнили.

Кто еще претендует на авторство? Дэвид Джардин упоминает следующие версии современников событий:

- Эдвард Кук предполагал, что трактат был написан иезуитом Джоном Джерардом (*John Gerard*, 1564–1637): «*Sir Edward Coke, in a Note respecting the Treatise, to be seen at the State Paper Office, says it was 'suggested to have been written by Gerard, the Jesuit'*» [9, с. xiii]. Не могу еще раз не подчеркнуть, что именно Эдвард Кук судил и долго и пристрастно обсуждал с подсудимыми эквивокацию, отправив и Саутвелла, и Гарнета на смерть, при этом его предположение, как мы видим из вышеприведенной цитаты, – Джон Джерард (*John Gerard*, 1564–1637). Джон Джерард известен знаменитыми побегами – сначала из Тауэра в ночь на 4 октября 1597 года, затем из Англии – в день казни отца Гарнета. Будь он схвачен, могло бы состояться третье судилище по делу эквивокации. Джерард скончался в возрасте 73 лет, изложив свои воспоминания (книга была написана на латыни, и переводчик

⁶ Антилогия – метод аргументации, когда, исходя из утверждения противника, стараются обосновать противоположное и противоречащее суждение, с тем чтобы вынудить оппонента или принять оба суждения (т.е. вступить в противоречие с самим собой), или отказаться от своей исходной позиции.

в XX веке назвал ее «Автобиографией преследуемого священника» – «The Autobiography of a Hunted Priest»).

- Томас Мортон (1564–1659), декан Уинчестера, позднее епископ Личфилда и Ковентри, Дарема, полагал («Full Satisfaction concerning a Double Romish Iniquity, Rebellion, and Equivocation», 1606), что авторами могли быть Джозеф Кресвелл (Joseph Cresswell, 1557–1623?) или Трэшем [9, с. xiii].

- Исаак де Казобон (1559–1614) в знаменитом письме («Letter to Fronto Dicaeus») цитировал трактат, не называя по имени его автора [9, с. xiii].

- для Роберта Аббота в «Антилогии» при критике доктрины эквивокации было важно не имя автора, а то, что автор является неким приспешником Сатаны («*Sacerdos quidam Satanae*») [9, с. xiv].

Дэвид Джардин упоминает, что более поздние авторы (он не называет имен, и мне здесь тоже не хотелось бы углубляться в эту тему) приписывали трактат Гарнету, Трэшему, Блэквеллу – на том основании, что каждый из них так или иначе имел отношение к рукописи [9, с. xiv].

Для меня важен тот факт, что именно Роберт Саутвелл впервые защищал доктрину эквивокации на суде, причем прибежал к примерам, использованным в трактате. Думаю, что Роберт Саутвелл и Генри Гарнет могли узнать об этой доктрине еще в колледже (как и все другие семинаристы). В мае 1586 года, когда они вдвоем возвращались в Англию для исполнения миссии – поддержания веры в католиках и обращения в католичество колеблющихся, идея уже могла быть взята ими на вооружение. Мне представляется вполне вероятным, что Саутвелл изложил доктрину, напечатал трактат, Гарнет после его смерти внес многочисленные добавления, в том числе упоминания Саутвелла – отдал долг своему сподвижнику. Настаивать на этой точке зрения было бы неправомерно по той простой причине, что современникам тайну авторства раскрыть не удалось (они не продвинулись далее предположений), причем среди них были такие проникательные и в высшей мере заинтересованные профессионалы, как сэр Эдвард Кук (1552–1634), самый известный юрист эпохи правления Елизаветы и Якова; сэр Джон Попхэм (1531–1607), генеральный прокурор, затем верховный судья Англии. Прискорбно, что и Роберт Саутвелл, и Генри Гарнет за «измену» и эквивокацию отдали жизни. Осторожность и эквивокация позволили им послужить их вере и правде, в разной мере отсрочив смертный приговор, но не избегнув его.

Можем ли мы доверять противной – правительственной стороне? Как я уже пыталась показать в монографии, нет. На этот раз приведу размышления Дэвида Джардина из «Предисловия» к его «Рассказу о Пороховом заговоре». Он не скрывал, что было бы наивно ожидать правдивого и полного отчета от официальной публикации властей. Правительство видело своей целью показать происходившее в политически выгодном им свете, но отнюдь не намеревалось публиковать правду с целью проинформировать население. Практикой того времени было, по мнению Джардина, водить людей «на детском поводке» и проливать на политические события ровно столько света, сколько власти считали необходимым. Если для дос-

тижения желаемого эффекта нужна была часть правды, обходились ею; если требовалось, и эту часть изменяли в соответствии с поставленной целью:

Although it is quite clear from the existence of this mass of documents that the Privy Council of James I were fully acquainted with all the details of the conspiracy, it was not to be expected that a fair or full statement should be officially published. The object of the government was to turn the transaction to the best political account, and nothing could be further from their intention than to publish truth merely for the information of the people. The practice of those days was to hold their people in leading-strings on political subjects and so much light only was given respecting occurrences of state as the Privy Council though convenient and useful for the attainment of their objects. Where the whole truth would not produce the intended effect, a part only was published; and where the part would not exactly suit the purpose, no scruple was made of garbling and altering it [10, с. 7].

Размышляя об эквивокации и славянских аналогах слова, неминуемо вспоминаешь «кривду». В словаре С.И. Ожегова «кривда» это «ложь, неправда» (с пометой «устаревшее»). В народном мировосприятии правда ассоциируется с божественным, и пословицы зафиксировали установку на вечное: «Правда у Бога, а кривда на земле», «Кривью жить, не у Бога быть» (у Бога не быть), «Правда да свята, на небо взята», «На суде Божьем право пойдет направо, а криво налево» и др. Стремясь к правде, иезуиты сознательно прибегали к «кривда-говорению» (*кривдоречению?* *кривдословию?*) с целью служения их вере. Власти же уверенно шли путями кривды, не гнушась никакими подтасовками и манипуляциями.

Для Дэвида Джардина при подготовке трактата и книги о Пороховом заговоре была важна демонстрация самого инструмента искажения истины, широкого практиковавшегося среди данного круга лиц в данный период истории. История первого современного издания трактата является важной в качестве образца обращения последующих эпох к крайне специфическому религиозно-политическому материалу. В этот пласт очень непросто проникать, и, помимо прочего, опыт юриста и издателя XIX века представляет взгляд человека эпохи прогресса на эквивокацию XVI–XVII веков. Нам, знающим о тоталитарных режимах XX века, в каком-то отношении, быть может, легче понять логику эквивокации. Меня явление эквивокации при написании монографии привлекло именно в шекспировском контексте, шире – в контексте литературы того времени. Есть эпохи, когда трудно или невозможно обходиться без эквивокации, и начало Нового времени в Англии – одна из них, что любопытно само по себе, но я заинтересовалась этим феноменом именно на уровне работы в тексте: как действует уклончивость – как закладывается и как считается двусмысленная информация. Как бы внимательно мы ни читали Шекспира, мы не можем сделать какого-либо рода заключения о его вероисповедании (люди разных религий и вероучений, включая буддизм, видят в нем «своего»), и в этом он превзошел учителей.

Литература

1. Ерохин, В.Н. Английское католическое сообщество в XVI – первой половине XVII века в современной британской историографии: монография [Электронный ресурс] / В.Н. Ерохин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2012. – URL: <https://www.academia.edu/17218449> / В.Н. Ерохин Английское католическое сообщество в XVI – первой половине XVII века в современной британской историографии.
2. Зелезинская, Н.С. Рецензия на книгу: Егорова Л.В. Эквивокация в «Макбете»: речевая природа трагедии: монография. Вологда: ВоГУ, 2018. 164 с. / Н.С. Зелезинская // Вестник ВоГУ. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 4 (11). – С. 105–107.
3. Зелезинская, Н.С. Словопреступление: Размышления об историческом контексте написания трагедии У. Шекспира «Макбет» в продолжение статей и монографического исследования об эквивокации Л.В. Егоровой / Н.С. Зелезинская // Вестник ВоГУ. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 4 (11). – С. 46–49.
4. Anstruther, Godfrey. The Seminary Priests: A Dictionary of the Secular Clergy of England and Wales, 1558–1850. – 4 vols. / Godfrey Anstruther. – Ware: St. Edmund's College, 1968–1976.
5. Bossy, John. The English Catholic Community, 1570 – 1850 / John Bossy. – London: Darton, Longman & Todd, 1975. – 446 p.
6. Martyrs of England and Wales, 1535 – 1680 / ed. by Philip Caraman, James Walsh. – London: Catholic Truth Society, 1960. – 48 p.
7. Dures, Alan. English Catholicism, 1558 – 1642 / Alan Dures. – Harlow, Essex: Longman, 1983. – P. 29.
8. Hughes, Philip. Rome and the Counter-Reformation in England / Philip Hughes. – London, 1942. – P. 246.
9. Jardine, David. Foreword [Электронный ресурс] // A Treatise on Equivocation / ed. by David Jardine. – London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1851. – 180 p. – URL: https://archive.org/stream/treatiseofequivo00jarduoft/treatiseofequivo00jarduoft_djvu.txt
10. Jardine, David. A Narrative of the Gunpowder Plot [Электронный ресурс] / David Jardine. – London: Murray, 1857. – 351 p. – URL: <https://archive.org/details/narrativeofgunpo00jard/page/n1>
11. McGrath, Patrick. Papists and Puritans under Elizabeth I / Patrick McGrath. – Poole, England: Blandford Press, 1967. – 434 p.
12. Nuttall, Geoffrey F. The English Martyrs, 1535 – 1680: A Statistical Review / Geoffrey F. Nuttall // Journal of Ecclesiastical History. – 1971– V. 22. – Issue 3. – Pp. 191–197.
13. Regnans in Excelsis [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.papalencyclicals.net/Pius05/p5regnans.htm>
14. Trimble, William Raleigh. The Catholic Laity in Elizabethan England / William Raleigh Trimble. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1964. – Pp. 68–69.
15. Watkin, E.I. Roman Catholicism in England from the Reformation to 1950 / E.I. Watkin. – London: Oxford University Press, 1957. – 244 p.

L.V. Yegorova

ON THE ATTITUDE TO EQUIVOCATION AND THE PROBLEM OF AUTHORSHIP OF «A TREATISE OF EQUIVOCATION»

Continuing the discussion with Natalia Zelezinskaya («A Wordcrime: Equivocation in the historical context») Lyudmila Yegorova formulates her point of view on the essence of equivocation and discusses the problem of authorship of «A Treatise of Equivocation». She pays special attention to David Jardine's standpoint. In 1851 he published «A Treatise» and in his Foreword presented all the information connected with obtaining the treatise, its authorship, and the reactions followed.

Equivocation, «A Treatise of Equivocation», David Jardine, Robert Southwell, Henry Garnet.

Н.С. Зелезинская
Белорусский государственный университет

САМОУБИЙСТВО КАК МАГИСТРАЛЬНЫЙ МОРТАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ «РИМСКИХ ТРАГЕДИЙ» У. ШЕКСПИРА

В рамках исследования мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира автор отмечает его наибольшее значение и многофункциональность для поэмы «Лукреция» и «римских трагедий», в которых данный мотив выходит на уровень магистрального сюжета. Выявляются такие функции мотива самоубийства, как создание атмосферы античного мира, усиление драматичности действия, формирование модальности. Наибольшее внимание в статье уделено характерологической функции, поскольку, по мнению автора, формирование образа протагонистов рассмотренных произведений невозможно без учета их выбора добровольного ухода из жизни. Мотив самоубийства героев рассмотрен в категориях цельности личности, расщепления Я, искусства правильной смерти, *virtù*, поведенческих кодов. В статье утверждается, что образы протагонистов трагедий «Антоний и Клеопатра», «Юлий Цезарь», «Кориолан» и поэмы «Лукреция» становятся многоплановыми и неоднозначными в результате введения в римские трагедии как античных, так и ренессансных ценностных категорий.

Шекспир, римская трагедия, мотив самоубийства, магистральный сюжет, смертельный сюжет.

Еще в 1971 г. выдающийся советский ученый Л.Е. Пинский в концептуальной монографии «Шекспир: Основные начала драматургии» назвал смертельный сюжет неотъемлемой и отличительной чертой шекспировской трагедии [4, с. 112]¹. Однако мысль эта не была достаточно развита отечественным шекспироведением в силу литературных и околотрагических предпочтений. В западном литературоведении смерть протагонистов рассматривалась скорее в рамках герменевтики. Мы считаем необходимым рассмотреть смерть шекспировских протагонистов, во-первых, в жанровом преломлении, во-вторых, в рамках и терминологии исторической поэтики. Анализ шекспировских сюжетов показывает, что наиболее продуктивным подходом является обращение к смертельной ситуации как сюжетной доминанте трагедий. Это позволяет как выявить особенности формирования шекспировской трагедии, так и рассмотреть важнейшую проблему нравственно-философского пространства произведений английского драматурга.

Гибель шекспировских героев условно можно разделить на следующие причинные группы: самоубийство, убийство, казнь, смерть в бою. При этом самоубийство является наиболее распространенной

причиной смерти протагонистов шекспировских трагедий, что опять же отмечал Л.Е. Пинский: «характернее всего для шекспировских развязок самоубийство героя и героини» [4, с. 112]. Приведем статистику: во всех десяти трагедиях великого драматурга присутствует мотив самоубийства, семь протагонистов добровольно уходят из жизни.

Произведения, основанные на римских источниках, наиболее показательны с точки зрения суицидального сюжета. Хотя первым таким произведением является не трагедия, а поэма «Лукреция», написанная в 1594 г. В отличие от непосредственных источников Шекспира и различных претекстов, написанных в Европе на сюжет о Лукреции в Средневековье и Возрождении, самоубийство становится центральным мотивом одноименной поэмы Шекспира. Трансформация восприятия самоубийства и понятия *virtù* (достоинство, доблести, добродетели, хотя термин понимается шире [14]) в эпоху Ренессанса заставляют автора увидеть в мифе личную трагедию. Проблема власти также из общественного переходит в разряд индивидуального: автор показывает самоубийство как средство достижения личной цели Лукреции – восстановление ее честного имени, незапятнанной репутации, чести мужа и семьи – вне связи с политическими целями, воплощенными в образе Брута. Решение убить себя смещает акцент с первоначального восприятия Лукреции как объекта владения мужчины на попытки ее самоидентификации.

Выделение мотива самоубийства как ведущего отражает и идею Возрождения о тесной связи образа жизни и смерти. Как и во множестве других произведений драматургов английского Возрождения, эти ренессансные черты накладываются на средневековые и античные мотивы. С одной стороны, значительную долю метафор и образов Шекспир позаимствовал у

¹ В трагедиях Шекспира герой *всегда* умирает, тогда как для классической трагедии смерть героя была *возможной* («Антигона», «Царь Эдип»), но *не обязательной*. Как пишет Л.Г. Пинский, «смерть героя никогда не была показательной чертой, а тем более формальным правилом классической трагедии. Такого правила не знает трагедия античная, где благоприятную развязку предпочитает Эсхил, иногда Софокл и даже Еврипид. Гибели героя избегают, как правило, испанские трагики. Среди французских Корнель в лучших традициях почти всегда предпочитает развязки счастливые, а Расин – со смертью героев и героинь, но не обязательно. Но во всех десяти трагедиях Шекспира (и обычно у других «елизаветинцев») герой в конце погибает – катастрофическая развязка входит как норма в концепцию трагедийного сюжета» [4, с. 112].

Овидия. Возвращение к античной парадигме прослеживается в теме мести, морали стоицизма, спасения чести семьи как основной причины самоубийства. Античные мотивы доминируют в поэме и одерживают верх в разрешении конфликта. С другой стороны, можно наблюдать соответствие Лукреции святой, а поэмы – жанру описания жития святых. Однако нам бы хотелось более подробно остановиться на магистральном смертельном сюжете трех римских трагедий: «Юлия Цезаря», «Антония и Клеопатры» и «Кориолана».

В «Юлии Цезаре», созданном на материале «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, четыре персонажа кончают с собой, три из них – на глазах у зрителей. Двое, Кассий и Брут, являются персонажами первого плана. Эти самоубийства происходят в последнем акте, быстро следуют одно за другим и вместе формируют развязку. Тема самоубийства присутствует и в предыдущих актах: в уста многих персонажей вложены обещание или угроза самоубийства, спор о нем или упоминание его возможности. Серия сходных моделей поведения создает эффект предопределенности и массовости самоубийства. Следовательно, самоубийство – не просто сюжетный ход, но и драматический прием, нацеленный на создание мрачной и величественной атмосферы.

Ассоциации, сближающие понятия античного Рима и самоубийства, связаны, в свою очередь, с античным поведенческим кодом, пониманием *virtù*, с возвышенной концепцией благородства, смелости, свободы и добродетели, со стойками и Катонем. Несомненно, такой образ возникал у Шекспира, и такого ожидала публика. Но драматург создал подлинно драматическое произведение, а не «спектакль» из биографий Плутарха. Он дал почувствовать в истории присутствие необходимости, одновременно не зависящей от воли персонажей и исходящей из их характера. Не забывая об истории, мы смотрим трагедию, в которой самоубийства Брута и Кассия соответствуют их духу. Таким образом, самоубийство прочитывается на двух уровнях.

Смерть Брута, Кассия и Титиния в «Юлии Цезаре» можно назвать классическим примером самоубийства по высоким римским стандартам. Их жизнь, равно как и смерть, построена на римской системе ценностей, а самоубийство следует образцу римского самоубийства. Жизнь каждого из них полна подвигов, они прославили свои имена политической дальновидностью или победам на ратном поле, снискали уважение властей и любовь народа, их образы совпадают с образом римлянина в классическом понимании, что постоянно подчеркивает автор. На протяжении всей трагедии все они, и особенно Брут, вызывают только позитивные чувства и высокие оценки: «Брут благороден, мудр, и храбр, и честен» [13, акт III, сцена 1 – в дальнейшем слова *акт* и *сцена* пропускаем].

Поскольку елизаветинцы находили в том, как умирали Кассий, Титиний и Брут, то величие, которое в их глазах характеризовало античный Рим, публика была заранее благосклонна к этим ярким воплощениям древней истории, и даже их заблуждения и ошибки искупались финальным героизмом. Своим самоубийством они доказывают *virtù*, принадлежность Риму

как социуму, встроенность в систему римских ценностей. Как описывает ситуацию У. Хэзлитт, «смерть Брута достойна его: в ней есть достоинство римского сенатора и твердость философа-стойка» [9, р. 29].

Атрибуты этих самоубийств также отвечают римским канонам. Все трое используют меч: благородное стальное оружие не принижает тех, кого оно поражает. Кассий закрывает лицо, как это сделал Цезарь. Сцена самоубийства Брута происходит в довольно медленном темпе, включает диалоги, размышления, прощания, молитвы, спокойствие и безмятежность которых в высшей степени контрастируют с волнением на фоне (звуком трубы и криками беглецов).

В этих самоубийствах по-римски замешано несколько мотивов. Конечно, фундаментальная причина трех самоубийств – поражение. Но суицид также и дружественный жест. Дружеские чувства – более близкая и личная причина для Кассия: «Довольно. Не смотри. / Я трус и дожил до того, что вижу, / Как лучший друг взят на глазах моих!» [13, V, 3]. Думая, что Титиний, которого он послал на рекогносцировку, был взят в плен, Кассий страдает от чувства вины. По стечению обстоятельств, Титиний также убивает себя ради Кассия, сожалея о совершенной ошибке (хотя его тоже не в чем упрекнуть). Он делает трогательный жест: кладет на лоб Кассия венок победителя, который дали ему солдаты Брута, и закалывается мечом Кассия, желая тем показать, что отплачивает ему такой же дружбой и верностью. Эта спокойная решимость и нерушимая привязанность позволяют герою сказать: «Вот, боги, римлянина долг: найди, / Меч Кассия, и сердце здесь в груди» [13, V, 3].

Для Брута (хотя мотив дружбы также значим в добровольном уходе из жизни) важнее другое. Брут отказывается сдаться, чтобы не венчать триумф своих врагов: «Нет, Кассий, нет. Ты, римлянин, не думай, / Что Брута поведут в оковах в Рим. / Нет, духом он велик» [13, V, 1]. Внутренним мотивом, таким образом, выступает понимание достоинства и чести как социальных чувств: благородный римлянин не может позволить схватить себя. Самоубийство Брута имеет двойное значение: во-первых, он лишает врага части его победы: «Брут лишь самим собою побежден. / Никто его убийством не прославлен...» – замечает Стратон [13, V, 5], и сам Брут объясняет: «Врагами загнаны мы к ловчей яме. / И лучше прыгнуть нам в нее самим, / Чем ждать, пока столкнут» [13, V, 5]. Самоубийца ускользает, не дав удачливому противнику насладиться почти божественным правом распоряжаться его жизнью и смертью. Во-вторых, человек, убивший себя, приобретает бессмертную славу. Он венчает свою жизнь героическим поступком, обращая физическое поражение в моральную победу и оставляя после себя последний образ, который величием превосходит все военные победы. Таков смысл слов Брута: «Прославились я несчастным этим днем, / И больше, чем Октавий и Антоний, / Достигшие своей победы низкой» [13, V, 5].

Если убийство Цезаря не может быть оправдано как тираноубийство, то это преступление, и для елизаветинцев – даже цареубийство. Таким образом, самоубийства Брута и Кассия предстают перед нами как прямое следствие убийства, т.е. как отмщение судьбы.

Брут должен искупить совершенное преступление. Схема мести навязывает жесткие границы. Внешние силы определяют поведение героев без их ведома и делают иллюзорной добрую часть их собственного величия. Помещенное в эту схему мщения, самоубийство, будучи онтологически самым свободным актом, по жестокой иронии оказывается навязанным извне. Узнав о смерти друга, Брут признает могущество Цезаря: «О Юлий Цезарь, ты еще могуч! / И дух твой бродит, обращая наши / Мечи нам прямо в грудь» [13, V, 3]. Интересно, что фактически ни Кассию, ни Бруту не удается убить себя самим. Плутарх дает две версии самоубийства Брута: или он убивает себя сам, или Стратон держит его меч. Шекспир выбирает не самый славный способ. Не в выгодном свете показывает он своего героя, когда тот идет к компаньонам, умоляя о последней помощи.

В противовес двум героям, второстепенный персонаж – Титиний – и женщина – Порция – не нуждаются ни в ком, чтобы умереть. Еще и в этом отношении «Брут лишь самим собою побежден» имеет только относительную ценность². Принижает величие самоубийства тот факт, что Кассий, который неоднократно утверждал свое намерение покончить с собой в случае провала, убивает себя не из-за поражения, но потому что он ошибся, и становится жертвой своей судьбы. Открывают нам этот смысл слова Брута: «Но этот день / Окончит начатое в иды марта» [13, V, 1]. Мы считаем, в парадигме мести настоящее самоубийство Кассия и Брута было совершено в момент убийства Цезаря.

Фатальность, полная независимость судьбы героев от их воли, не оставила бы нас равнодушными к трагедии и сама по себе, но мы чувствуем, что Шекспиру этого не достаточно. Персонажи идут к гибели и в силу внутренней необходимости, т.е. они должны оказаться ответственными за свою судьбу, их смерть должна стать соответствующим завершением жизни, которую они вели. «Всякая смерть должна быть такой, как жизнь. Мы не становимся другими, чтобы умереть. Я всегда интерпретирую смерть жизнью» [3, с. 412]. Эта мысль, эксплицитно выраженная Монтенем, нашла идеальное художественное воплощение у Шекспира.

Проявлением ренессансного сознания являются как идея о том, что все умирают той смертью, какой заслуживают, так и конкретные черты характеров Кассия и Брута, приводящие их к самоубийству. Большинство исследователей этой трагедии (подробно на этом аспекте останавливаются А.А. Аникст, В.Г. Белинский, М. Кошкарян, Ю. Шведов, А. Байет, Б. Поллин и др.) подчеркивают связь между жизнью и смертью Кассия. Он – жертва своей импульсивной природы, слепо предан увлечениям, подвержен слабостям, обладает завистливым характером; ему не хватило хладнокровия, стойкости, самообладания и чувства меры. Кассий – жертва этих недостатков и

слабостей: мрачный и усталый, он не утруждает себя проверкой известия о смерти соратника и убивает себя. Кроме того, в его самоубийстве присутствуют чувства ревности, ненависти, разочарования.

Трагедия Брута также связана с внутренним разладом. Многие критики (например, Дж. Уилсон Найт) видят причину в несоответствии содеянного моральным принципам героя. Он поддается искушению, становится цареубийцей и встречается со злом в самом себе. Сознавая это, Брут постигает мучительный опыт внутреннего надрыва. Советская школа (А.А. Аникст), напротив, подчеркивает противоречие благородных, но отживших свое идеалов Брута и объективных исторических тенденций. Добавим еще одну причину расщепления сознания протагониста – драму гордости: он хотел играть политическую роль освободителя и вдруг увидел бессмысленность и неценность своего дела. Все причины накапливаются, и в сознание героя закрадывается хаос (ренессансный мотив). Безошибочный знак его смятения и даже распада – бессонница. (В этом он подобен Макбету, который говорит, что он «убил свой сон»). Брут проводит бессонные ночи и завидует Луцию с присущим ему миром в душе. Перед битвой Брут пытается восстановить разрушенную гармонию, обрести душевный покой, но его усилия напрасны, привидение напоминает ему, что он не имеет права на счастье, лишь на вечный сон. Брут думает о смерти с облегчением, о самоубийстве – как об освобождении от тяжести существования; убить себя – это гамлетовское «to die, to sleep» («умереть, уснуть»). В конце трагедии перед читателем предстает расщепленная личность, терзающееся и беспокоящее существо, «бедный Брут в войне с самим собой» [13, I, 2]. Эта внутренняя война в душе Брута окажется для него такой же фатальной, как и гражданская война, которая скоро опустошит Рим. Восстание, о котором он говорит, содержит в зародыше его финальное самоубийство.

Итак, при первоначальном взгляде на самоубийства в «Юлии Цезаре» мы обращаем внимание на аспекты и мотивы, продиктованные искусством умирания (ars moriendi). Социальные условности заставляют римлянина убивать себя при поражении для спасения чести. Кроме того, он приобретает бессмертное имя в людской памяти. Значение имеют и эстетика, и типично римский способ самоубийства. Отсюда вырисовываются эмоционально-оценочные смыслы совершенных самоубийств. Автор наделяет героев-самоубийц эпитетами «храбрый», «доблестный», «честный», «благородный», «мудрый», что равно признают их друзья и враги: «Он римлянин был самый благородный <...> Он человеком был», заключает трагедию Антоний [13, V, 5].

Шесть самоубийств прекраснейшей пьесы о любви «Антоний и Клеопатра» (1607), в первую очередь, должны быть рассмотрены как магистральный сюжет трагедии. Они накапливаются в развязке: разговор о самоубийстве заходит лишь в 11-й сцене IV акта, однако, как справедливо замечает Ю. Гинзбург, «выбор Антония не локализован здесь в одном монологе или в одной сцене, ему посвящено все действие драмы» [1, с. 96].

Мотив самоубийства не только продвигает сюжет и драматизирует действие, но и выполняет функции

² Эта деталь получила немало толкований, например, Н. Каунсил видит ее так: «Патетический поиск кого-то достаточно достойного, чтобы держать меч, на который Брут собирается пасть, – логическое следствие его идеалистических представлений о чести» [8, р. 60]. Из идеалистичности представлений Брута о чести следует его трагизм, что вписывается в концепцию поведенческих кодов и virtú.

характеристики героев и создания атмосферы античного мира. Традиционно одноплановы второстепенные персонажи: Энобарб, мучимый стыдом за предательство Антония, топится в сточной канаве. Ирада и Хармиана, ведомые верностью и долгом перед царицей, разделяют с ней не только способ и момент смерти, но и мотив – они не хотят участвовать в триумфальном шествии Цезаря. Благородный Эрос руководствуется долгом и честью, когда без колебаний бросается на меч. Мотив самоубийства здесь описывается исключительно с точки зрения *ars moriendi*, принятого в римской республике для соответствующих социальных слоев и жизненных ситуаций.

Однако, ведя речь о главном герое, мы должны рассматривать его характер, жизнь, смерть и как воплощение елизаветинских представлений о римлянах, и как порождение ренессансного мировоззрения автора. «Сказать по справедливости, работая с этим и другими источниками, драматург использует свои знания об античном мире и свое умение передавать и переделывать исходный материал (то, что гуманисты называли *imitation* и что правильно, пожалуй, переводится как «творческая переработка») так, чтобы он отражал чаяния английской аудитории» [7]³. Шекспировский Антоний предстает перед зрителем/читателем человеком Возрождения. Во-первых, образ его доведен до степени титанического («most absolute lord») и даже «слабости его не затмевают / Его достоинств: так ночное небо / Ночным светилам прибавляет блеск» [11, I, 1]. Во-вторых, цели Антония тоже свойственны человеку Возрождения – слава, личное счастье, наслаждение. Величайшее наслаждение для Антония, конечно же, сокрыто в любви. Ни в одной другой пьесе Шекспира мы не найдем характера, который бы так зависел от пороков, порожденных его эпохой. В-третьих, мы отмечаем абсолютизацию эмоций, особенно любовного компонента. В-четвертых, наблюдается слитность, соединение чувств и черт: искренней любви и физической страсти, преданности и амбициозности, долга и желания, гордости и уступчивости. Все многообразие черт его характера находится в гармонии друг с другом, что было свойственно идеалу Возрождения. Антоний является в пьесе воплощением раннего ренессансного культурного кода, что очевидно при сравнении его с более успешным, «прогрессивным» соперником Октавием. Российский литературовед И.И. Иванов великолепно противопоставляет их: Антония характеризует как «опаснейшего эпикурейца, совершенно беспринципного, до самозабвения преданного наслаждениям». А «у Октавия и Октавии любой конфликт решается отказом от какой-либо возможности, невоплощением ее, при условии, что такой ценой будет соблюдена верность идеалу «чести». Антоний должен реализовать все свойства своей натуры» [2, с. 165].

Выявление цельности натуры Антония, в свою очередь, позволяет утверждать, что вся его яркая,

страстная, славная жизнь ведет именно к самоубийству, потому что самоубийство неминуемо, если человек Возрождения теряет какую-либо часть себя: «Рим и Восток заложены в самом Антонии, как заложена в нем невозможность отречения от любой из сторон его натуры и его неполноценность как только полководца или только влюбленного» [2, с. 96]. Из этого противоречия логически вытекает следующая посылка: «В честолюбии, как и в любви, один из соперников должен уступить, а уступив, исчезнуть из жизни» [4, с. 205]. Привыкнув распорядиться всем и вся, Антоний делает это в последний раз – как бог в жизни, так и бог в своей смерти, он сам решает свою судьбу:

Since Cleopatra died,
I have lived in such dishonour, that the gods
Detest my baseness. I, that with my sword
Quarter'd the world, and o'er green Neptune's back
With ships made cities, condemn myself to lack
The courage of a woman; less noble mind
Than she which by her death our Caesar tells
«I am conqueror of myself»

Раз умерла она, мне жить – бесчестье.
Я малодушием гневлю богов.
Как! Я, кто мир мечом перекроил,
Кто у Нептуна на спине зеленой
Построил города из кораблей,
Я мужеством от женщины отстал,
Ей отдал первенство в величье духа!
Ведь, смерть избрав, врагу она сказала:
«Я лишь самой собой побеждена!» [11, IV, 14].

На первый взгляд, суицид Антония относится к описанному ранее римскому стандарту. Но существуют детали, позволяющие нам утверждать, что самоубийство Антония – это порождение ренессансного сознания, а не античного: деэстетизация (нерешительность, неумелость, уговоры, растянутасть во времени), ошибочность (он введен в заблуждение ложью Клеопатры о собственной смерти, а мотивом лжи является страх – оба концепта неприемлемы в рамках античной *virtu*) и ренессансная метафорика (смерть как сон, смерть как лекарство, как в «Опытах» Монтеня и «Биотанатосе» Джона Донна). Самоубийство «исцеляет» Антония от разрыва с самим собой, от разорванности Я, это лекарство, дарующее цельность. Эти противоречащие один другому влияния античности и Ренессанса создают «неоднозначность точек зрения и недосказанность в образах протагониста», о которых говорит Н.А. Шаталова [5, с. 277].

Важно, что все герои как один возносят хвалу Антонию после его добровольного ухода из жизни: Клеопатра, сам Антоний, Деркет, Агриппа и Цезарь: «The death of Antony / Is not a single doom; in the name lay / A moiety of the world» («Его кончина / Не просто человеческая смерть. / Ведь в имени Антоний заключалось / Полмира»). Мы считаем, что причина одобрения добровольной смерти протагониста – в посмертном обретении им цельности Я. Антоний простирает свою волю над телом, показывает власть над самим собой и тем самым объединяет тело и разум, снимает противоречие «частное – общественное», поскольку умирающее тело лишается какой-либо политической

³ Yet it might be fairer to say that, as with so many of his other sources, the playwright uses his awareness of Romanness, his skill at what humanist educators called *imitatio* (perhaps best translated as 'creative imitation'), to translate and transform material so that it reflected the concerns of his audiences [7].

подоплеку – оно теперь ни римское, ни египетское. О самоубийстве как о шансе обрести утерянную цельность свидетельствуют и слова Д. Дэнби: «трагедия Антония заключается в том, что герой одновременно выбирает две несовместимые ценности: власть и любовь. Хотя он неоднократно колеблется, он отчаянно пытается сохранить свои позиции и в мире, и в сердце Клеопатры». Когда же самоубийство совершенно, по мнению исследователя, «ему больше не надо делить себя между славой и любовью» [6, р. 146].

С точки зрения классического римского канона яркая, решительная, контролируемая смерть Клеопатры благороднее, красивее и правильнее, чем муки Антония. Но и с ренессансной точки зрения, смерть благотворно сказывается на ее *virtú*, ведь самоубийство для Клеопатры – это единственная возможность решить все проблемы, вновь обрести любимого, с чьим именем на устах она умирает. Этот яркий драматический эффект был явно продуман У. Шекспиром: исторические персонажи поженились при жизни, что отмечено в источнике, тогда как герои трагедии воссоединяются только в смерти (мотив «Ромео и Джульетты»), вызывая восхищение и одобрение и создавая себе репутацию истинных античных героев.

В написанном в те же годы «Кориолане» сравнение с римлянами – высшая похвала. Приветствуя своих воинов-победителей, полководец Коминий говорит: «Вы сражались / Как римляне: в бою – без сумасбродства, / Без страха – в отступлении» («well fought; we are come off / Like Romans, neither foolish in our stands // Not cowardly in retire» [12, I, 6], хотя они, собственно, и являются римлянами по рождению и праву гражданства, и союз «как» не совсем уместен, но лишний раз подчеркивает, что на сцене – «елизаветинцы в тогах», коим льстит сравнение с римлянами. Пафосные речи протагониста твердят о высоких римских стандартах: если

Меж вами есть хотя б один (а в это
Не верить – грех), кому приятно видеть
Меня размалевавшие румяна,
Кому милей опасность, чем бесславье,
И доблестная смерть, чем прозябанье,
Кому дороже родина, чем жизнь, –
Пусть он один иль все, кто так же мыслит,
Свои мечи поднимут в знак согласия
За Марцием идти.
(«brave death outweighs bad life») [12, I, 6].

В пьесе отчетливо слышны многие мотивы уже рассмотренных нами римских трагедий: власти, дружбы, личности против толпы, предательства/преданности/вероломности, в т.ч. женской, служения родине и заботы о ее интересах, судьбы, признания, амбиций, войны и желанной смерти в бою, славы как бессмертия, сдержанного/несдержанного слова, храбрости/трусости, мести, стыда, самоубийства, римского поведенческого кода и римского же понимания достоинства как доблести (*virtú*) и др. *Virtú* Кориолана включает цельность, понимаемую им как непоколебимость. «Зачем ты хочешь, / Чтоб я своей природе изменил / И мягче стал? Уж лучше пожелай / Мне быть таким, каков я есть» [12, III, 2]. Цельность героя ощущается как залог успеха, что Шекспир демонст-

рирует и в «Отелло». Смещение/выпадение одной составляющей (Отелло теряет доверие к Дездемоне, Кориолан – признание Рима) ведет к отрицанию/отказу от других: «Он крикнул, / Что нет Кориолана, что отрекся / Он от своих прозваний и пребудет / Без имени» [12, V, 1]; «Мать, сын, жена – я больше их не знаю» [12, V, 2]; «я отравлю / Забвением былую нашу дружбу» [там же]. Интересно, что те же ценности первоначально разделяет его антагонист Авфидий. Так, в сцене 1 первого акта Кориолан заявляет, что черни легче в Риме крыши снести, чем принудить его к уступкам. А в сцене 6, негодуя против необходимости принимать условия Рима, Авфидий подчеркивает, что уступки противоречат его натуре: «если / Как вольск быть не могу самим собой (...)» [12, I, 6].

Таким образом, с одной стороны, в рамках римского поведенческого кода доблесть включает храбрость в бою, презрение к смерти и стремление к «бессмертной славе». С другой стороны, цельность характера как высшая ренессансная ценность, диктует готовность к самоубийству. Очень емко эта причинно-следственная связь показана во второй сцене пятого акта, где стражники вольсков высмеивают Менелая за то, что, вопреки заявлениям самого Менелая, Кориолан его не принял и не проявил должного внимания к старинному другу. Менелай сам поражен отношением Кориолана. Для пожилого римлянина оно означает потерю уважения, оскорбление достоинства, унижение, т.е. явно нарушает его Я-концепцию. Результатом нарушения цельности Я Менелая становится отрицание и других составляющих его личности: «Нет мне дела ни до вашего вожда, ни до всего света. А уж о таких ничтожествах, как вы, мне и думать не стоит. Кто сам на себя решил руки наложить, тот убийц не испугается. Пусть ваш вождь творит свое черное дело». Показательно, что часовой после этих слов и ухода Менелая восклицает: «А ведь правду сказать – человек-то он достойный!» [12, V, 2]. Следствием становится готовность к самоубийству, внутренним мотивом которого выступает понимание достоинства и чести как социальных чувств, что описано нами в анализе «Юлия Цезаря».

Мотив самоубийства в этой пьесе проявлен отчетливо, хоть и не является сюжетогенным. В первую очередь он выполняет характерологическую функцию, поскольку «правильная» смерть и принципиальная готовность к самоубийству является неотъемлемым качеством настоящего римлянина в пьесах Шекспира. Наиболее показателен монолог Кориолана, восхваляющий Сенат: «кто больше любит / Порядок, чем боится перемен; / Вас, для кого важнее прожить достойно, / Чем долго; вас, кто предпочесть способен / Опасное лекарство верной смерти» [12, III, 1]. Здесь самоубийство поставлено в ряд римских ценностей для утверждения достоинства Сената.

Из всех т.н. римских трагедий «Кориолан» представляется наиболее однородным в отношении осмысленных в нем идей и концептов. Трагедия написана большей частью в русле античной эстетики. Христианские мотивы практически не слышны. Это делает образ героя более цельным и, по сравнению с образами Брута, Антония, Клеопатры, более простым, а трагедию – более цельной и ясной, но и более одноплановой, не такой захватывающей, как другие.

Как самоубийство Клеопатры оттеняет трагедию Антония, так смерть Волумнии вторит падению Ко-риолана. Ее стремление покончить с собой вызвано неуступчивостью сына, глухого к ее мольбам, разочарованием в цели своей жизни (слава через славу сына), позором быть матерью изгнанника:

Но верно то, что, если Рим ты сломишь,
Заслужишь ты одну награду – имя,
Которому проклятья будут вторить
И под которым летопись напишет:
«Он был велик, но все его деянья
Последнее из них свело на нет.
Он родину сгубил, за что навеки
Покрыт позором!» – Отвечай мне, сын!
Ведь ты считал, что высший признак чести –
Быть равным в милосердии богам,
Чья молния, пронзая щеки неба,
Становится затем секирой грома
И лишь дубы разит [12, V, 3].

Однако можно увидеть более глубокую причину стремления к смерти в том же расщеплении личности, которое внесло разлад в сердца Брута, Антония и др.:

Нельзя ж молиться
Одновременно за твою победу,
Как долг велит, и за отчизну нашу,
Как долг велит [12, V, 3].

В итоге мы приходим к заключению, что в римских трагедиях мотив добровольной смерти развивает сюжет, создает драматичную атмосферу античного Рима, формирует модальность и выполняет функцию характеристики героев. Добровольная смерть героя или готовность к ней в решающий момент становятся доказательством соответствия протагониста римским ценностям, но также и его ренессансной цельности, поскольку «гармония, сила духа, ясность, т.е. основные добродетели ренессансной трагедии, наиболее отчетливо воплощаются в благородной смерти героя» [10, p. 18]. Исследование суицидального сюжета у Шекспира имеет значение не только и не столько по количественному признаку, сколько открывает нам пространство развития художественных образов и помогает освоить нравственное пространство произведения. В момент выбора героя между жизнью и смертью происходит наиболее осознанное самоопределение шекспировского характера.

N.S. Zelezinskaya

SUICIDE AS THE MAIN MORTAL PLOT OF SHAKESPEARE'S ROMAN TRAGEDIES

Having studied the motif of suicide in Shakespeare's works the author of the article notices that this motif plays the main role in Roman tragedies as well as the poem of «Lucrece». Suicide becomes the most frequent plot for Shakespeare's tragedies and the obligation for the protagonists of Roman tragedies. The motif of suicide also fulfills the function of dramatization, the creation of «Roman» atmosphere, emotivity and modality. The most profound attention is paid to characterization through the life and death choice of the personage. The suicides are viewed in terms of *ars moriendi*, wholeness, Self, *virtu*, codes of behavior. The article considers the protagonists' deaths both in Roman and Elizabethan categories and it helps to explain the ambiguity of the heroes' images in these plays.

Shakespeare, Roman tragedies, mortal plot, the motif of suicide.

Литература

1. Гинзбург, Ю. Эволюция трагического героя в римских трагедиях Шекспира / Ю. Гинзбург // Шекспировские чтения 1976. – Москва: Наука, 1977. – С. 75–97.
2. Иванов, И.И. Уильям Шекспир / И.И. Иванов // Сервантес. Шекспир. Гете. Руссо. – Санкт-Петербург: Глория, Кристалл, 1998. – С. 216–310.
3. Монтень, М. Опыты: соч.: в 3 кн. / М. Монтень. – Санкт-Петербург: Кристалл, Респект, 1998. – Кн. 3.
4. Пинский, Л.Е. Шекспир: Основные начала драматургии / Л.Е. Пинский. – Москва: Худ. лит., 1971. – 602 с.
5. Шаталова, Н.А. Проблемные пьесы Шекспира и жанровый эксперимент / Н.А. Шаталова // Компаративистика в контексте исторической поэтики: сб. ст. / отв. ред. О.И. Половинкина. – Москва: РГГУ, 2017. – С. 273–278.
6. Danby, J. Poets on Fortune's Hill / J. Danby. – London: Faber, 1983. – P. 146.
7. Dickson, A. What the Romans did for Shakespeare: Rome and Roman values in Shakespeare's plays [Электронный ресурс] / A. Dickson // Discovering Literature: Shakespeare and Renaissance. – 2016. – URL: <https://www.bl.uk/shakespeare/articles/what-the-romans-did-for-shakespeare-rome-and-roman-values-in-shakespeares-plays> (дата обращения: 23.12.2018).
8. Council, N. When honour's at stake. Ideas of honour in Shakespeare's plays / N. Council. – London: George Allen & Unwin Ltd., 1973. – 165 p.
9. Hazlitt, W. Characters of Shakespeare's Plays / W. Hazlitt. – London: Dent; NY: Dutton, 1906. – 268 p.
10. McAlington, T. English Renaissance Tragedy / T. McAlington. – Hong Kong: The MacMillan Press Ltd., 1988. – 269 p.
11. Shakespeare, W. Antony and Cleopatra / W. Shakespeare // Shakespeare W. The Complete Works: all the plays in chronological order, with all the sonnets and poems. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1994. – P. 924–965. Цит. в пер. М. Донского по изданию: Шекспир, У. Антоний и Клеопатра / У. Шекспир // Шекспир У. Полное собр. соч.: в 8 т. – Москва: Искусство, 1960. – Т. 7. – С. 101–257.
12. Shakespeare, W. Coriolanus / W. Shakespeare // Shakespeare W. The Complete Works: all the plays in chronological order, with all the sonnets and poems. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1994. – P. 965–1006. Цит. в пер. Ю. Корнеева по изданию: Шекспир, У. Кориолан / У. Шекспир // Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Москва: Искусство, 1960. Т. 7. – С. 257–408.
13. Shakespeare, W. Julius Caesar / W. Shakespeare // Shakespeare W. The Complete Works: all the plays in chronological order, with all the sonnets and poems. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1994. – P. 582–610. Цит. в пер. М. Зенкевича по изданию: Шекспир У. Юлий Цезарь / У. Шекспир // Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Москва: Искусство, 1960. – Т. 5. – С. 219–324.
14. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – С. 826.

И.И. Лисович

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Московский гуманитарный университет*

«WIT», ПОЗНАНИЕ И ИСКУШЕНИЕ: АРТИКУЛЯЦИЯ ПРАКТИК НОВОГО ЗНАНИЯ В «ТРАГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДОКТОРА ФАУСТА» К. МАРЛО

Статья подготовлена в рамках проекта «Наследие Кристофера Марло в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд», осуществляемого при поддержке РФФИ (18-012-00679а)

Данная статья в русле культуральной истории науки рассматривает рецепцию научных дискурсов и практик в пьесе английского драматурга К. Марло. В Европе и Англии раннего Нового времени «новая философия», ученые и научные практики воспринимались с недоверием. Опыты, страсть к коллекционированию, новый язык и методы исследования часто вызывали неприязнь и обвинения в богохульстве. Потребовалось более ста лет, чтобы занятия наукой в Англии были признаны занятием, достойным джентльмена. Яркий пример негативного отношения к «новой философии» представлен в «Трагической истории жизни и смерти доктора Фауста» (*The Tragical History of the Life and Death of Doctor Faustus**, 1593) К. Марло. Источником для трагедии послужила не только немецкая народная книга, переведенная на английский в 1592 г., но и реальные ученые нового типа, которые во второй половине XVI века появляются и в Англии: Джон Ди, Уильям Харви, Генри Бриггс и др. В начале пьесы К. Марло показан момент, когда Фауст решает на контракт с дьяволом. Ученый показан магом, который жаждет власти над стихиями природы и людьми. Но искусителем является не дьявол и не власть. Текст пьесы К. Марло указывает на иное искушение – познание тайн природы.

«Wit», «остроумие», Кристофер Марло, Джон Донн, Бен Джонсон, Фауст, астрология, магия, «новая философия», Дж. Бруно, Джон Ди.

Драматизация сюжета о Фаусте и его популярность – свидетельство того, что фигура ученого нового типа становится видимой, узнаваемой и значимой в культуре раннего Нового времени, и горожане требуют доступа к новому знанию, хотя оно еще воспринимается как потенциально опасное. Для ученых нового типа, исследовавших природу при помощи эксперимента, наблюдения и измерения, не было единого наименования. Так, Л.М. Косарева пишет, что те, «...кто закладывал основы науки Нового времени, сами называли себя «магами», «артистами», «виртуозами», «натуралистами», «натурфилософами», «энтюзиастами экспериментальной философии» [17, с. 3]. Фауст в пьесе К. Марло называет себя школяром (*scholar*), ученым мужем (*learned man*), магом (*magician*) и «артизаном», т.е. артистом, в значении «занимающийся свободными искусствами¹: «*Is promis'd to the studious artizan!*». В XVI–XVII вв. пре-

обладали художники-универсалы, которые предпочитали называть себя «виртуозами»², и Фауст, как видно из Пролога и его монологов, освоил весь корпус университетского знания, включая теологию, но этого ему недостаточно, и он обращается к разным видам магии, включая небесную. Термин «ученый» (*scientist*) утвердился за исследователями в области точных и естественнонаучных дисциплин только с сер. XIX в.³ и до сих пор сохраняет это словоупотребление, «*scholar*» же обозначает занятия гуманитарными науками.

² К виртуозам в равной степени причисляли себя Петрарка, Н. Кузанский, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Макиавелли, Л. Валла, Ф. Сидни, Дж. Бруно, Ф. Бэкон и др. Бицилли так характеризует тип нового человека-творца: «Человек Ренессанса – художник, *virtuoso*, проявляющий свою *virtu* в сфере искусства, которое, правда, служит органом познания мира и жизни, но само находится вне мира и вне жизни. Художник раскрывает свою личность в продукте своего творчества, но людей интересует самый этот продукт; до творца им мало дела. Новый человек проявляет себя как деятель в мире реальной действительности, его индивидуальность развивается и раскрывается в процессе борьбы с другими индивидуальностями» [5, с. 149].

³ «*Science <...> loses all traces of unity. A curious illustration of this result may be observed in the want of any name by which we can designate the students of the knowledge of the material world collectively. We are informed that this difficulty was felt very oppressively by the members of the British Association for the Advancement of Science, at their meetings <...> in the last three summers <...> Philosophers was felt to be too wide and too lofty a term <...>; savans was rather assuming <...>; some ingenious gentleman proposed that, by analogy with artist, they might form scientist, and added that there could be no scruple in making free with this termination when we have such words as sciolist, economist, and atheist – but this was not generally palatable» [46, p. 59].*

* В литературной обработке легенды о Фаусте И. Шписом, так называемой немецкой народной книге, «*Historia von Dr. Iohann Fausten, dem weitbeschreiten Zauberer und Schwartzkünstler etc.*» («История о докторе Фаусте, прославленном волшебнике и чернокнижнике и т.д.»), которая стала источником для трагедии Марло, главный герой назван «чернокнижником и волшебником» «Фаустом», но Марло обозначает своего персонажа как «доктор Фауст», желая подчеркнуть его принадлежность к университетской корпорации ученой степенью и латинизированной формой имени. Тем не менее, традиция русскоязычных переводов трагедии Марло предлагает форму «Фауст», которой мы и будем пользоваться в данной статье.

¹ См. подробнее о свободных искусствах: Лисович [20, с. 242–260].

Появление в XVI в. экспериментальной медицины и наблюдательной астрономии положило начало изменению публичного статуса ученого, поскольку возникают открытые научно-коммуникативные пространства, альтернативные университетам и монастырям. В раннее Новое время формируется совершенно новое представление о социальной нише ученого, которое принципиально отличалось от архаической эпистемы традиционного общества «знание – власть», где знание не было доступно социальному большинству. На протяжении ста лет в Италии успешно развивалась наблюдательная и экспериментальная наука (анатомия, медицина, физика, астрономия и др.) в работах А. Везалия, Г. Фаллопио, Дж. Кардано, Дж. Фракасторо, доминиканца Доминго де Сото, Дж. Бенедетти, иезуита Хосе де Акоста и др., нашедшая продолжение в работах Г. Галилео, иезуита Дж. Б. Риччоли, У. Харви и т. д.

В «Трагической истории доктора Фауста» К. Марло отражена еще одна институциональная особенность новой науки – Фаусту оказывают покровительство император Карл V, король Венгрии и различные герцоги. Ученые нового типа часто имели высокого патрона в лице римского престола, Карла V, Филиппа II, герцогов Саксонских, Медичи и др., поскольку им и их сообществам не было места в сословной и цеховой структуре общества, если они не были профессорами университета, монахами или не могли заниматься там своими изысканиями. И, хотя некоторые ученые были обвинены инквизицией в ереси, патронам удавалось их защитить. Не только высокий патронаж, открытия и опубликованные работы позволяли им закрепить свой социальный статус, но и особый дискурс и практики. Существовали гибридные эксперименты, соединявшие схоластический дискурс, мысленный эксперимент с опытами, наблюдением и измерением, что нередко позволяло легитимировать новый дискурс.

В Англии раннего Нового времени «новая философия», ученые и научные практики воспринимались с недоверием. Исключением была медицина, которая развивалась благодаря гуманисту Джону Колету, основателю в Лондоне Коллегии врачей-физиков (терапевтов). По сравнению с Италией, Францией и Священной Римской империей Англия находилась на задворках науки⁴. Опыты, страсть к коллекционированию, новый язык и наблюдательные, экспериментально-измерительные методы часто вызвали неприязнь и обвинения в богохульстве. У Джона Ди и ему подобных была репутация не просто магов, а «злых колдунов». Потребовалось более ста лет, чтобы занятия наукой в Англии были признаны занятием, достойным джентльмена. Алхимия и магия еще долго находились в поле недоверия, поскольку они не входила в классический свод университетского знания и не относилась к свободным искусствам. Поэтому ме-

дицина и фармацевтика часто служили легитимирующим основанием для подобного рода занятий.

Фрэнсис Бэкон критикует магические виды знания, как не соответствующие критериям научности: «...наук, опирающихся скорее на фантазию и веру, чем на разум и доказательства, насчитывается три: это – астрология, естественная магия и алхимия. Причем цели этих наук отнюдь не являются неблагородными. Ведь астрология стремится раскрыть тайны влияния высших сфер на низшие и господства первых над вторыми. Магия ставит своей целью направить естественную философию от созерцания различных объектов к великим свершениям. Алхимия пытается отделить и извлечь инородные части вещей, скрывающиеся в естественных телах; сами же тела, загрязненные этими примесями, очистить; освободить то, что оказывается связанным, довести до совершенства то, что еще не созрело. Но пути и способы, которые, по их мнению, ведут к этим целям, как в теории этих наук, так и на практике, *изобилуют ошибками и всякой чепухой. Поэтому и обучение этим наукам не является, как правило, открытым, но обставлено всяческими сложностями и таинственностью.* Алхимии, однако, мы обязаны тем, что <...> неустанные труды и огромные усилия упомянутых химиков, потраченные на создание золота, как бы зажгли факел для множества прекрасных изобретений и экспериментов, весьма полезных как для раскрытия тайн природы, так и для практических нужд человечества» [8, т. 1, с. 110–111].

На протяжении XVI века появляется много разновидностей магии: кроме известной из Средних веков – «черной» и «белой» в раннее Новое время появляются: «натуральная магия» М. Фичино («О стяжении жизни с небес»), П. делла Мирандола, Б. делла Порта, Корнелия Агриппы, Дж. Бруно; «небесная магия» М. Фичино, «церемониальная магия» Агриппы Неттесгеймского, «симпатическая магия» И. Кеплера, медицинская магия Парацельса, «енохианская магия» Джона Ди, Э. Келли и т. д. [1; 2; 7; 22; 23; 24; 25]. Дж. Бруно в трактате «О естественной магии» (*De magia naturali*; Прага, 1588) различает девять видов магии: магия мудрецов, медико-алхимическая, волшебная, естественная, математическая или оккультная, демоническая, некромантическая, губительно-зловредная, пророческая.

Наибольшую критику Ф. Бэкона в его «Великом восстановлении наук» вызывает «натуральная магия», поскольку «...эта магия усыпляет человеческий разум, воспевая некие специфические свойства и тайные силы, чуть ли не посланные небом, которым *обучают только шепотом*; и люди перестают неустанно и неуспешно стремиться к открытию и исследованию истинных причин явлений, но легковерно успокаиваются на такого рода досужих выдумках» [8, т. 1, с. 234]. Тем не менее, он не отказывается от идеи и целей магии в вышеописанном значении и предлагает свой вариант магии, которая должна стать практикой метафизики: «Мы же понимаем магию как науку, направляющую познание скрытых форм на свершение удивительных дел, которая, как обычно говорят, “соединяя активное с пассивным”, раскрывает великие тайны природы» [8, т. 1, с. 233].

⁴ Например, Джон Кис, несмотря на то, что был знаком с Везалием и даже жил с ним в Падуе, полагал, что анатомические ошибки в работах Галена обусловлены неточностью перевода, и, вернувшись в Англию, преподавал по Галену. Таким образом, до поездки в конце 1590-х годов в Падую У. Харви английских медиков обучали по Галену, и последователей Везалия не было.

На восприятие обществом ученого-естествоиспытателя вплоть до XVIII в. накладывалось подозрение в поиске философского камня и золота, причем вполне обоснованные, поскольку многие натурфилософы (среди них были Р. Хук, Р. Бойль, И. Ньютон и др.) проводили алхимические и химические эксперименты. В современной истории науки алхимии посвящаются все больше работ, именно в ней видят источник экспериментальной науки, появившийся еще в Средневековье. Френсис Йейтс сделала попытку осмысления влияния идей неоплатонизма, герметизма и алхимии на отдельных ученых и некоторые научные концепции [13; 14; 15; 44]. В.П. Визгин видит методологические корни происхождения современной экспериментальной науки в герметизме и алхимии [10; 11]. Благодаря работам В.Л. Рабиновича [27], Дж. Мендельсона [40], У. Ньюмена [41] алхимическая составляющая стала общепризнанным источником развития опытного знания.

Дж.В. Голински анализирует процесс, когда алхимия трансформировалась в химию. Он также отмечает факт, что немаловажную роль в этом сыграли конкретные публичные практики демонстрации химических опытов, репрезентируемых Р. Бойлем и членами ЛКО как «благородное зрелище». Это позволило его оправдать, преобразовать закрытый алхимический дискурс в открытый химический, привить интерес и доверие публики к этому чудесному и таинственному знанию [35]. В том 29 журнала «Осирис», посвященном исследованию истории преодоления в XVIII в. маргинализирующего представления об «алхимике-шарлатане», сделаны выводы, что это произошло благодаря открытию учеными новых химических теорий, веществ и проникновению химических эмпирических практик в аптекарские, ремесленные и промышленные технологии [32].

И если мы обратимся к репрезентации ученых нового типа в художественной литературе, то на протяжении XV–XVII веков обнаружим устойчивую традицию неприязненного отношения к «новому знанию». Ситуация кардинально меняется, когда появляется образ Исаака Ньютона, что отражает и изменившийся социальный статус ученого [20, с. 254–279]. В пьесе К. Марло мы видим начало этого процесса.

Пьеса К. Марло обрела популярность сразу после публикации (труппа Лорда Адмирала поставила «Доктора Фауста» 24 раза за три года – с октября 1594 по октябрь 1597 г., пьеса переиздавалась в 1604, 1616, 1619, 1620, 1624, 1631 и в 1663 гг.). Э. Эттин связывает популярность трагедии, сюжетов и образов магов с их зрелищным карнавальным потенциалом, позволяющим демонстрировать публике превращения и спецэффекты, поскольку «магия искусства и искусство жизни находятся в постоянном диалоге» («The magic of art and the art of life are in continual dialogue...») [34, р. 287], я бы уточнила эту формулировку – магия искусства и искусство магии находятся в постоянном диалоге. Трагедия Марло внесла свою лепту в негативное восприятие английской публики образа ученого нового типа, зрителям даже виделись на сцене настоящие демоны и т.п.

Младшие современники драматурга, известные своей образованностью, эрудицией, которых принято

относить к интеллектуалам того времени, – Джон Донн и Бен Джонсон – также критически относились к подобного рода занятиям. Например, Дж. Донн в эпиграмме «Антиквар» (Antiquary, 1596–1602) высмеивает распространенную практику коллекционирования антиквариата, которая распространилась в Европе и Англии раннего Нового времени благодаря итальянским гуманистам: «If in his study he hath so much care / To hang all old strange things, let his wife beware»⁵. Эта страсть была непонятна и в конце XVII века, как показывает комедия Томаса Шедвелла «Виртуоз» (The Virtuoso, 1676), высмеивающая профессоров Грэшем-колледжа, одержимых собиранием редкостей, обменом найденного и т.п. Непонятно было, почему эти люди, не отличающиеся богатством, тратят все свои деньги на ненужные вещи – ветхие, диковинные и бесполезные в хозяйстве.

В «Сатире I» (1593–1594) Джон Донн детализирует эту тему, показывая ученого затворником, предпочитающим общению с живыми людьми древних авторов (Плиния, Фому Аквинского, Аристотеля, Геродота, Гомера). Он добровольно заточает себя в кабинет с книгами, где мечтает умереть среди любимых им проводников божественного знания. Он защищает знание от профанов, гонит их от своего кабинета, затемняет свой язык, не называет имен авторов, а намекает на их труды, чтобы посвященным или получившим соответствующее образование было понятно, о ком идет речь:

«Away thou fondling motley humorist, / Leave mee, and in this standing wooden chest, / Consorted with these few bookes, let me lye / In prison, and here be coffin'd, when I dye; / Here are Gods conduits, grave Divines; and here / Natures Secretary, the Philosopher; / And jolly Statesmen, which teach how to tie / The sinewes of a cities mistique bodie; / Here gathering Chroniclers, and by them stand / Giddie fantastique Poets of each land. / Shall I leave all this constant company, / And follow headlong, wild uncertaine thee?»⁶

У Кристофера Марло Фауст так же появляется перед зрителем размышляющим над античными авторами в уединении своей «кельи»/кабинета. Но в отличие от донновского «затворника» он приходит к выводу, что успешно освоил корпус университетского знания, но не достиг своей цели:

«Settle thy studies, Faustus, and begin / To sound the depth of that thou wilt profess: / Having commenc'd, be a divine in show, / Yet level at the end of every art, / And live and die in Aristotle's works. / Sweet Analytics, 'tis thou hast ravish'd me! / Bene disserere est finis logices. / Is, to dispute well, logic's

⁵ «Кто скажет, что ему не до жены? / Ведь он такой любитель старины» (перевод В. Васильева).

⁶ «Ступай, бездельник: я тебя не звал! / В каморке этой узкой, как пенал, / Оставь меня среди книг в моем вертепе / Наук: да упокоюсь тут, как в склепе. / Вот там, на полке – важный Богослов / А рядом – друг природы, Философ; / Политик, объясняющий мытарства / Мистического тела Государства; / Прилежный Летописец; а за ним – / Поэт, земель волшебных пилигрим. / Ужель я брошу их единым махом, / Чтоб за тобой бежать, за вертопрахом?» (здесь и далее перевод I Сатиры Донна Г.М. Кружкова).

chiefest end? / Affords this art no greater miracle? / Then read no more; thou hast attain'd that end: / A greater subject fitteth Faustus' wit: / Bid Economy farewell, and Galen come <...> Physic, farewell! Where is Justinian? / [Reads.] / Si una eademque res legatur duobus, alter rem, alter valorem rei. / A petty case of paltry legacies! / [Reads.] / Exhoereditare filium non potest pater, nisi, / Such is the subject of the institute, / And universal body of the law: / This study fits a mercenary drudge, / Who aims at nothing but external trash; / Too servile and illiberal for me. / When all is done, divinity is best: / Jerome's Bible, Faustus; view it well. / [Reads.] / Stipendium peccati mors est. / Ha! Stipendium. / The reward of sin is death: that's hard. / [Reads.] / Si peccasse negamus, fallimur, et nulla est in nobis veritas; / If we say that we have no sin, we deceive ourselves, and there / is no truth in us. Why, then, belike we must sin, and so consequently die: / Ay, we must die an everlasting death. / What doctrine call you this, Che sera, sera, / What will be, shall be? Divinity, adieu!»⁷

Близость этих образов позволяет сделать предположение, что сатира Донна могла испытать прямое влияние пьесы К. Марло, только Донн делает своего персонажа менее демоническим и фантастическим, надеющимся обрести знание в корпусе университетского чтения. Ученый Донна стремится познать мудрость умерших и превращает свой кабинет в могилу, но не переходит границы дозволенного, возможно, он избирает первый путь, от которого отказался Фауст, о нем упоминает хор в прологе: «learning's golden gifts» («золотые дары учености»). Он даже соглашается на прогулку с товарищем (fondling motley humorist) по городу, но только с тем, чтобы высмеять горожан, погруженных в повседневную суету и стремящихся следовать причудам моды, которые не берется предсказать даже астролог.

Этих персонажей объединяет желание постичь божественные основания мира, их не интересует мода, слава, успех в делах обыденных, человеческих: «Man's first blessed state was naked, when by sin / He lost that, yet he was clothed but in beast's skin, / And in

⁷ «Пересмотри свои занятия, Фауст, / Проверь до дна глубины всех наук. / По-прежнему будь богословом с виду, / Но знаний всех ты цель определи. / Живи, умри в творениях бессмертных. / Которые оставил Аристотель. / О, логика святая, это ты / Меня в восторг когда-то привела! / Bene disserere est finis logices. / Цель логики – уметь рассуждать? / И это все? И нет в ней чуда выше? / Так чтенные брось! Ты цели той достиг. / Достоин ты предмета выше, Фауст! / On cai me on, прощай! Приди, Гален <...> А где ж Юстиниан? / (Читает). / Si una eademque res legatur duobus. / Alter rem, alter valorem rei... и т.д. / Вот крючкотворства мелкого образчик. / (Читает). / Exhaereditare filium non potest pater nisi и т.д. / В том содержанье всех судебных актов / И целого собрания законов. / Достоинно это слуг и торгашей, / Кого влечет один наружный блеск. / Как низменно и тесно для меня! / В конце концов, не лучше ль богословье? / Вот библия Иеронима, Фауст. / (Читает). / Stipendium peccati mors est. Ha! Stipendium... в т.д. / Возмездие за грех есть смерть. Как строго! / (Читает). / Si peccasse negamus, fallimur, et nulla est in nobis veritas / Коль говорим, что нет на нас греха, / Мы лжем себе, и истины в нас нет. / Зачем же нам грешить, а после гибнуть? / Да, гибелью должны мы гибнуть вечной! / Ученье хоть куда! Che sera, sera! / Что быть должно, то будет! Прочь, Писанье!» (здесь и далее перевод «Трагической истории доктора Фауста» К. Марло [21] Н.Н. Амосовой).

this coarse attire, which I now wear, / With God, and with the Muses I confer»⁸. В «Трагической истории доктора Фауста» К. Марло и в немецкой народной книге о Фаусте возникает устрашающий образ ученого-мага, готового преступить божественные, моральные и социальные законы ради того, чтобы проникнуть в «тайны природы» и подчинить ее своей воле⁹. Фауст идет дальше в стремлении познать то, что находится за пределами человеческого бытия: он обращается к книгам магов-метафизиков, небесным книгам некромантов, к потусторонним силам и духам: «These metaphysics of magicians, / And necromantic books are heavenly; / Lines, circles, scenes, letters, and characters; / Ay, these are those that Faustus most desires. <...> How am I glutted with conceit of this! / Shall I make spirits fetch me what I please, / Resolve me of all ambiguities, / Perform what desperate enterprise I will?»¹⁰.

Фауст владеет искусством чтения магических письмен и символов, понятных лишь избранным. А написание имен Яхве и Иеговы в обратном порядке – практика, восходящая к Каббале. Нужно отметить, что арабские/индийские цифры, алхимические, астрологические и каббалистические символы, трактаты, практики и инструменты на протяжении веков вызвали наибольшие подозрения у горожан: достаточно вспомнить о легендах, связанных с папой Сильвестром II (Герберт Орильякский / Герберт Реймский, ок. 946–1003), Робертом Честерским (XII в.), Роджером Бэконом (1214–1292), Альбертом Великим (ок. 1200–1280), Агриппой Неттесгеймским (1486–1535), Парацельсом (1493–1541), и о других средневековых и ренессансных ученых, обратившихся к арабскому и античному знанию. Именно к их опыту и книгам обращается Фауст.

В английской литературе закрытый алхимический дискурс устойчиво ассоциировался с мошенничеством. Негативную репрезентацию алхимии можно встретить у Дж. Чосера в «Кентерберийских рассказах» (опубл. 1387) и в пьесе Бена Джонсона «Алхимик» (поставлена в 1610, опубл. в 1612), где сатирически изображены алхимики, претендующие на владение истинным знанием, недоступным профанам, которые оказывается мошенниками, вытягивающими деньги из жаждущих обогатиться, доверчивых и любопытных.

В рассказе слуги каноника Дж. Чосер воспроизводит не только алхимические практики и термины, но из уст слуги, ассистировавшего канонику, звучит оценка алхимии как фокусничества с точки зрения получения философского камня и золота; опасного занятия, где человек теряет ум, деньги, отдаляется от

⁸ «Мы в мир приходим и уходим голы. / Не скинув плоти плащ, душе никак / Блаженства не вкусить; Адам был наг / В раю; да и утратив рай невинный, / Довольствовался шкурою звериной. / Пусть грубый на плечах моих наряд – / Со мной Господь и Музы говорят».

⁹ См. подробнее об образе ученого мага в английской драматургии в книге: *Magical Transformations on the Early Modern English Stage: Studies in Performance and Early Modern Drama* [39].

¹⁰ «Божественны лишь книги некромантов / И тайная наука колдунов. / Волшебные круги, фигуры, знаки. / Да, это то, к чему стремится Фауст!» <...> «Я этого и жажду всей душою! / Смогу ли я незримых духов слать / За чем хочу, во все концы земли?»

добра, потому что это знание недоступно человеку по воле Бога:

«This multiplying blent so many oon / That in good feith I trowe that it bee / The cause grettest of scarsetee. / Philosophres speken so mystily / In this craft that men kan nat come therby, / For any wit that men han now-a-dayes. / They mowe wel chiteren as doon thise jayes, / And in hir termes sette hir lust and peyne, / But to hir purpos shul they nevere atteyne. / A man may lightly lerne, if he have aught, / To multiplie, and brynge his good to naught! <...>The philosophres sworn were everychoon / That they sholden discovere it unto noon, / Ne in no book it write in no manere. / For unto Crist it is so lief and deere / That he wol nat that it discovered bee, / But where it liketh to his deitee / Men for t'enspire, and eek for to defende / Whom that hym liketh; lo, this is the ende. / Thanne conclude I thus, sith that God of hevене / Ne wil nat that the philosophres nevene / How that a man shal come unto this stoon, / I rede, as for the beste, lete it goon. / For whoso maketh God his adversarie, / As for to werken any thyng in contrarie / Of his wil, certes, never shal he thryve, / Though that he multiplie terme of his lyve»¹¹.

Бен Джонсон, интересовавшийся современными научными открытиями, работавший помощником профессора риторики Грэшем-колледжа, также негативно изображает эту область знания в «Алхимике», продолжая интерпретацию Дж. Чосера. Карточный игрок Пертинакс Серли сравнивает алхимию со своим ремеслом и находит общее в том, что закрытость алхимического языка является основой для мошенничества, что в дальнейшем также подтверждается развитием сюжета комедии:

«*Surly*. Rather than I'll be brayed, sir, I'll believe / That Alchemy is a pretty kind of game, / Somewhat like tricks o' the cards, to cheat a man / With charming. <...>

Surly. What else are all your terms, / Whereon no one of your writers 'grees with other?

Subtle. And all these named, / Intending but one thing; which art our writers / Used to obscure their art.

Mammon. Sir, so I told him – / Because the simple idiot should not learn it, / And make it vulgar.

Subtle. Was not all the knowledge / Of the Aegyptians writ in mystic symbols? / Speak not the scriptures oft in parables? / Are not the choicest fables of the poets, / That were the fountains and first springs of wisdom, / Wrapp'd in perplexed allegories?» [37, p. 115]¹².

¹¹ «Мультиплицированьем нас слепят, / И так темно адепты говорят / О мастерстве своем, что обучиться / Тому немислимо. Когда ж случится / Поговорить им – заболтают вдруг, / Как будто дятлы поднимают стук / Иль как сороки вперевой стрекодут, – / Знай термины и так и эдак точат. / Но цели не достигнуть им никак. / Зато легко обучится дурак, / Мультиплицируя, добро терять. / Себя и близких быстро разорять. / Вот он, алхимии гнилой барыш! <...> И мы, философы, без нужды крайней / Открыть не можем тайну никому. / Она известна Богу одному. / Лишь избранным о тайну открывает, / А чаще доступ к тайне преграждает. / Вот чем я кончу: если Бог всеисильный, / На милости и на дары обильный, / Философам не хочет разрешить / Нас добыванью камня научить, – / Так, значит, думаю я, так и надо. / И кто поддастся наущению Ада / И против воли Господа пойдет, – / Тот в Ад и сам, наверно, попадет» (перевод И. Каишкина и О. Румера) [29].

¹² «Серли: Алхимия – забава вроде карт, / Где можно, человека распалив, / Его обжудить <...>.

У Бена Джонсона, в отличие от Марло, нет мистической составляющей алхимии, нет и магии. Все персонажи включены в культурно-исторический контекст эпохи, смешны в своей обыденности, с которой контрастирует алхимический дискурс и опыты по добыванию золота. А.Т. Парфенов [26], а вслед за ним Н.Р. Ленкова [18] полагают, что Б. Джонсон дает комическое толкование образа Фауста: «Джонсон <...> является сторонником рационального объяснения мира, сторонником «золотых даров учености». С этих позиций он осмеивает оккультные науки (алхимию, астрологию) <...>, создает великолепную сатирическую фигуру шарлатана Сатля, которая в тексте пьесы много раз сближается с легендарным Фаустом. В ходе действия Джонсон показывает механику плутовства Сатля, «вызывающего духов», «излечивающего от болезней», «предсказывающего». Подобно Фаусту, Сатль имеет своего фамулюса и свою Елену Прекрасную (сообщницу с выразительным именем Долл Коммон, т.е. Всеобщая). Но, кроме шарлатанства, в деятельности Фауста Бен Джонсон видел и заблуждение, глупость. Эта сторона образа Фауста воплощена в персонаже «Алхимика», носящем имя сэра Эпикура Маммона. Подобно Фаусту, он ищет магических путей овладения миром при помощи духов. Глупость питает эту веру в магию, а рождена она индивидуалистическими настроениями сэра Маммона, и в частности его «эпикурейством». Это словечко <...> несколько раз употреблено в народной книге о Фаусте: с «эпикуреизмом» здесь связано представление об исключительной привязанности к земной жизни и плотским наслаждениям» [25, с. 168].

Общим местом в литературоведении является утверждение, что жертвы мошенников-алхимиков глупы, невежественны и ведомы жадной обогаченности. И если со вторым объяснением можно согласиться, то первое (невежественность) требует уточнения. Подобная модернизация основана на современном массовом школьном образовании, базирующемся на открытиях и концепциях классической науки XVIII–XX веков. Так, Фрэнсис Бэкон с позиций продвижения «новой философии» критикует современную ему систему образования:

«...degenerate learning did chiefly reign amongst the schoolmen; who having sharp and *strong wits*, and abundance of leisure, and small variety of reading; but their *wits* being shut up in the cells of a few authors (chiefly Aristotle their dictator) as their persons were shut up in the cells of monasteries and colleges; and knowing little history, either of nature or time; did out of no great quantity of matter, and infinite agitation of wit, spin out unto us those laborious webs of learning which are extant in their books» [31, p. 72].

Серли: А что ж иное / Все эти термины, насчет которых / У авторов такое разногласье? <...>

Сатл: Все, что вы назвали, / Имеет цель у авторов одну – / Смысл истинной науки затемнить.

Маммон: ... Цель – только в том, чтоб первый встречный неуч / Не мог, ее усвоив, исказить.

Сатл: Изложена же мудрость египтян / Мистическими символами, сударь! / Священное писанье – целиком / Иносказанье. Лучшие из басен / Талантливых поэтов – этот ключ, / Первоисточник мудрости – полны / Сложнейших аллегорий. Вы согласны?» (перевод А. Смирнова).

Алхимия, астрология, магия, нарождающаяся «новая философия» и т.п. не входили в свод знания даже на университетском уровне, и доступ к нему был ограничен на разных уровнях: институциональном (знание намеренно передавалась напрямую от учителя к ученику изустно и через практики манипуляции с веществами, а также в виде трактатов; отсутствие публичной коммуникативной научно-образовательной среды и инструментов публикации полученных результатов), методологическом (неверифицируемые методики, каждый из алхимиков вынужден был самостоятельно искать метод получения философского камня) и дискурсивном (закрытость и метафоричность языка). У этого знания не было публичного модуса существования, что и порождало вышеизложенные социальные эффекты от подозрений в контракте с дьяволом до доверчивого желания купить секрет получения золота.

С появлением Грэшем-колледжа в 1597 году ситуация в Англии существенно изменилась, и горожане получили доступ не только к свободным искусствам, но и к алгебре, навигации, геодезии и т.п. [20, с. 174–216]. В комедии «Магнетическая Леди» (поставлена в 1632, опубл. в 1641) Бен Джонсон показывает уже изменившуюся ситуацию, когда научный дискурс становится популярным среди горожан, которые теперь стремятся украсить свою речь умными словами. Так, Полиш (Полировка), компаньонка леди Лоудстоун (Магнетит), подменившая в младенчестве племянницу леди на свою дочь, отличается болтливостью, за которой кроется стремление скрыть истинное положение вещей. Она любит вставлять латинские и греческие слова в свои рассуждения, но, будучи необразованной, применяет их некорректно. Полиш можно причислить к профанам, чья речь удваивает комический пародийный эффект пьесы, тогда как потребление терминологии мистером Компасом и капитаном Айронсайдом, доктором Ратом свидетельствует об их корпоративной принадлежности.

Тем не менее, в английской литературе этого периода уже можно найти положительный образ мага-чародея – «добрым Фаустром» можно назвать Просперо в «Буре» (1610–1611) У. Шекспира. Он также овладевает искусством повелевать стихиями природы и духами. Аналогом Мефистофеля там оказывается добрый дух – Ариэль. Разница в том, что Просперо не относится к духовному сословию и/или университетской корпорации, он – свергнутый правитель Милана. Он настолько искусен, что без контракта с дьяволом заставляет служить себе освобожденного им из ловушки духа воздуха Ариэля, тогда как Мефистофель – слуга Люцифера, и он служит в обмен на душу Фауста. Просперо сохраняет свою душу еще и потому, что отрывается от власти земной и магической во имя будущего мира и любви своей дочери: «Have I made shake; and by the spurs pluck'd up / The pine and cedar: graves at my command / Have wak'd their sleepers, op'd, and let them forth / By my so potent art. But this rough magic / I here abjure; and, when I have requir'd / Some heavenly music, – which even now I do, – / To work mine end upon their senses that / This airy charm is for, I'll break my staff, / Bury it certain fathoms in the earth, /

And deeper than did ever plummet sound / I'll drown my book»¹³.

Знание и стремление познать еще больше становится искушением, ведущим к грехопадению, отсылая к истории Адама, вкусившего от Древа познания. Сюжет «Трагической истории Доктора Фауста», несмотря на то, что Кристоферу Марло, отвергнутому сан священника, часто приписывают либеральные взгляды [9], заканчивается в русле средневековой интерпретации договора с дьяволом, и бесы забирают в ад грешника, подписавшего контракт. Примечательно, что контракт с дьяволом коррелирует не только с университетским образованием и ученостью этих людей, но часто и с духовным саном, что усугубляет историю их падения. Е.Н. Черноземова также усматривает в развитии сюжета влияние средневекового жанра – моралите, где грешник не в силах противостоять порокам, и «Фауст Марло в финале пьесы оказывается в тисках средневекового жанра, заставляющего действовать в логике средневековой культуры, а именно: в предсмертный час с глаз человека спадает пелена, он видит мир в истинном свете, ясно различает добро и зло...» [28, с. 100].

В конце трагедии Фауст признается, что потратил свои возможности на «тщету удовольствий» (vain pleasure), знание, магию, тщеславие, славу и похоть, которые ему доставлял услужливый Мефистофель. Его искусство некромантии и магии превращается в шоу, развлечение: он показывает императору Карлу V духов Александра Великого и его жены, приносит в январе виноград (хотя в этом случае объяснение чуда в пьесе вполне рационально и связано с эпохой великих географических открытий: когда в Европе зима, на противоположной стороне земного шара – лето), студентам демонстрирует Елену Троянскую, в которую сам же и влюбляется. Искусство магии служит тому, чтобы наделить рогами рыцаря, подозревающего его в фокусах, слугу превратить в собаку и т.п.

Фактически Фауст в трагедии не занимается исследованиями, не проводит опыты, не использует открывшиеся возможности преодолевать преграды времени и пространства: Мефистофель просто выполняет его приказы или отвечает на его вопросы. По сути, Мефистофель оказывается теми «скрытыми силами природы», а точнее, силой, которая нарушает законы природы, установленные Творцом, что является пародией на «натуральную магию». Созерцая гнев Бога, Фауст в монологе, завершающем пьесу, отчаянно надеется на его милость или на то, что античные представления о посмертной судьбе души окажутся правдивыми: платоновское переселение душ на звезды, метемпсихоз пифагорейцев или растворение среди демокритовских атомов в природе.

В связи с этим возникает вопрос – что еще в пьесе Марло свидетельствует о новой эпохе, об ученом нового типа? Так, М. Гринфилд полагает, что на описа-

¹³ «По моему велению могилы / Послушно возвратили мертвецов. / Все это я свершил своим искусством. / Но ныне собираюсь я отречься / От этой разрушительной науки. / Хочу лишь музыку небес призвать / Чтоб ею исцелить безумцев бедных, / А там – сломаю свой волшебный жезл / И скороню его в земле. А книги / Я утоплю на дне морской пучины, / Куда еще не опускался лот».

ние ранений тела в пьесах К. Марло оказали влияние развитие экспериментальной и наблюдательной анатомии, начало которой положил А. Везалий. В «Трагической истории доктора Фауста» об этом свидетельствует мысленный эксперимент по рассечению его тела бесами: «Marlowe afflicts Faustus with a similar failure of self-knowledge. Faustus keeps presenting scenarios of self-mutilation that anticipate his eventual dismemberment by demons (in the B text version): he stabs his arm, he allows a false head to be cut off, and he has his leg come off when the horsecorser tugs on it. Faustus seems to be both rehearsing his death and anatomizing himself, looking for a bodily knowledge to compensate for his spiritual blindness. Doctor Faustus and the second part of Tamburlaine move toward an ultimately unsuccessful self-dissection» [36, p. 233–234].

В начале пьесы показан момент, когда Фауст решается на контракт с дьяволом. Кажется, он жаждет власти и переустройства земного мира, когда его друзья Корнелий и Вагнер приводят аргументы в пользу занятий практической магией: «Know that your words have won me at the last / To practice magic and concealed arts: / Yet not your words only, but mine own fantasy, / That will receive no object; for my head / But ruminates on necromantic skill. <...> Tis magic, magic, that hath ravish'd me»¹⁴. В этой связи следует обратить внимание на «wit», так называемое «остроумие» или «остромыслие». Б. Лоуренс связывает остроумие, а за ним и воображение в пьесах Марло «Тамерлан Великий» и «Доктор Фауст» с желанием всевластия: «wit» – это «потенциальность, которая может быть актуализирована, когда он гарантирует себе земную власть» [38, p. 729]. Основанием для этого вывода послужил сюжет и высказывание Фауста в первом монологе: «A greater subject fitteth Faustus' wit...» («Великий предмет достоин остроумия Фауста»). Русский перевод Н.Н. Амосовой часто игнорирует «wit»: «Достойн ты предмета выше, Фауст!»

Необходимо отметить, что те вопросы, которые Фауст задает Мефистофелю, скорее относятся к познанию мироздания, чем к управлению миром: в конце V и в VI сценах он отвергает книги, которые дадут ему золото, а просит книги о светилах, растениях, животных, расспрашивает о тайнах неба, о «божественной астрологии» (divine astrology), ему нравится путешествовать по Европе. Искусителем для Фауста является не дьявол и не власть. Хор в Прологе сообщает зрителю, что Фаустом движет «распухшее от искусности самомнение / хитроумие», поскольку в сладчайшем упоении диспутов о небесных материях теологии он превзошел всех: «Excelling all whose sweet delight disputes / In heavenly matters of theology; / Till swoln with cunning, of a self-conceit». В конце пьесы Фауст сам также признается студентам в Виттенберге, что он отдал душу за свою «искусность, хитроумие»: «I gave them my soul for my cunning».

Возникает вопрос – в чем он ищет искусности? Текст пьесы и сюжет отвечает на этот вопрос: это ис-

кусность в познании тайн природы, на которое претендует «натуральная магия» и магия, о которой будет писать Ф. Бэкон. Постигнув их, он достигнет божественной власти: «O, what a world of profit and delight, / Of power, of honour, of omnipotence, / Is promis'd to the studious artizan! / All things that move between the quiet poles / Shall be at my command: emperors and kings / Are but obeyed in their several provinces, / Nor can they raise the wind, or rend the clouds; / But his dominion that exceeds in this, / Stretcheth as far as doth the mind of man; / A sound magician is a mighty god: / Here, Faustus, tire thy brains to gain a deity»¹⁵.

Фаусту недостаточно стать земным властителем, он желает сравниться с Создателем, что сближает его историю с судьбой Люцифера, владыки Ада, с которым Фауст и заключает договор. В этой связи можно указать еще на одно литературное влияние «Фауста» К. Марло – памфлет Дж. Донна «Игнатий и его конклав», где Донн помещает в свиту Люцифера не только Игнатия Лойолу, но и Коперника, и Тихо Браге, поскольку их изобретения извратили и изменили миропорядок¹⁶, таким образом, он причисляет этих математиков и астрономов к еретикам.

Именно в гордыне состоит греховность Фауста, поскольку земная власть сама по себе не является грехом. Хор в Прологе сравнивает Фауста с упавшим Икаром, но текст (например, «O, by aspiring pride and insolence; / For which God threw him from the face of heaven»), сюжет пьесы отсылают и к истории ветхозаветного Люцифера, так же повелевавшего стихиями, народами и государствами, возжелавшего сравниться с Творцом:

«В преисподнюю низвержена гордыня твоя <...>. Как упал ты с неба, денница [Люцифер], сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней. Видящие тебя всматриваются в тебя, размышляют о тебе: “тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, вселенную сделал пустынею и разрушал города ее...?”» (Ис: 14-17).

¹⁵ «O, целый мир восторгов и наград, / И почестей, и всемогущей власти / Искуснику усердному завещан! / Все, что ни есть меж полюсами в мире. / Покорствовать мне будет! Государям / Подвластны лишь владенья их. Не в силах / Ни тучи гнать они, ни вызвать ветер. / Его же власть доходит до пределов, / Каких достичь дерзает только разум. / Искусный маг есть всемогущий бог. / Да, закали свой разум смело, Фауст, / Чтоб равным стать отныне божеству».

¹⁶ «But your inventions can scarce bee called yours, since long before you, Heraclides, Ecphantus, & Aristarchus thrust them into the world: who notwithstanding content themselves with lower roomes amongst the other Philosophers, & aspire not to this place, reserved onely for Antichristian Heroes: neither do you agree so wel amongst yourselves, as that you can be said to have made a Sect, since, as you have perverted and changed the order and Scheme of others: so Tycho Brachy hath done by yours, and others by his. Let therefore this little Mathematician (dread Emperour) withdraw himselfe to his owne company. And if heereafter the fathers of our Order can draw a Cathedrall Decree from the Pope, by which it may be defined as a matter of faith: That the earth doth not move; & an Anathema inflicted upon all which hold the contrary: then perchance both the Pope which shall dec'ree that, and Copernicus his followers, (if they be Papists) may have the dignity of this place.» Lucifer signified his assent; and Copernicus, without muttering a word, was as quiet, as he thinks the sunne, when he which stood next him, entred into his place...».

¹⁴ «... вашими словами / Я побежден и, наконец, решился / Наукою таинственной заняться. / Но не одни слова – воображенья / Меня влечет, ничем не насыщаясь. / Мой полон ум мечтой о колдовстве. <...> Лишь магия одна меня пленяет!»

Фауста искушает его остроумие, которое он отточил на теологических диспутах и занятиями схоластикой, и Мефистофель знает об этом, коварно предлагая ему: «And I will be thy slave, and wait on thee, / And give thee more than thou hast wit to ask» (И я стану твоим рабом, и буду прислуживать тебе, / И дам тебе больше, чем ты имел остроумия просить). «Wit» в данном случае, это то, что направляет ученого, и основным предметом желания Фауста не является земная власть над людьми, он стремится обрести божественную власть над природой, которая – творение Господа. Следовательно, wit – источник его греховности. Это же подтверждает и хор в Прологе: «Faus-tus is gone: regard his hellish fall, / Whose fiendful fortune may exhort the wise, / Only to wonder at unlawful things, / Whose deepness doth entice such forward wits / To practice more than heavenly power permits» («Фауст исчез: взгляните на его адское падение, / Чья удивительная судьба может убедить мудрого / Только поражаться незаконным вещам, / Чья глубина прельщает столь продвинутые острые умы / Практиковать больше, чем небесная сила позволяет») (перевод мой. – И. Л.).

Риторическое остроумие, введенное в европейскую поэтическую моду Джамбаттистой Марино, стало стилистической чертой маньеризма и «метафизического стиля» в английской поэзии конца XVI – первой половины XVII вв., признаком позднего Ренессанса и барокко. Эмануэле Теауро в «Подзорной трубе Аристотеля» дает нам рефлексию самой эпохи об этом феномене и, как полагает Дж. Снайдер, метафора-«кончетти» у Теауро является не столько риторическим украшением, а становится инструментом познания, который обнаруживает и связывает воедино самые тонкие понятия. Она не только одевает концепты в слова, а преобразует язык, одевает слова в концепты. Метафора-концепт сочетает глубокие и оригинальные мысли, и не может быть пустословным украшением общих мнений [42, р. 74–96].

В английской литературе и культуре конца XVI – первой половины XVII вв. алхимические, философские, медицинские, теологические, математические, астрономические и физические концепции часто служили основой для создания изысканной метафоричности маньеризма и барокко, основанной на остроумии (wit)¹⁷, сближении «далековатых идей» («far-fetched ideas»)¹⁸ при помощи концепта (кончетти). Поэзия в

пределах знаковой реальности оперирует предметами по законам, заложенным Создателем, в поисках необычных (далековатых) связей.

Это понимание остроумия восходит к энтимеме Аристотеля¹⁹, но он разграничивал риторическую энтимему, поэтическую метафору и философскую аналогию, но размытие когнитивных иерархических границ в раннее Новое время привело к сращению этих форм в остроумии и особенно ярко проявило себя в «метафизическом стиле» Дж. Марино, Джона Донна и др., проникая в научный и философский дискурс. Остроумие с помощью воображения предполагает некий мыслительный вираж, который стремится восстановить целостную картину мира, связать физический мир, данный в чувственном восприятии, с метафизическим, доступным для интеллектуального познания. В трагедии К. Марло также пародирует моду на остроумие при помощи оксюморонов «мелкое остроумие» и «простоватое остроумие»: «Both law and physic are for *petty wits*» и «*Second scholar. Too simple is my wit to tell her praise, / Whom all the world admires for majesty*».

Остроумие становится популярным и в научных дискурсах раннего Нового времени, оно позволяло преодолеть недостаток индуктивного метода. Проблема была связана со спецификой метода индукции, который предполагает кропотливую процедуру познания, основанную на переходе от опыта, данного в чувственном восприятии, к рациональному обобщению через модели, построенные при помощи воображения, поскольку, согласно Аристотелю, воображение связано с разумом и чувственным восприятием.

Остроумие также использует этот принцип, но метод индукции основан на устойчивом экспериментальном подтверждении явления и процедурах перепроверяемости, тогда как остроумие использует практически *мгновенный* виртуозный переход от воспринимаемого к умственному обобщению посредством воображения, не утруждая себя многочисленными экспериментами, длительным наблюдением, кропотливыми расчетами и описаниями: «...спекуляции упомянутого философа [Демокрита], остроумного и прилежного, каким он был, не могли ни успокоиться, ни соблюсти надлежащей меры, ни обуздать и сдерживать себя. И даже те взгляды, которые скрываются в мифе, хотя они и более правильны, все же не лучше,

¹⁷ Т.С. Элиот определяет понятие «wit» (остроумие) как метафизический Разум, склонный к иронии, стремящийся преодолеть «dissociation of sensibility» (распад связей между чувствами и разумом), который характерен для позднего Возрождения и раннего Нового времени. В связи с этим он описывает «wit» как «священную легкость», которая сочетает трагизм и комизм распавшегося бытия; стремление к равновесию эмоционального и интеллектуального начал для создания целостного образа из самых разнородных элементов. Wit – причина метафизической «иронии», которая позволяет видеть явление с разных сторон, позволяет разрушить границы между способностями души и встроить свое «я» в вечный божественный порядок [33, р. 242]. См. подробнее теорию остроумия в статье Т.Н. Красавченко [17] и в книге «The wit of seventeenth-century poetry» [43].

¹⁸ Т.С. Элиот в эссе «Поэты-метафизики», упоминая Самюэля Джонсона, упрекавшего Дж. Донна, Дж. Герберта, А. Каули и т.д. в насильственном соединении далековатых идей, расценивает это соединение как их достоинство: «Джонсон уловил, возможно, слу-

чайно, одну из их характерных особенностей, заметив, что “они всегда пытались быть аналитичными”; он бы не согласился с тем, что после “анализа”, разложения на компоненты, они создавали новое целое» [30, с. 552].

¹⁹ Аристотель полагал, что «те энтимемы по необходимости будут изыщны, <...> произнесение которых сопровождается появлением некоторого познания, <...> или те, по поводу которых разум немного остается позади <...> нужно стремиться к этим трем вещам: 1) метафоре, 2) противоположению, 3) наглядности <...> изыщность получается из метафоры по аналогии и из оборотов, изображающих вещь наглядно <...> Метафоры нужно заимствовать <...> из области предметов сродных, но не явно сходных, подобно тому, как и в философии считается свойством меткого [ума] видеть сходство и в вещах, далеко отстоящих одни от других <...>. Большая часть изыщных оборотов получается с помощью метафор и посредством обманывания [слушателя]: для него становится яснее, что он узнал что-нибудь [новое], раз это последнее противоположно тому, [что он думал]; и разум тогда как бы говорит ему: “Как это верно! А я ошибался”» [3, с. 143, 146].

чем все те рассуждения, которые порождены разумом, довлеющим самому себе и не опирающимся постоянно, при каждом своем продвижении вперед на опыт...» [8, т. 2, с. 299]. Таким образом, если для Бэкона ведущим аргументом остается опыт, то для остроумия – мысленный эксперимент, воображаемые и/или рациональные построения.

Ф. Бэкон признает остроумие как способ ведения философской полемики и репрезентации идеи, но отвергает в качестве инструмента и способа мышления в проекте восстановления наук: «Мы не препятствуем тому, чтобы эта общепринятая философия и другие философии этого рода питали диспуты, украшали речи и прилагались для надобностей преподавания в гражданской жизни. Более того, мы открыто объявляем, что та философия, которую мы вводим, будет не очень полезна для таких дел» [8, т. 2, с. 179].

Ф. Бэкон ограничивал применение остроумия рамками поэзии и философским диспутам, ставя под сомнение возможность апеллировать к нему в поисках истины. Бэкон также не признает полемического потенциала остроумия и в суде, где важное место отводится доказательству своей позиции:

«Судьям подобает более учености, чем остроумия, более почтительности, чем искусности в доказательствах, более осмотрительности, чем самоуверенности. Но главной их добродетелью является неподкупность» [8, т. 2, с. 477]. Таким образом, остроумие, по мнению философа, неприемлемо там, где целью дискурса является поиск достоверного знания. Он рассматривает остроумие как софистическую уловку или способ социального самоутверждения: «Некоторые люди во время разговора стремятся скорее стяжать похвалу своему остроумию и доказывать, что они в состоянии отстоять любые свои аргументы, чем проявить здравомыслие в распознавании того, что есть истина...» [8, т. 2, с. 426].

Эти высказывания были направлены против широко распространенной практики ведения ученой полемики, основанной на остроумии, моду на которую ввел в Англии Джордано Бруно, считавший себя великим остроумцем. Ноланец полагал, что остроумие является не только способом опровергнуть мнение оппонентов в полемике или способом отточить ум, но и стратегией репрезентации и даже способом научного познания при условии, что остроумие исходит из опыта:

«*Теофил*. ...обыкновенно те, у кого не хватает понимания, думают, что знают больше, а те, которые вовсе лишены ума, думают, что знают все.

Смит. Скажи мне, каким образом можно исправить этих?

Теофил. Сняв прочь каким-либо способом аргументации их оценку знания и *остроумными убеждениями освободив их*, поскольку это возможно, от их глупого мнения, для того чтобы они стали начинающими слушателями, – это возможно в том случае, если обучающий заметит, что их умы способны и искусны».

«*Альбертин*: ... очень трудно привести доказательства, и требуется весьма большое *остроумие*, чтобы опровергнуть доводы противников.

Филотей: Нужно найти главную нить, и тогда уж очень легко распутать весь клубок. Наше же мнение

соответствует *упорядоченному опыту и основано на разуме*» [6, с. 91].

В этой связи можно предположить, что одним из современных К. Марло прототипов Фауста является также Дж. Бруно (1548–1600). События его жизни по времени коррелируют с сюжетом и временем создания пьесы (1589–1592). Доминиканский монах, странствующий по Европе: посетил Рим, Геную, Турин, Венецию, Женеву, Тулузу (получил ученый титул *Magister artium*), Париж, Лондон (1583–1585), затем Марбург, Виттенберг (1586–1588 читал лекции), в 1588 получил в Праге покровительство императора Рудольфа II и увлекся магией, Франкфурт-на-Майне и другие города. Его принимали в университеты и затем запрещали читать лекции. Он полемизировал с аристотеликами Парижа, принял кальвинизм, восхвалял еретиков Лютера и Елизавету I. В 1592 г. арестован инквизицией, обвинен в магии и ереси, в 1600 г. сожжен. Примечательно, что в трагедии Марло Люцифер запрещает Фаусту говорить и думать о Боге, Рае и Священном Писании, но он встречается с папой римским, монахами и императором Карлом V, очевидно, Марло здесь демонстрирует протестантскую неприязнь к религиозным противникам Англии.

Еще один ученый Англии того времени также мог стать прототипом Фауста – это Джон Ди (1527–1609), английский математик, географ, астроном, алхимик, герметист, каббалист, личный астролог Елизаветы I. В 1584–1589 гг. жил в Праге, где получил покровительство императора Священной Римской империи Рудольфа II и практиковал с Э. Келли «энохианскую магию». В 1589 г. вернулся в Англию, вошел в так называемую «Школу ночи» У. Рэли, обвиняемую в атеизме, а после падения этого патрона 1592 (1596?) был назначен ректором Колледжа Христа в Манчестере, где молва окрестила его «злым колдуном».

Таким образом, артикуляция практик нового знания в «Трагической истории доктора Фауста» К. Марло включает в себя различные аспекты эпохи формирования современной науки. С одной стороны, существенное влияние оказывает средневековая литературная традиция в негативной интерпретации образа мага с точки зрения его этического содержания, сюжета, включенных мотивов и жанра моралите.

С другой – мы видим влияние современной науки, научных дискурсов, теорий и практик, ренессансных магов. В частности, «*wit*» (остроумие, остроумие) Фауста, движет им в познании «тайн природы». С помощью «натуральной магии», «демонической магии», «божественной астрологии», «метафизической и практической магии» он стремится прочесть великую книгу природы, раскрыть «тайны природы» и управлять ее «тайными силами». Это и является источником искушения, что позволяет К. Марло уподобить его судьбу не только Икару, но и Люциферу, поскольку искомое знание добывается магическим путем и вопреки божественной воле. А в качестве прототипов образа Фауста можно назвать не только Роджера Бэкона, Агриппу, немецких Фаустов и др., но и современных К. Мало ученых-магов: астролога, математика Дж. Ди и мага-остроумца Дж. Бруно.

Литература

1. Агриппа, Г.К. *Оккультная философия* / Г.К. Агриппа. – Москва: Золотой Век, 1993. – 116 с.
2. Альберт Великий. *Малый алхимический свод* // Знание за пределами науки: Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. / Альберт Великий; сост. и общ. ред. И.Т. Касавина. – Москва: Республика, 1996. – С. 134–175. 445 с.
3. Аристотель. *Риторика* / Аристотель // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва: Изд-во МГУ, 1978. – С. 15–66.
4. Библия. Синодальный перевод. – Москва: Российское Библиейское общество, 1998 (2003, 2013). – 925, XVI с.
5. Бицилли, П.М. Место Ренессанса в истории культуры / П.М. Бицилли. – Санкт-Петербург: Мифрил, 1996. – 256 с.
6. Бруно, Дж. *Избранное* / Дж. Бруно. – Самара: Агни, 2000. – 590 с.
7. Бруно, Дж. О связях как таковых / Дж. Бруно; пер., комм., вст. статья М. Фиалко. – Москва: Циолковский, 2018. – 172 с.
8. Бэкон, Ф. *Сочинения: в 2 т.* / Ф. Бэкон; сост. А.Л. Субботина, пер. Н.А. Федорова, Я.М. Боровского. – Москва: Мысль. – Т. I, 1971. – 567 с.; Т. II, 1972. – 582 с.
9. Верховодов, Е.В. «Свободомыслие» Кристофера Марло и Эдварда Герберта как предвестник английского либерализма [Электронный ресурс] / Е.В. Верховодов, Э.Б. Курзенин, В.И. Цыганов // Евразийский юридический журнал, 2015. – URL: <http://naukarus.com/svobodomyслиe-kristofer-marlo-i-edvarda-gerberta-kak-predvestnik-angliyskogo-liberalizma> (дата обращения: 02.11.2018).
10. Визгин, В.П. Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки Нового времени / В.П. Визгин // Философско-религиозные истоки науки / под ред. П.П. Гайдено. – Москва: Мартис, 1997. – С. 88–141.
11. Визгин, В.П. *Оккультные истоки науки Нового времени* / В.П. Визгин // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 1. – С. 140–152.
12. Джонсон, Б. *Алхимик* / Б. Джонсон // Джонсон Б. *Пьесы*. – Москва: Ленинград: Искусство, 1960. – С. 301–564.
13. Йейтс, Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Ф.А. Йейтс; пер. Г. Дашевского. – Москва: НЛЮ, 2000. – 524 с.
14. Йейтс, Ф.А. *Розенкрейцеровское просвещение* / Ф.А. Йейтс; под ред. Т. Баскаковой, пер. А. Кавтаскина. – Москва: Алетейа, Энигма, 1999. – 464 с.
15. Йейтс, Ф.А. *Искусство памяти* / Ф.А. Йейтс; пер. Е. Малышкина. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 479 с.
16. Косарева, Л.М. *Генезис научной картины мира: социокультурные предпосылки* / Л.М. Косарева. – Москва: Наука, 1985. – 80 с.
17. Красавченко, Т.Н. Эволюция понятия «остроумие» в английской поэзии, поэтике и эстетике / Т.Н. Красавченко // Литературоведческий журнал. – 2008. – № 23. – С. 146–169.
18. Ленкова, Н.Р. Трансформация сюжета о Фаусте в комедии Б. Джонсона «Алхимик» / Н.Р. Ленкова // *Вестник Башкирского университета*. – 2018. – Т. 23. – № 1. – С. 137–142.
19. Лисович, И.И. Научное знание, неоплатонизм и свободные искусства в культуре Англии раннего Нового времени / И.И. Лисович // *Знание. Понимание. Умение*. – 2016. – № 4. – С. 242–260.
20. Лисович, И.И. *Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени* / И.И. Лисович. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 440 с.
21. Марло, К. *Трагическая история доктора Фауста* / К. Марло; перевод Н.Н. Амосовой // *Легенда о докторе Фаусте* / изд. подгот. В.М. Жирмунский. – 2-е изд., испр. – Москва: Наука, 1978. – 423 с.
22. Мирандола, Пико Дж. делла. *Девятьсот тезисов. Тезисы 1–400: Четыреста суждений по учениям халдеев, арабов, евреев, греков, египтян и по мнениям латинян* / Дж. Пико делла Мирандола; пер. с лат. Н.Н. Соколовой и др. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2010. – 259 с.
23. Парацельс, Т. *Об оккультной философии* / Т. Парацельс // *Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв.* / отв. ред. И.Т. Касавин. – Москва: Канон, 1999. – С. 128–167.
24. Парацельс, Т. *Магический архидокс* / Т. Парацельс. – Москва: Алгоритм, 2016. – 398 с.
25. Парацельс, Т. *О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах* / Т. Парацельс. – Москва: Эксмо, 2005. – 397 с.
26. Парфенов, А.Т. *Легенда о Фаусте и гуманисты северного Возрождения* / А.Т. Парфенов // *Культура эпохи Возрождения и Реформация*. – Москва: Наука, 1981. – С. 163–170.
27. Рабинович, В.Л. *Алхимия как феномен средневековой культуры* / В.Л. Рабинович. – Москва: Наука, 1979. – 391 с.
28. Черноземова, Е.Н. *Доктор Фауст по-английски: актуализация образа Мерлина в литературе XX века* / Е.Н. Черноземова // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. – 2013. – № 4 (41). – С. 100–109.
29. Чосер, Дж. *Кентерберийские рассказы* / Дж. Чосер; отв. ред. А.Н. Горбунов. – Москва: Наука, 2012. – 950 с.
30. Элиот, Т.С. *Избранное. Религия, культура, литература* / Т.С. Элиот; пер. с англ.; под ред. А.Н. Дорошевича. – Москва: РОССПЭН, 2004. – Т. I–II. – 752 с.
31. Bacon, F. *The Advancement of Learning* / F. Bacon; ed. by M. Kiernan. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – 420 p.
32. *Chemical Knowledge in the Early Modern World* / eds. by Matthew D. Eddy, Seymour H. Mauskopf, William R. Newman // *Osiris*. – 2014. – Vol. 29. – 450 p.
33. Eliot, T.S. *A note on two odes of Cowley* / T.S. Eliot // *Seventeenth century studies presented to sir Herbert Grierson* / ed. by J.D. Wilson. – Oxford: The Clarendon Press, 1938. – P. 235–242.
34. Ettin, Andrew V. *Magic into Art: The Magician's Renunciation of Magic in English Renaissance Drama* / Andrew V. Ettin // *Texas Studies in Literature and Language*. – Vol. 19. – № 3. – P. 268–293.
35. Golinski, J.V. *A Noble Spectacle: Phosphorus and Public Cultures of Science in the Early Royal Society* / J.V. Golinski // *Isis*. – 1989. – Vol. 80 (1). – P. 4–39.
36. Greenfield, M. *Christopher Marlowe's Wound Knowledge* / M. Greenfield // *PMLA*. – Vol. 119. – № 2 (Mar., 2004). – P. 233–246.
37. Jonson, B. *The Alchemist. A comedy, first acted in the year 1610. By the King's Majesty's servants. With the allowance of the Master of Revels* / B. Jonson. – London: Printed for J. Walthoe, G. Conyers, J. Knapton, R. Knaplock, D. Midwinter and A. Ward, 1732. – 96 p. (Rpt: Charleston: BiblioBazaar, 2006).
38. Lowrance, B. *Marlowe's wit: Power, language, and the literary in Tamburlaine and Doctor Faustus* / B. Lowrance // *Modern philology*. – 2014. – Vol. 111. – № 4. – P. 711–733.
39. *Magical Transformations on the Early Modern English Stage: Studies in Performance and Early Modern Drama* / eds. by L. Hopkins, H. Ostovich. – Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd., 2014. – IX, 265 p.
40. Mendelsohn, J.A. *Alchemy and Politics in England 1649–1665* / J.A. Mendelsohn // *Past and Present*. – 1992. – Vol. 135 (1). – P. 30–78.
41. Newman, W.R. *From alchemy to «chemistry»* / W.R. Newman // *The Cambridge History of Science. Vol. 3. Early Modern Science*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. – P. 497–517.

42. Snyder, J.R. ART And Truth In Baroque Italy, Or The Case Of Emanuele Tesauro's «Il Cannocchiale Aristotelico» / J.R. Snyder // MLN. – Baltimore, 2016. – VOL. 131. – № 1. – P. 74–96.

43. The wit of seventeenth-century poetry / eds. by C. J. Summers, Ted-Larry Pebworth. – Columbia: Univ. of Missouri Press, 1995. – VIII, 222 p.

44. Yates, F.A. The Occult Philosophy in the Elizabethan Age / F.A. Yates. – London, Boston: Routledge & K. Paul, 1979. – X, 217 p.

45. The Quarterly Review. – London: J. Murray, printed by W. Clover. – Vol. LI. (March & June). – 1834. – 544 p.

I.I. Lisovich

«WIT», COGNITION AND TEMPTATION: VERBALIZATION OF PRACTICES OF NEW KNOWLEDGE IN «THE TRAGIC HISTORY OF DOCTOR FAUSTUS» BY CHRISTOPHER MARLOWE

The article is devoted to the reception of scientific discourses and practices in «The Tragic History of Doctor Faustus» from the point of view of cultural history of science. «New philosophy», scientists and scientific practices were perceived with distrust in Europe and England of early Modern times. Experiments, a passion for collecting, a new language and research methods often aroused hostility and accusations of blasphemy. It took more than a hundred years to the scientific research in England to become recognized as an occupation worthy of a gentleman. A striking example of a negative attitude to the «new philosophy» is presented in «The Tragic History of the Life and Death of Doctor Faustus» (1593) by Christopher Marlowe. The basis for the tragedy was not only the «Historia von Dr. Iohann Fausten, dem weitbeschreiten Zauberer und Schwartzkünstler» (translated into English in 1592), but the real scientists of a new type who appeared in England in the second half of the 16th century: John Dee, William Harvey, Henry Briggs, and others. At the beginning of the play Faustus is shown at the moment when he decides to contract with the devil. The scientist is represented as a magician who craves power over the forces of nature and people. But it is not the Devil or dominion that is the temptation. The text of the play «Doctor Faustus» points to another temptation – perception of the mysteries of nature.

«Wit», Christopher Marlowe, John Donne, Ben Johnson, Faustus, astrology, magic, «new philosophy», J. W. Bruno, John Dee.

А.В. Петров
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА СЕВЕРА В ПОЭЗИИ ДМИТРИЯ УШАКОВА

В статье рассматривается концептуализация образа Севера в творчестве поэта Дмитрия Алексеевича Ушакова, одного из создателей Северного текста русской литературы как локального сверхтекста. Концепт СЕВЕР в контексте произведений поэта перекрещивается с концептом РОДИНА, представлены они прежде всего главными лексемами и их производными.

Дмитрий Ушаков, концептуализация, северный текст, олицетворение, синтагматика.

В последние годы значительно возрос интерес филологов к изучению локальных художественных сверхтекстов, которые воспринимаются формами выражения национального менталитета в его региональном варианте. На протяжении ряда лет разрабатывается учение о так называемом Северном тексте русской литературы, который объединяет произведения о природе и истории Русского Севера, о жизни и труде северян, о специфике северного характера. Тем не менее, северный текст в большей степени явление не тематическое, а ментальное, поскольку оно отражает особый северорусский вариант национальной картины мира, создает особый мифопоэтический образ Русского Севера.

Е.Ш. Галимова пишет: «Цельность такого много-составного явления, как Северный текст, обеспечивается, прежде всего, его глубинным подтекстовым (сверхтекстовым) смыслом, который выявляется в процессе исследования. И именно этот смысл определяет уникальность Северного текста. С нашей точки зрения, сущность этого сверхэмпирического смысла – в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства, таящего в себе в «запечатленном» виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [2, с. 16].

Наблюдения А.М. Любомудрова позволили ему прийти к интересным выводам: «Север России – особый культурно-исторический регион, занимающий неповторимое место в русской духовной культуре. В литературном творчестве Север порождает стремление к глубине, философской медитации. Созданные здесь произведения отличаются неторопливостью действия, созерцательностью, и в них нет следов пост-модернизма, признаков разорванности сознания, формотворческих экспериментов. <...> для всех писателей-северян характерна онтологическая серьезность, ощущение вечности, видение исторической перспективы, утверждение ценностей, среди которых важнейшие – труд, подвиг, жертва, товарищество» [5, с. 17]. У него же читаем: «Северные поэты творят в русле традиционной поэзии, знают цену слову и никогда не делают его средством развлечения или само-

цельной игры метафор. Писатели-северяне – художники подлинно национальные, очень русские, поскольку происходят от корней, от истоков России. Тема Родины, и малой, и великой, для них – главная» [5, с. 18].

Я право свое предъявляю на Север, – заявил в начале творческого пути Дмитрий Алексеевич Ушаков (1932–2011) и остался верен родному краю до конца жизни. Читая Ушакова, отмечаешь его завидное постоянство в пристрастиях, символах, заголовках. Все его творчество безраздельно принадлежит Северу.

Два сборника Дмитрия Ушакова носят название «Север-батюшко», один вышел в Архангельске в 1973 году, другой – в Москве в 1989 году, так же озаглавлен раздел еще в одном поэтическом сборнике. Одна из первых книг поэта названа откровенно и честно – «Север – любовь моя» (Архангельск, 1964). Не может не обратить на себя внимания заголовок «Близкий Север» (Москва, 2000), это замечательное словосочетание четырежды появится в названиях разделов других книг. А удивительная по красоте поэтическая фраза Д. Ушакова *Мой Север, скупой чародей!* по праву стала крылатой для читателей северной литературы. Прямое отношение к Северу как к источнику вдохновения имеют книжные заголовки: «Морошка» (Москва, 1968), «Метельный май» (Москва, 1974), «Беловодье» (Архангельск, 1983), «У полярных широт» (Архангельск, 2002).

И еще одно выстраданное название представляется особенно дорогим для Д.А. Ушакова, оно встречается чаще всего – «Степень родства», так названы сборник, вышедший в Архангельске в 1969 году, и разделы в пяти других сборниках. *Родство, Родина, родное* – не пустые слова для поэта, который всем своим существом ощущал тесную связь с родной землей. Уже в дебютном сборнике «Иду к тебе» (Архангельск, 1959) первый раздел знаково назван «В родном краю».

Самые сокровенные, самые пронзительные стихи поэт помещает в разделы, которые трижды называет одинаково – «Признание», подчеркивая предельную откровенность чувств лирического героя. Такие повторы представляются символическими, значимыми,

они воспринимаются ключевыми для понимания творческого наследия писателя.

И еще одна важная тема неизменно присутствует в творчестве Дмитрия Ушакова и находит отражение в заголовках. Море – несостоявшаяся профессия, детская мечта, которая все-таки отчасти была осуществлена в зрелом возрасте. Уже будучи ответственным секретарем Архангельского регионального отделения Союза писателей СССР, Д.А. Ушаков отправляется матросом в плавание в арктические широты на судах Северного морского пароходства, об этом он позднее подробно расскажет в своих повестях «Июль – месяц белый» и «Арктический ход», стихам на морские темы неизменно будет отведено немалое место в большинстве его поэтических книг. Говорящее название сборника «Рабочее море» (Москва, 1980) еще трижды будет повторено в качестве заголовка разделов других сборников.

Дмитрий Ушаков всегда был верен своей малой родине, стороне лесной и озерной. Милая его сердцу Шожма, пожалуй, чаще всего прочего упоминается в его поэтических и прозаических произведениях. Шожма – деревня, станция, река, озеро... Какое приятное на слух и ласковое для губ название – мягкое, домашнее, родное! Как легко и выразительно оно ложится в поэтическую строку: *Деревня Шожма так приметна: / Она, вбежавши на угор, / Со всех сторон открылась ветру, / Открыла людям каждый двор* («Моя деревня»); *Речка Шожма, / попил я водицы / на твоей / прозрачной быстрине... / Все бы петь, / звенеть тебе, / резвиться / на заре, / при звездах, / при луне* («Речка Шожма»); *Приезжаю на озеро Шожма. / Отдыхает душа. Благодать. / Здесь бы расцвет и закат не тревожны, / Здесь бы можно и век вековать* («Приезжаю на озеро Шожма...»); *Разбуди, проводник, перед станцией Шожма: / Будет ночь и луна, и в дернинах откос...* («Отчина»).

В одном из стихотворений Дмитрий Ушаков вопрошает: *От Севера можно уехать, / Но можно ли от себя?* («О Севере»). Ответ ему ясен, он в нем уверен. Конечно, нельзя. Поэт так говорит о себе: «Люди и природа Русского Севера – вот предмет и содержание моей поэзии. Как и в судьбе каждого литератора, бывали у меня поездки в заполярные пределы, плаванья по студеным северным морям, командировки в зарубежные страны. Но на склоне лет сердце опять притянуло к заветным местам детства и юности. Большую часть последующих лет живу в Шожме, в дедовском доме, дружу с земляками, брожу по звериным тропам. И ищу поэтические строки...» [9, с. 191].

Очень частотна в стихотворениях Дмитрия Ушакова лексема *север*, но лишь однажды встретилось ее написание со строчной буквы: *Гуси тянулись к югу, / Шли корабли на север, / Туда, где полярная вьюга / Простор океана засеяла* («Мужество»); в данном случае север выступает просто как обозначение стороны света, впрочем, как и в следующем контексте: *Капитан улетает на Север, / А на юге осталась жена* («Встреча») – однако здесь появляется прописная буква, видимо, для автора важно указать не просто направление полета героя, но и наименовать край.

На Север – именно это предположно-падежное сочетание довольно часто встречается в поэтическом

контексте Д. Ушакова, поскольку такое направление наиболее близко поэту, на Север всегда стремилась его душа: *Оставить всё, спешить на Север – / Он не за тридевять земель. / Снегами щедро он засеян, / Закутан в белую метель* («Тоскуя по родному краю...»); *Брошу всё – да и баста! – / Чтоб на Север лететь, / Чтоб сказать ему: «Здравствуй!», / Чтобы душу согреть* («Северный ветер»).

На Север всегда указывает стрелка компаса, на Север ориентирует путников Полярная звезда: *Она указала на Север – / Но знаю я, там холода, / Снегами простор там засеян... / Зачем мне на Север, звезда? <...> А всё же на Север наставим / Мы компасу стрелку, звезда!* («Полярная звезда»); *Но вот затеплилась звезда. / Без остановки пролетают / Под ней на Север поезда* («Ждёт на перроне одиноко...»). Именно на Север лирический герой стремится увезти свою возлюбленную: *Не за-ради зряшного каприза / И ещё скажу – не для похвал / От холодных городских карнизов / Я тебя на Север бы умчал* («Предложение»). Обращает на себя внимание повторяющаяся метафора: снег засеивает северные просторы, подобно тому, как засеивается пашня зерном (см. примеры выше).

На Север прокладывает морские пути-дороги корабль, когда сбылась мечта поэта о моряцких буднях: *О чём писать? / О том, что морем серым, / Похожим на архангельский асфальт, / Не отклоняясь далеко на Север, / Идём уже который день подряд* («Морские будни»). На Север стремится лирический герой, пресытившись красотами и благами юга: *Погулял по кавказским высотам, / Минеральной воды пропустил... / Только было на Север охота, / Так охота, что не было сил* («Север и Кавказ»).

В интервью поэт признается: «Гуси на север полетели (в марте или апреле, когда какой месяц теплый) – я тут же собираюсь, с женой прощаюсь и уезжаю в свою Шожму. Живу до тех пор, пока меня оттуда холода не выгонят» [4, с. 152]: *А гуси на Север опять устремляют полет...* («Поморью»); *На Север гуси тянутся, и мне / За ними вслед теперь торить дороги* («Вот так всегда. Бунтую по весне...»).

Лирический герой Д. Ушакова печален, когда нет возможности отправиться на родной Север: *Пусть поезда, качаясь гулко, / Летят на Север без меня* («И вот несу печаль иную...»); *Ста краям мои дороги розданы, / Только не исполнена одна. / Повернуть ей к Северу не выпало, / Потому страдаю и скорблю* («Неизбывный свет»); он завидует летящим за окнами поезда рощам, когда возвращается с Севера: *Мчит поезд быстрее и быстрее – / На Север озябшие рощи / Летят, словно клин журавлей* («Всё чаще немые укоры...»).

Север – родной, близкий для поэта край, который он по праву называет своим: *Вновь будет на Север мой белый / Дорога желанно-легка* («Желанная дорога»); *За что же серым Север мой зовут?* («А всё-таки Двина зимой не спит...») – здесь весьма показательны цветочные эпитеты, характеризующие Север: *белый, серый; Кто смело так сумел распорядиться, / Кто Северу родному подарил / Ночь белую и алые зарницы, / И день, согретый разноцветьем крыл?* («Эта ночь»); поэт ощущает неразрывную связь с Севером, он для

него остается желанным: *Я знаю, я помню всей болью, / Которой в разлуке казнюсь, / Что смертною только юдолью / Я с Севером разоидусь* («О Севере»); *Чтоб снова я понял, как святы / Родимые с детства места. / Чтоб в сердце, привыкшем к утратам, / Был Север желанным всегда* («Давно бы пора по завету...»).

Органично в поэзии Д. Ушакова звучат слова признания, обращенные к Северу: *Пусть впереди ещё немало странствий, / Немало путевых ветров взлетит. / Я нахожу опору в постоянстве, / В невысказанной к Северу любви* («Над Рижским взморьем белые туманы...»); *И в сменах сумрачного дня, / И в холоданьи звёзд падучих / Поёт душа... Куда уж лучше? / И дорог Север для меня!* («Узорочье тех зимних дней...»); экспрессивные восклицания, связанные с Севером: *Теперь-то Север не остынет / И не померкнет никогда!* («У Северного полюса»); *Выбирай – весь Север предлагаю!* («Предложение»).

Запросто непосредственно к Северу обращается лирический герой с просьбой: *Прошу тебя, Север, напомни / Хоть шорохом ветра о том, / Какою ты синью наполнен, / Каким напоён ты теплом* («О Севере»); с оправданием: *Север мой, тебе я не лукавил, / Жил всегда твоею красотой* («Недоля»); с восхищением: *О Север, какой ты огромный!* («О Севере»); с укором: *Какой же ты батюшко, Север, / Коль выстудил ветер леса, / Метель луговины засеяла, / Мороз опалил небеса?* («Север-батюшко»); *Так что же ты, Север, укором мне стал? / Я, право, тебя не хотел бы порочить...* («В белые ночи»).

Север олицетворяется в поэтическом контексте: *Ты вправде, Север, быть суровым – / Нахмурено твое лицо...* («На Родине»); он предстает то батюшкой, то чародеем, то старожилом: *Но так нарекли тебя люди. / Знать не было края родней. / И зваться ты батюшкой будешь, / Мой Север, скупой чародей!* («Север-батюшко»); *То в круговерти этой дикой, / В раскованности буйных сил, / Он вновь проявится, великий, / Поморский Север-старожил* («Перелом»); Север оказывается способным согреть, поманить, приветить: *Душа помаленьку оттаёт, / Согретая Севером вновь* («Разлука все горше и горше...»); *Север, не нас ли он манит / И привечает везде?..* («Если не будет исхода...»).

Встретилось в стихах Д. Ушакова и такое оригинальное приложение, характеризующее Север: *Ах, Север – России подворье, / Ты дорог и люб по весне...* («От Чёрного к Белому морю...») – здесь также используются обращение, восклицание, признание в добрых чувствах по отношению к Северу.

И не беда, что Север не балует солнечной теплой погодой: *Север на солнышко скуп* («Если не будет исхода...»); *Погоды то ль худшей, то ль лучшей, / Гадаю, от Севера жди* («О главном»); что весна на Север приходит очень неторопливо: *У нас и версты неторопки, / У нас в привычку стало ждать, / Когда-то к Северу по тропкам / Весна сумеет добежать* («Перелом»); все равно Север близок и дорог поэту.

Прилагательное *северный* в поэтическом контексте Дмитрия Ушакова, прежде всего, номинирует и характеризует родной край поэта, который для него хорош в любое время года: *В крови моей искры полярных сияний, / А песни о северном крае просты... / Не*

могут меня отдалить расстоянья / От нежно-суровой его красоты («Я право своё предъявляю на Север...»); *Опять заневестилась в северном крае весна* («Обновленье»); *Да, нелёгкая година / В нашем северном краю... / Потому-то о рябинах / И о листьях – не пою* («Вся земля в опавших листьях...»); пусть даже он и представляется угрюмым: *Смотрю – и за думою дума / Так душу тревожат мою – / О северном крае угрюмом, / О людях, что в этом краю* («О земляках-лесорубах»). Встретилось нам и такое, весьма экспрессивное восклицательное обращение: *Ах, ты, чёртушко, чудо, мой северный край!* («Перепутались краски...»).

Прилагательное *северный* органично сочетается в одном контексте со словами *родина, родной*: *Ах, журавли! Я с трепетом веселым / Смотрю на ваши серые крыла. / Я знал вас раньше. Вы не новоселы. / Вас северная родина ждала* («Журавлиный хоровод»); *Не беднеть, / не стыть родному краю, / северной, / таёжной стороне...* («Речка Шожма»); а также с эпитетами *милый, добрый, ласковый*: *Живётся одиноко мне и странно / Вдали от милой северной земли* («Над Рижским взморьем белые туманы...»); *И еще, поэт, посетуй, / Что порой дороги шли / Мимо ласковой, рассветной, / Доброй северной земли* («Ты не сетуй понапрасну...»).

Сухое географическое обозначение *северные широты* в поэзии Д. Ушакова звучит довольно выразительно: *В наших северных широтах / Так пекло, что спасу нет* («Жарынь-жара»); *Опять нагрязнула остуда, / Опять от северных широт – / И злого ветра перебуды, / И снежных вихрей заворот* («Остуда»); *Возвратятся пилигримы – гуси / На просторы северных широт* («Пути веков»).

Прилагательное *северный* способно приобрести качественный оттенок значения в поэтическом контексте, так

северное лето – ‘стремительное, прохладное, обманчивое’: *Уходило северное лето / на заре, / при звёздах, / при луне* («Речка Шожма»); *Не ведаешь, как нежно я люблю / Стремительное северное лето* («Мечу я сено...»); *Отпевая северное лето, / Журавли проносятся высоко* («Морошка»);

северный ветер – ‘холодный, пронзительный’: *И не думал, не ведал, / Что проймёт и доймёт / Этот северный ветер, / Лишь крылами взмахнёт* («Северный ветер»);

северные ночи – ‘беспредельные, прозрачные’: *Не знаю, какие пределы / У северных этих ночей...* («Белоночье»);

северный дождь – ‘хмурый, неласковый’: *Северный дождичек хмурый...* («Вечная тема»).

Однако даже без нарочитого окачества это прилагательное представляется позитивно окрашенным, поскольку атрибутирует связанные с Севером реалии, которые уже поэту лирическому герою дороги, а потому соседствуют с соответствующими определениями: *Да ощуценьем хорошей / Северной нашей весны* («Рано я на берег вышел...»); *Опять в моих северных рощах / Тропинки торю налегке* («Опять в моих северных рощах...»); *Словно лодочка, плывёт-плывёт Россией / Этот северный хороший городок* («Городок»); *Не привезу я лилий северных...* /

Нежны, прозрачны и легки, / Они, как звёздочки, рас-
сеяны / По заводям лесной реки («Не привезу я лилий
северных...»).

И даже без подобных определений само по себе
прилагательное *северный* в поэзии Д. Ушакова приоб-
ретаёт положительную коннотацию как характерис-
тика реалий родного и любимого поэтом края: *Как
снега, я развеял разлуку / По излучинам северных рек*
(«Исповедь»); *Вы не плачьте, озерные гуси, / Улетая
от северных мхов* («Потери»); *И счастливо сердце
застучало / Среди укосных северных равнин... / Жизнь
всегда вернет тебя к началу, / И напомним, чей ты все
же сын* («Травы»); *И эти северные дали / Не просто
мой тревожат взгляд... / Они меня не провожали, /
И, может быть, не ждут назад* («Завет»); *Как стран-
но, вы в столице, я вот тут – / В почти пустынной
северной деревне* («Надежды»); *В деревушке северной
где-то / Земляки моей восточки ждут...* («На крейсере
“Варяг”»); *Как странно: далеко вы – я вот тут, /
В полубожитой северной деревне* («Надежда»).

Не меньшим выразительным потенциалом обла-
дает и слово *северянин*, обозначающее уроженца и
жителя Севера: *Я северянин. Что ни говори, / Лишь в
том краю моих желаний бухта* («Вот так всегда. Бун-
тую по весне...»); *Вот такая страшная мука / Севе-
рянам досталась с войны* («Невосполнимое»);
*...Земляки-северяне, / Да нам ли природу хулить? – /
Когда на таких расстояньях / Нам выпала долюшка
жить!* («О главном»).

С концептом СЕВЕР в творчестве Дмитрия Уша-
кова напрямую связан и концепт РОДИНА.

Под словом *Родина* поэт чаще всего понимает
родной северный край, свою малую родину, однако
любовь к ней предполагает такое же чувство и к
большой Родине, Отечеству: *На родине я – краше нет
судьбы! <...> Всё та же родина. Всё те же / На
взгорках проблески огней...* («На Родине»); *И потому
не беспричинно / Я поклоняюсь вновь и вновь / Реке и
лесу – двум былинам, / Творящим к Родине любовь*
(«Который год по тропкам росным...»); *Но с каждым
новым шагом / Родину я глубже познавал* («Малая
родина»); *Справа речка, слева озеро, / Между ними
прозелень болота. / Это малой родины лицо, / И в
него взглядеться мне охота* («Малая родина»); *И ма-
лая родина, вроде, / Всё так же приветна ко мне*
(«Вечная страдалница»); *Разоренье малых родин на-
ших – / Это гибель всех иных краин* («Малая родина»).

Прилагательное *родной* имеет значения: 1) ‘со-
стоящий в родстве’, 2) ‘свой по рождению, по духу,
по привычкам’, 3) ‘дорогой, милый (при обращении)’
[6, с. 680]. В поэтическом контексте, прежде всего,
проявляется второе значение, однако создается впе-
чатление, что оно пересекается с двумя другими. Рас-
смотрим синтагматику.

Край: *Где разбою этому начало, / Что совсем по-
губит край родной?* («Малая родина»); *Ну, как на
речь родного края / Мне не откликнуться строкой?*
(«Что может быть милей и проще...»); *Тоскуя по род-
ному краю, / К загаданному рубежу / Который год не
приезжаю, / Который год не прихожу* («Тоскуя по
родному краю...»).

Сторона, пределы: *Границ и пределов не надо
иных, / С родной стороною я накрепко связан. / Я вы-*

*рос в просторах ее буревых, / Одной ей – и жизнью и
песней обязан* («Счастье»); *Ты встаёшь в красе неви-
данной, / Сторона моя родная, / Словно девушка на
выданье, / Красотой своей пленяя* («Ты встаёшь в
красе невиданной...»); *А ещё по очень добрым сказ-
кам, / Что живут в сторонкушке родной* («Родная
сторона»); *И остаток дней своих / Посвяти родным
пределам, / Чтоб по праву петь о них* («Ты не сетуй
понапрасну...»).

Природные объекты: *Хотел бы я помочь родной
природе, / Но чем помочь на деле я смогу?* («Снега не
просто стают, а вольются...»); *С собой в поход далё-
кий / Взяв горсть родной земли* («Об удали помо-
ров...»); *Родные чащобы и пожни, / Вновь с вами пе-
чалью делюсь...* («Опять в моих северных рощах...»).

Созданное человеком: *Но родные пороги / Лежат
впереди* («Ой, Россия, Россия!...»); *Вдруг запевали
грустно россияне / О стороне, в которой дом родной*
(«Как выходили прадеды в матросы?...»); *И, устав и
промёрзнув до дрожи, / Возвратиться в родную де-
ревню* («Я пришёл из далёкого края...»).

Синонимом слову *родной* является прилагатель-
ное *родимый*, тем не менее, оно по сравнению с пер-
вым представляется более искренним, проникновен-
ным. Рассмотрим синтагматику.

Край: *Мне хватает и собственной грусти, / Я в
родимом краю нездоров* («Потери»); *Что висают
над родимым краем / Два чёрных неприветливых
крыла* («В просторах ночи»); *Вот они... Дело дедов
продолжив, / По-хозяйски в родимом краю, / Как ска-
зало им сердце, как должно, / Совершают работу
свою* («Хлеб да соль»).

Земля, места, пределы: *Я подобных затей не при-
емлю... / Сиротливым безмолвием стен / Оскудили
родимую землю / И замкнули красу её в плен* («По
приказу свезли воедино...»); *Чтоб снова я понял, как
святы / Родимые с детства места* («Давно бы пора
по завету...»); *А лебеди плачут на озере дальнем, /
Тоскуют они о родимых пределах...* («Опять этот ве-
тер, гудящий в трубе...»); *К земле родимой молча
прикоснись, / Она своим дыханьем обогреет* («Ма-
линники на старых вырубках...»).

Природные объекты: *Потащила без спросу бы / в
ту родимую даль, / где морозною проседью / зады-
мился асфальт* («Три тысячи вёрст»); *До чего же хо-
рошо на свете, / Вновь родимым воздухом дышу!*
(«Травы»).

Созданное человеком: *Скудеют родимые веси...*
(«Размышления у зимней речки»); *И ушёл я к роди-
мому дому / На исходе весёлого дня* («Посулила судь-
ба перемену...»); *А с этим теплее и проще / В пути и
в родимом дому...* («У всех каргопольских церкву-
шек...»).

С Родиной напрямую связаны слова *род*, *родник*:
*Корень рода был здесь. / Да повыбиты корни, / Заму-
тились далекой поры родники* («Отчина»).

Концепт РОДИНА представлен в поэзии Д. Уша-
кова и словообразовательными гнездами с вершинами
отец, батя, дед, традиционно соотносимыми с поня-
тием *родной*.

Отчий, отеческий, отцовский, отчина:

Край: *Только не считайте бедолагой – / Я свой
отчий край не выбирал* («Малая родина»); *Мой от-*

чий край, тебя таким я вижу, / Таким благословляю и пою... / Но за судьбу твою тревожусь трижды, / Когда о планах рубки узнаю («Снега не просто стают, а вольтуют...»); Ах, **отчий** край! Как много перекосов / Не минуло тебя, не обошло («В просторах ночи»); К заветному **отчому** краю / Полечу, чтоб ему поклониться («Новоселья»); Как же так получилось, что **отчину** помня, / Навещаем ее в отпускные деньки? («Отчина»).

Дом: **Отчий** дом, не забытый – Навеки родной («Ой, Россия, Россия!...»); И двухэтажный **отчий** дом – / Лишь это только изначально («Архангельску»); Но главное – люди не сдали, / Держась за **отеческий** дом («О главном»); Сползает частый дождик с крыши... / И всё я думаю о том, / Что снова родину я слышу, / Что навестил **отцовский** дом («На Родине»); И всё мне кажется порой, / Что я опять живу, мальчишка, / В избе **отцовской** под горой («Родине»).

Пределы, уголок, корень: И всё это в **отчих** пределах, / В которых рождён я и рос... («Озёра Севера»); Ведь как река стремится к океану, / Так я стремился в **отчий** уголок («Отчина»); Здесь **отчий** корень мой («Родня»).

Батькин, дедов: Казалось мне, что все дороги / Сходились к **батькиной** избе <...> Но, как всегда, меня дорога / Приводит к **батькиной** избе («Родине»); Но много лет я в **дедовой** избежке, – / Так время загадало, – не бывал («Отчина»); Там **дедова** горбатилась избёнка... («Детство»).

Необходимо отметить и активное употребление притяжательного местоимения *мой* в атрибутивной функции для обозначения родных для поэта мест.

Край, сторона: Зимой и весной / **мой** край неизменно красив («Поморью»); Говорят, что особой поэзии нет / В стороне **моей**, / Гулкой от светлых метелей... («Говорят, что особой поэзии нет...»); Что мне осень, и весна, и лето, / Если избы здесь трухлявей пней, / Если даже малого просвета / Нет в судьбе сторонюшки **моей** («Безвременье»).

Земля: Смогу ли я за них додумать, / За них прикинуть и понять?... / Но из земли **моей** узрюмой / Ни одного мне не поднять («О сверстниках»); Журавли, оставьте песню! / Вас уносит вдаль тоска. / А земля **моя** чудесна, / Так мила и так близка («Белки трудятся на славу...»).

Станция, деревня: Всё чаще обиды и ссоры / На станции малой **моей** («Всё чаще немые укоры...»); **Моя** деревня, почему – не знаю, / Ты стала вдруг желанной и родной («Я в Шожме не был года три, пожалуй...»).

Для наименования Севера Д. Ушаков использует выразительные описательные выражения в основном со словами *край*, *сторона*, *земля*, указывающие:

- на географическое положение: Знать, творится неладное что-то / В **приполярном** пределе земли («Об экологии»); Вот и пойми, какие были души, / Как преданно любить они могли, / Штормами и ветрами перестуженный, / Неласковый **полярный край** земли («Как выходили прадеды в матросы?...»); Волнует этот, **русский край** земли («На Родине») – слово *край* здесь выступает в значении ‘предельная часть’ [6, с. 303]; Я пришёл из **далёкого края**, / Из лесов величавых и древних, / Где полярные зори играют, / Поджигая вершины деревьев («Я пришёл из далёко-

го края...»); Мой поезд под стук-перестук / Уносит к **полярному краю** / Незримую тяжесть разлук («Разлука») – *край* ‘страна, область’ [6, с. 303];

- на природные особенности: Хлеб да соль **сторонне** незакатной, / И поклон от её сыновей... / Далеко улетали когда-то, / Но не видели края светлей («Хлеб да соль»); И сердце тягостно холонет / Среди панелей и камней / И стонет, горестно так стонет / По **вьюжной родине** моей («Индустриальный пейзаж»); Соберётся птичья стая, **край остуженный** покинет... («Грусть»); Так обжигались. Горестно, но прочно, / Порой тянули из последних сил... / Чтоб стал навеки **край полярной ночи** / Частицею Руси («Под сполохи полярного сиянья...»); В заполярный посёлок уехала ты, / В **край студёных ветров и сплошной мерзлоты**... («В заполярный посёлок уехала ты...»); Возьми мои песни, / рассыпь в **ледяном краю**... («Поморью»);

- на историко-культурный статус: Беднеет мой **край вековой**... («Размышления у зимней речки»); Нет, мы не бедны на щедроты / В **краях, вековечных, как Русь**... («О главном»); Вот вскроются реки. И вскоре / Разгонят волну корабли, / Пробившись сквозь Белое море / До нашей **поморской земли** («Желанная дорога»); Я уезжаю. Так, наверно, лучше. / Меня **поморская** излечит **сторона** («Утрата»);

- на субъективную характеристику: Далёкий путь торить не в тягость мне / В **заветный край, единственный на свете** («Вот так всегда. Бунтую по весне...»); У судьбы прошу одной я милости – / Дай хоть напоследок порадеть: / В том **краю, где довелось мне вырасти**, / Пусть мне доведётся умереть («Неизбывный свет»); **Нет края суровой и прощя** («У Белого моря»).

В. Рогачев пишет о Дмитрие Ушакове и его творчестве: «Он – лирик, который в лучших своих вещах философичен без ригоризма, правдив. <...> в его стихах очень много света, сконцентрированном на очень малом пространстве – то, что мы понимаем под словами “сердце”, “душа”» [8, с. 124]. Рецензент О. Гладышева отмечает: «Его Север не манит приветливостью угоров, не печалит кротостью деревянных куполов, не тешит сердце размахом индустрии. Его Север – поморский, сдержанный. Он блекло-голубой, белесый, серебряный, в “негаснущем белом огне”» [3, с. 123]. У Евгения Богданова читаем: «Через все творчество Дмитрия Ушакова красной строкой проходит глубокая любовь к Родине, к Северу, к его людям – честным, прямым и отважным» [1, с. 4].

Осязаемо родными и близкими представляются образы и картины, вышедшие из-под пера Дмитрия Ушакова, и хочется воскликнуть вслед за поэтом: *Но я в краях иных, не здешних, / Уверовал без лишних слов, / Что только Север мне завещан, / Что только им я жив-здоров* («До смертных лет»). Подробнее о концептуализации образа Севера в творчестве поэта с помощью различных лингвистических средств (топонимов, фольклоризмов, диалектизмов, профессионализмов и др.) см. в нашей работе [7, с. 82–113].

Литература

1. Богданов, Е. С любовью к земле родной / Е. Богданов // Правда Севера. – 1982. – 15 сентября. – С. 4.

2. Галимова, Е.Ш. Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы / Е.Ш. Галимова. – Архангельск, 2013. – 128 с.
3. Гладышева, О. Лики Севера / О. Гладышева // Север. – 1974. – № 2. – С. 123–124.
4. Доморощенин, С.Н. «Я немножко тоже Русь»: сборник интервью с писателями / С.Н. Доморощенин. – Архангельск: КИРА, 2013. – 325 с.
5. Любомудров, А.М. Север России в истории русской литературы XX века (по материалам словаря Пушкинского Дома) / А.М. Любомудров // Северный текст русской литературы. – Архангельск, 2009. – Вып. 1. – С. 5–19.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва, 1991. – 917 с.
7. Петров, А.В. Север в северной поэзии: лингвистический аспект: монография / А.В. Петров. – Архангельск: КИРА, 2018. – 121 с.
8. Рогачев, В. Доверяя личному чувству / В. Рогачев // Север. – 1970. – № 7. – С. 124–125.
9. Ушаков, Д.А. Из лирической тетради / Д.А. Ушаков // Спохохи. – Архангельск, 1992. – Вып. 2. – С. 191–201.

A.V. Petrov

CONCEPTUALIZATION OF THE IMAGE OF THE NORTH IN THE POETRY BY DMITRY USHAKOV

The article deals with the conceptualization of the image of the North in the poetical works by Dmitry Ushakov, one of the creators of the Northern text as a local supertext in Russian literature. The concept NORTH in the context of the works by D.Ushakov has something in common with the concept MOTHERLAND. Both concepts are primarily represented by capital lexemes and their derivatives.

Dmitry Ushakov, conceptualization, Northern text, personification, syntagmatics.

УДК 821.161.1

А.В. Загуменов

Вологодский областной центр медицинской профилактики

ГРАДУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ИСТИНА–ПРАВДА–НЕПРАВДА–ЛОЖЬ» В ТЕКСТЕ «ДОМОСТРОЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ СИЛЬВЕСТРОВСКОГО ИЗВОДА, ИЗДАННОГО И. ГЛАЗУНОВЫМ В 1902 ГОДУ)

Статья посвящена проблемам антонимических отношений на определенном срезе истории русского языка. В частности, на материале текста «Домостроя» с привлечением сведений по этимологии (М. Фасмер) обосновывается наличие градуальной оппозиции «истина–правда–неправда–ложь». Выводы работы основаны на анализе контекстов самого памятника XVI века и сопоставлений с данными лексикографических изданий.

Градуальная оппозиция, «Домострой», XVI век.

Вероятно, обозначенная тема статьи может показаться противоречащей давно устоявшимся положениям об антонимических отношениях в лексической системе. Достаточно привести в пример типологию противопоставлений, разработанную Л.А. Новиковым, в которой пары *истинный – ложный*, *истинно – ложно*, *истина (правда) – ложь* [7, с. 289] относятся к комплементарной («дополнительной») группе слов. Согласно этой концепции, между обозначенными противоположностями *нет ничего среднего, поэтому отрицание одного равносильно утверждению другого* [7, с. 289]. Действительно, такое положение дел может быть обосновано как текущее состояние синхронического среза современного русского литературного языка. Заметим, однако, что формулировка темы предлагаемого исследования определена рядом факторов.

Во-первых, в качестве материала выступает только одна из нескольких публикаций «Домостроя» [1; 3; 5 и др.] – памятника, окончательно составленного в донациональный период русского языка (XVI век). Во-вторых, ограниченность текстом этого сочинения позволяет избежать сравнительно-сопоставительного анализа понятий Истины и Лжи в зарубежной философской литературе, богословских трактатах, а также иных жанрах, включая произведения народного творчества. Наконец, в-третьих, изданный И. Глазуновым Сильвестровский извод представляет собой так называемый «Коншинский список» *съ некоторыми добавлениями по другим спискам. Места, неудобныя для класснаго изученія, выпущены. Орвографія, по возможности, удержана подлинная* (цит. по: [4, с. II]). Иными словами, этот текст является адаптацией и «усредненным вариантом» для изучения в гимназиях и школах, что имплицитно содержит и лингводидактический аспект, но в данной работе он не затрагивается.

Лексико-семантическая система наиболее восприимчива к изменениям в жизни этноса, а потому

следует учитывать, что между XVI веком и современностью находятся XVII столетие с его бунтами и церковным расколом, XVIII столетие с языковой политикой Петра I, эпоха А.С. Пушкина, творчество А.П. Чехова, идеологическое влияние СССР и многое другое. Иными словами, перенос готовых теоретических разработок и типологий, в том числе и классификаций антонимических отношений, неадекватен хотя бы потому, что *апперцепционная база коммуникантов* (в нашем случае – составителя «Домостроя» и читателя. – А. З.) *полностью не совпадает в силу временного разрыва* [2, с. 17–18]. Вследствие этого необходимо дать этимологические справки по каждому члену предполагаемой градуальной оппозиции, а после – выявить реализацию каждого компонента в своем контекстном окружении.

Согласно словарю М. Фасмера, «истина» восходит к *истый, истовый, др.-рус. исто «капитал», укр. істний «истинный, настоящий», ст.-слав. истъ, истовъ «истинный, суций», болг. ист «тот же самый», исто «также» <...> чеш. jisty «подлинный, верный, определённый, определённый, надёжный» [9, т. 2, с. 144]. В словаре XI–XVII веков: 1. Истина, правда. 2. Верность кому-, чему-л. 3. Действительность, действительное положение вещей. 4. Справедливость. 5. Подлинное, действительное количество товара, денег (без прибыли) [8, т. 6, с. 319–320]. Этим анализом очерчена минимальная совокупность всех значений, покрываемых рассматриваемым элементом.*

В свою очередь «правда» восходит к укр. правда, др.-рус., ст.-слав. правьда, болг. правда – *то же, а также в знач. «поголовье скота», сербохорв. právda «правда; тяжба», словен. právda «положение, закон, судебное дело» <...> От *pravъ (см. правый). Отсюда произведены праведный, др.-рус., ст.-слав. правьдънь [9, т. 3, с. 352]. При этом правый, прав, права, право, укр. правий, блр. правы, др.-русск правъ «пря-*

мой, правильный, невиновный» <...> Вероятно, из *rǫb-vos от rǫb- (ср. пра-), родственного лат. rōbus «добрый, честный, порядочный» (Там же). В словаре XI–XVII веков: 1. *Правда, истина*. 2. *Справедливость как свойство праведника; праведность, благочестивость*. 3. *Справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права; праведные деяния; исполнение божественных заповедей, долга*. 4. *Правдивые, справедливые слова, речи*. 5. *Правота; отсутствие вины*. 6. *Правдивость, честность*. 7. *Повеление, заповедь*. 8. *Установление, правило, закон; свод законов*. 9. *Договор, условия договора*. 10. *Обет, обещание*. 11. *Право, права*. 12. *Право суда*. 13. *Суд; судебное испытание*. 14. *Оправдание*. 15. *Свидетель*. 16. *Пошлина за призыв свидетеля*. 17. *Правды, мн. Дела, важные обстоятельства, вопросы* [8, т. 18, с. 96–99]. Обращает на себя внимание взаимосвязь значений для двух элементов: 1. *Истина, правда* [8, т. 6, с. 319] и 1. *Правда, истина* [8, т. 18, с. 96]. При сходстве семантики в некоторых употреблениях цитируемый источник демонстрирует и значительное расхождение в дефинициях лексем.

Примечательно, что префикс «не-» в слове/ЛСВ «неправда» не является отрицанием всех выше данных составляющих, что фиксирует (СлРЯ XI–XVII): 1. *Несправедливость, беззаконие, насилие, противозаконный поступок*. 2. *Неправда, ложь* [9, т. 11, с. 238]. Последнее значение обуславливает наш переход к еще одному компоненту.

Этимологически «Ложь» восходит к *лгать, лгу, также ложь, род. п. лжи* <...> Родственно др.-лит. *lūgīnaitē* «предательский, изменнический» [9, т. II, с. 469]. В словаре XI–XVII веков «Ложь» имеет три омонима: 1. *Ложь: Ложь, обман*. 2. *Ложь: Лжец*. 3. *Ложь: Факел* [8, т. 8, с. 275–276]. Для нашей статьи приоритетным является первый из перечисленных.

Благодаря словарям выявлены две связи, не совпадающие по своей полноте: **истина-правда** (*Истина, правда* [8, т. 6, с. 319] и *Правда, истина* [8, т. 18, с. 96]), **неправда-ложь** (*Неправда, ложь* [8, т. 11, с. 238] и *Ложь: Ложь, обман* [8, т. 8, с. 275–276]). Возникшая асимметрия (С.О. Карцевский) позволяет допустить, что в пределах каждой пары семантически смежных понятий одно из них маркировано по потенциальному объему значения. Вероятно, и контекстуально на различии полноты двух связей (истина-правда и неправда-ложь) образуется минимальная дистрибуция контекстов со своим содержанием.

Действительно, взаимодействие в пределах первой пары понятий, которое отмечается и у Л.А. Новикова (см. выше), и в «Словаре русского языка XI–XVII», фиксируется также в тексте «Домостроя». В одном случае встречается *праведень буди и истинень и смиренъ* [4, с. 7], в другом – *аще свое дѣло истинно и праведно, безъ волокиды и безо всякия хитрости соверши* [4, с. 71], причем представленные контексты позволяют утверждать о некоторой «параллельности» в употреблении. И только единичный пример снимает образованную избыточность «ценностно-смыслового пространства» (Н.Ф. Алефиренко) ресурсами языковой системы: *Имѣй, чада, истинную правду и любовь нелицемерную ко всѣмъ* [4, с. 63]. Сло-

вообразовательное значение выделенного элемента *имет не индивидуальный, а групповой, обобщенный характер. Оно свойственно не одному слову, а определенному словообразовательному типу слов* [6, с. 113], и его можно интерпретировать в рамках лингвистического представления как *признак, относящийся к предмету, названному мотивирующим существительным* [6, с. 113]. Важно отметить, что практически весь предыдущий этап анализа направлен не на характеристику «упущений», «поспешных выводов», а на фиксацию глубины «языкового чутья» Л.А. Новикова, который неосознанно в своих работах воспроизвел (= «транслировал» в терминах Г.П. Щедровицкого) исторически бытовавшую координацию двух понятий.

Помимо «истинности» как характеристики обычного поведения (*праведень буди и истинень и смиренъ* [4, с. 7]; *аще свое дѣло истинно и праведно* [4, с. 71]), в «Домострое» она необходима и как составляющая ритуального поступка, покаяния: *Аще Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, ино врачеватися Божією милостію, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ* [4, с. 24], *и плачися о грѣсѣхъ своихъ, и кайся истиннѣ, еже таковая не творити* [4, с. 64]. Нарушение этих требований уже «не-истина», и с учетом выявленной в (СлРЯ XI–XVII) связи – «не-правда». При этом один из контекстов (единичный пример) указывает на наличие оппозиционных отношений: *Царя бойся и служи ему вѣроу, и всегда о немъ Бога моли и ложно отнюдь не глаголи предъ нимъ; но, съ покореніемъ, истину отъѣцай ему* [4, с. 9]. Этот фрагмент оформляет противопоставление двух «крайних» звеньев (истина/ложь) в рассматриваемой цепи элементов, но ситуация усложняется «центральными» составляющими.

Оппозиция «Правда/Неправда» наличествует в тексте на уровне названия глав: *О праведномъ житіи* [4, с. 26] и *О неправедномъ житіи* [4, с. 25]. К первому полюсу противопоставления относятся такие «положительные» качества человека, как: *терпѣливъ въ напастехъ и недосадитель, всякому челоѣку щедръ, милостивъ, нищекормилецъ, страннопріимникъ* <...> *кротокъ, не словохотень, не златолюбецъ, не друголюбецъ, не гордъ, боязливъ предъ Царемъ* [4, с. 8]; *не лихъ буди* [4, с. 9], *славы земныя ни въ чемъ не желай* [4, с. 9], *всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи* [4, с. 9], *обидимъ не мсти, хулимъ моли; зла за зло не воздавай; согрешающая не осуждай* [4, с. 9]. Императивные формы (не буди, не желай, терпи, не мсти, моли, не воздавай, не осуждай и др.) оказываются структурирующим компонентом эталона-образца поведения человека, готового (и должного) соответствовать данному идеалу.

К «неправедному» были отнесены такие деяния человека, как: *отъ объяденія и пиянства* [4, с. 15]; *пустошныхъ бесѣдъ и смѣхотворенія неподобнаго* [4, с. 15]; *отъ татѣбы* [4, с. 15]; *и отъ лжи и клеветы и зависти* [4, с. 15], *или лихоимецъ, или идолослужитель, или ругатель, или пьяница или хищникъ* [4, с. 15]; *ни отъ насилія, ни отъ грабленія, или отъ всякого милошества ни отъ посулу, ни отъ поклепу, ни отъ резомшества, ни отъ ябедничества, ни отъ крива-суда. Аще отъ сего зла Богъ соблюдетъ, тотъ домъ*

будеть благословень отъ нынѣ и до вѣка [4, с. 24] и другие. Как покажет дальнейшее изложение, «правда» и «неправда» не только асимметричны на уровне объема значений, фиксируемых словарем, но и не всегда совпадают в контекстной реализации.

Правда в разбирательствах, в том числе и судебных: *Аще людѣмъ твоимъ лучится съ кѣмъ брань где нибудь, и ты на своихъ брани; а кручиновато дѣлю, и ты ударь, хоти и твой правъ: темъ брань утолиши, такоже убытокъ и вражда не будетъ* [4, с. 69]; *судить праведно и нелицемерно* [4, с. 26], *а ото всякаго обидящаго беречи ихъ въ правдѣ* [4, с. 26], *во всемъ въ томъ винихся, и не оправдахся предъ чловѣки: Богъ сіе праведнымъ Своимъ милосердіемъ исправитъ* [4, с. 66]; *но праведенъ судъ судите* [4, с. 71]. Обращает внимание на себя факт амбивалентности в представленной группе контекстов. Так, например, *а кручиновато дѣлю, и ты ударь, хоти и твой правъ*, но как же *судить праведно и нелицемерно и праведенъ судъ судите?* Только при условии, что *во всемъ въ томъ винихся, и не оправдахся предъ чловѣки: Богъ сіе праведнымъ Своимъ милосердіемъ исправитъ*. С позиций словарных дефиниций контексты реализуют в определенной степени толкования 11. *Право, права*. 12. *Право суда*. 13. *Суд; судебное испытание*. 14. *Оправдание* [8, т. 18, с. 97–99]. В то же время описанные значения не фиксируют различия между идеальным-ценностным представлением о суде и его практической стороной.

Правда в службе: *Како царя и князя чтити и повиноватися во всемъ, и всякому покорятися, и правдою служити имъ во всемъ къ болишимъ и менишимъ* [4, с. 8], *Аще земному царю правдою служихи, и боишия его* [4, с. 9], *и государское жалованья хочеть выслужитъ правдою и прямою своею службою* [4, с. 23], *служи вѣрою и правдою* [4, с. 71], *служили бы государемъ своимъ верою и правдою <...> и праведными трудами* [4, с. 23]. В представленных контекстах амбивалентности нет и с позиций идеала государства быть не должно: если в ситуации разбирательства судящий может быть субъективен, то служба вышестоящему – объективна и является основой всей иерархической системы общества. Отступление от нее сродни предательству и «измене».

Правда в «житии» (близкое к современному «жизнь»): *О праведномъ житіи* [4, с. 26], *А вѣдаеш и самъ, что не богатствомъ жито съ добрыми людьми: правдою да ласкою да любовію, а не гордостію, и безо всякія лжи* [4, с. 70], *храни и блюди себѣ въ христіанскомъ жити праведномъ законѣ* [4, с. 64], *праведнымъ стяжаніемъ жити подобаетъ всякому христіанину* [4, с. 26]. В представленных контекстах содержится второе противопоставление «правда/ложь» (первое – «истина/ложь»). Такое взаимодействие дополнительно характеризует эти слова как антонимы, выражающие «градуальную качественную противоположность» (Л.А. Новиков).

Правда в «Бытии»: *быти во всякомъ христіанскомъ законѣ, и во всякой чистой совести и правдѣ* [4, с. 5], *праведенъ буди и истиненъ и смиренъ* [4, с. 7], *лучше неправеднаго богатства, аще и въ*

праведнемъ убожествѣ, неже бы въ неправеднемъ богатствѣ [4, с. 62]. Одна из особенностей этой группы контекстов заключается в возможности распределения среди других типов, «тематических реализаций».

Правда в делах и трудах (вообще, без уточнения): *и праведными трудами* [4, с. 23], *покоити достойно, отъ своихъ праведныхъ трудовъ* [4, с. 23–24], *свое дѣло истинно и праведно* [4, с. 71], *И милостыня та отъ праведныхъ трудовъ, и Богу пріятна* [4, с. 26], *отъ своихъ праведныхъ трудовъ* [4, с. 63], *и милостыню даютъ отъ праведныхъ трудовъ* [4, с. 35], *якоже мню отъ праведныхъ трудовъ, а въ невѣданіи Богъ правитель* [4, с. 62]. Абстрактность представления о занятости человека закрепляет нормативность правды как идеала, без допуска его амбивалентности. Последующие группы контекстов, исходя из их содержания, могут быть отнесены к уже перечисленным группам, однако мы решили продолжить дробление.

Правда в соблюдении христианского закона: *храни и блюди себѣ въ христіанскомъ жити праведномъ законѣ* [4, с. 64], *и христіанскаго праведнаго закона не храниши* [4, с. 70]. Данная группа контекстов связана с актуализацией словарного значения 3. *Справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права; праведные деяния; исполнение божественных заповедей, долга*, однако формально может быть отнесена к группам реализации понятия в «житии» и «бытии».

Правда в «экономической сфере» делится на два пункта.

1. Правда в «стяжании»: *пріятна милостыня отъ праведнаго стяжанія и отъ добрыхъ дѣлъ* [4, с. 10], *праведнымъ стяжаніемъ жити подобаетъ всякому христіанину* [4, с. 26].

2. Правда в «уроке» (плата, налог): *довольни будуть уроки праведными и творити* [4, с. 26], *или на приказѣ: праведные уроки, въ подобно время, емлетъ* [4, с. 26].

Эта сумма контекстов может быть отнесена и к группам реализации «правды» в «житии», «делах и трудах». Если опереться на предикат «иметь» (и образованные от него слова), то часть приведенных примеров демонстрирует иную конфигурацию: *тогда принеси даръ свой къ Богу, отъ праведнаго своего имѣнія: отъ неправды непріятна милостыня* [4, с. 10], *Имѣй, чада, истинную правду и любовь нелицемерную ко всѣмъ* [4, с. 63], *или на приказѣ: праведные уроки, въ подобно время, емлетъ* [4, с. 26]. Такое разнообразие вызвано, с одной стороны, системностью самого текста, а с другой – периферийностью и размытостью самих значений. Вместе с тем один из фрагментов вновь актуализирует противопоставление «правда/неправда»: *тогда принеси даръ свой къ Богу, отъ праведнаго своего имѣнія: отъ неправды непріятна милостыня* [4, с. 10]. Получается, что среди четырех вынесенных в заглавие статьи элементов выявляются две семантически связанные пары и три основные оппозиции (см. табл.).

СМЕЖНОСТЬ И АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕКСТЕ «ДОМОСТРОЯ»

Пары	Истина–Правда		Неправда–Ложь	
Оппозиции	Истина/Ложь	Правда/Ложь; Правда/Неправда	Неправда/Правда	Ложь/Истина; Ложь/Правда

При этом без учета контекстов реализации «неправды» и «лжи» полученные сведения невозможно признать окончательными. Более того, появляется возможность сопоставить координацию слов/понятий в пределах данного варианта памятника.

Неправда в соблюдении христианского закона: *отъ неправды неприятна милостыня* [4, с. 10], *неправедницы Царствія Божія не наслѣдуютъ* [4, с. 15]. В данной группе наблюдается синтез «бытия» и «жизни», в связи с догматом православной церкви о воскресении мертвых.

Неправда в экономической сфере делится на две группы.

1. Неправда в стяжании: *и всякаго неправеднаго стяжанія не желати* [4, с. 26].

2. Неправда в собрании: *и всякаго неправеднаго собранія <...> не любити* [4, с. 15], *и всякимъ лукавымъ ухищреніемъ и неправеднымъ собраніемъ богатѣеть* [4, с. 25], «неправеднаго собранія» [4, с. 27]; *лучше неправеднаго богатства, аще и въ праведнемъ убожествѣ, неже бы въ неправедномъ богатствѣ* [4, с. 62]. Последний пример эксплицирует двойную оппозицию: неправедное богатство/праведное убожество, но в данной работе пересечения с другими противопоставлениями фиксируются без подробного исследования.

Неправда в деле, трудах вообще: *чинить всякую неправду и насиліе и обиду* [4, с. 25], *и всякое угодье неправдою и насиліемъ сотворить* [4, с. 25]. В примерах «всякий» выступает в качестве обобщающего члена для «применения» высказывания к любой ситуации.

Следующие группы единичны, однако составляют самостоятельный перечень, где «неправда» в 1) «имении» – *или неправеднымъ имѣніемъ* [4, с. 27], *И ты, чадо, блюдиися неправеднаго имѣнія* [4, с. 62]; 2) «жизни» – *О неправедномъ житіи* [4, с. 25]; 3) разбирательствах, в том числе и судебных – *или не прямо судить или неправедно обыскиваетъ* [4, с. 25]. Как демонстрирует анализ, контексты реализации практически идентичны таковым у слова-понятия «правда». Переходим к анализу фрагментов с реализацией элемента «ложь».

При опыте группировки примеров наиболее адекватным для изложения принципом была выбрана оппозиция по направлению: «От Я-Говорящего/от Они-Говорящие». Первый полюс противопоставления представлен контекстами: *не пецися служити лжею и клеветою и лукавствомъ, погубить Господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть* [4, с. 9], *всегда беречися <...> и отъ лжи и клеветы и зависти* [4, с. 15], *и устне свои еже не глаголати лъсти; храни себе ото лжа, и отъ похвалы, и отъ клеветы* [4, с. 64], *А вѣдаешъ и самъ, что не богатствомъ жито съ добрыми людьми: правдою да ласкою да любовію, а не гордостію, и безо всякія лжи* [4, с. 70]. Языковыми ресурсами, такими

как постфикс -ся (не пецися; беречися), местоимения (свои, себе, самъ), подчеркивается инициативность того, кто в буквальном смысле воплощает рассматриваемое понятие. В свою очередь направление со стороны «других» распадается на ряд подгрупп со своим содержанием.

Ложь от человека вообще: *А кто... или прилжетъ, или божится накривѣ: не только сделано, или не въ толькѣ стало, – а онъ лжетъ, – и те все дела не угодны Богу* [4, с. 20], *учити: не красти, не солгати* [4, с. 21], *Всякой бы человекъ <...> не солгалъ* [4, с. 22], *а кто <...> солгалъ <...> наказывати, и пеня чинити* [4, с. 56], *или кто клянется именемъ Божиимъ во лжу или клевететь на друга: тутю-жъ прочти и 24 главу* [4, с. 25]. Последний пример позволяет говорить о гипертексте, поскольку отсылает к главе о «О неправедномъ житіи» [4, с. 25].

Ложь от слуг, прислуги: *и слугъ лжи и клеветы не слушати* [4, с. 34], *ино той слуги, мужику или женки или девки, у неволи, заплакавъ, и лгать* [4, с. 27], *а государю бы и государыни не лгали, и не клеветали ни на кого ни въ чемъ* [4, с. 23]. В предыдущей группе был аналогичный пример: *или кто клянется именемъ Божиимъ во лжу или клевететь на друга: тутю-жъ прочти и 24 главу* [4, с. 25].

Следующие примеры единичны, где «Ложь» 1) от жены (*Да чему самъ отъ государя научень, тово бы и жены наказывали... и не лгала* [4, с. 23]) и 2) от себя посредством предмета (*А посылати питіе вополнѣ, а ѣству ѣѣлу: ино солгать не умѣтъ!* [4, с. 33]). Предварительно всем осуществленным анализом допустимо утверждать, что в исследуемом варианте памятника «истина» выступает абстрактным пределом, правда – идеалом, неправда – нарушением идеала, ложь – конкретным пределом коммуникативного воздействия, осуществляемом в координатах искаженного идеала. Все эти четыре точки выступают стержневыми компонентами градуальной оппозиции, обладающей своей значимостью в памятнике XVI века.

Список сокращений

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.

Литература

1. Афанасьев, А.Н. Об археологическом значении «Домостроя» / А.Н. Афанасьев // Отечественные записки. – 1850. – Т. 71. Отд. 2. – С. 33–46.
2. Гайнуллина, Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Гайнуллина Н.И. – Алматы, 1996. – 54 с.
3. Домострой благовещенского попа Сильвестра. Сообщено действительным членом императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете, Д.П. Голохвастовым. – Москва: Университетская типография, 1849. – 114 с.
4. Домострой Сильвестровского извода. – 2-е исправленное и дополненное издание И. Глазунова. – Санкт-Петербург: Типография Глазунова, Казанская ул., № 8, 1902. – 142 с.

5. Колесов, В.В. Домострой как памятник средневековой культуры / В.В. Колесов // Домострой. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 301–356.

6. Морфемика и словообразование русского языка: учеб. пособие / М-во образования Рос. Федерации, Вологод. гос. пед. ун-т; [отв. ред. Л.Г. Яцкевич]. – Вологда: Русь, 2002 (Литография Сев. лесоустроит. предприятия). – 283 с.

7. Новиков, Л.А. Избранные труды = Selected works / Л.А. Новиков. – Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. – Т. 1: Проблемы языкового значения. – 672 с.

8. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 т. – Москва, 1975–2015.

9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Москва: Прогресс, 1986.

A.V. Zagumennov

**GRADUAL OPPOSITION «ИСТИНА–ПРАВДА–НЕПРАВДА–ЛОЖЬ»
(«ULTIMATE TRUTH–TRUTH–FALSEHOOD–LIE») IN THE DOMOSTROI TEXT:
FRAMEWORK OF THE RUSSIAN-POLISH SEMANTIC EQUIVALENCE
(ON THE MATERIAL OF SILVESTR'S VERSION, PUBLISHED BY I. GLAZUNOV IN 1902)**

The article is devoted to the problems of antonymic relations in a certain period of the Russian language history. In particular, the material of the text «Domostroi», etymological information (M. Vasmer), dictionary definitions (Dictionary of Russian language 11th–17th centuries; Słownik polszczyzny 16 wieku) substantiate the presence of the gradual opposition «ultimate truth–truth–falsehood–lie».

Gradual opposition, ultimate truth, truth, falsehood, lie, Domostroi, the sixteenth-century.

Т.Г. Комиссарова

Дворец творчества детей и молодежи г. Вологды

«МИР ДЕТСТВА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА: СИТУАЦИИ РОЖДЕНИЯ, КРЕЩЕНИЯ, БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ РЕБЁНКА

Статья посвящена проблемам когнитивной диалектологии, в частности, осмыслению представлений о детях и детстве в языковой картине мира вологодского крестьянина. Концепт «детство» характеризуется как совокупность ситуаций, из которых складывается жизнь человека: в статье подробно описаны ситуации начала бытия (рождения, крещения, имянаречения) и его окончания (болезнь и смерть ребенка). Выводы работы основаны на анализе речевых иллюстраций «Словаря вологодских говоров» и устных рассказов сельских жителей, опубликованных в серии изданий «Народная речь Вологодского края».

Когнитивная диалектология, концепт «детство», вологодские говоры, диалектная языковая картина мира.

Когнитивная лингвистика проявляет большой интерес к изучению феномена языковой картины мира. Этот термин, введенный в науку немецким языковедом Л. Вайсгербером, понимается сейчас как представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях [16, с. 68] или как результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества [8, с. 112]. Среди функциональных вариантов национальной языковой картины мира особую значимость имеет *диалектная языковая картина мира*, специфика которой проявляется «прежде всего, в характере восприятия окружающего мира диалектным сообществом и в особенностях языковой репрезентации этого мира» [4, с. 68], определяется тем, что она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, характерные черты крестьянского труда, носит естественный характер и проявляет себя в устноречевой деятельности преимущественно в бытовой сфере коммуникации.

Для диалектной языковой картины мира весьма существенен круг представлений, связанных в сознании диалектоносителей с детством как особым периодом бытия человека. Этой проблеме посвящены исследования многих российских диалектологов [5; 9; 20; др.], в том числе и на материале вологодских говоров [12; 14; 15; др.]. В нашей работе «мир детства» рассматривается как комплекс субъектов и объектов, связанных в народном сознании с детством [6], и ситуаций, из которых этот период бытия складывается. В качестве гипотезы исследования принимается положение о том, что вербализация «мира детства» в речи жителей Вологодского края реализует типологические черты диалектной языковой картины мира – приоритетность биологического выживания и социальной адаптации, парцеллированность, утилитарность, стереотипность и экспрессивность.

Детство как период бытия человека формирует комплекс представлений, сфокусированных в субъектно-объектной, акциональной и аксиологической сферах. Бытийный концепт «детство» может быть описан как совокупность значимых ситуаций, из которых складывается жизнь человека, начиная от его рождения и заканчивая либо взрослением и переходом в другую возрастную категорию, либо смертью в младенческом или детском возрасте. Каждая из этих ситуаций может быть интерпретирована с позиций основного действия или комплекса действий в их причинно-следственном взаимодействии, с точки зрения состава субъектов и объектов ситуации, ее пространственно-временной характеристики, а также системы факторов, оказывающих на эту ситуацию позитивное или негативное влияние [15, с. 18]. В данной статье, опираясь на записи устной речи сельских жителей Вологодского края, мы рассматриваем наиболее значимые из этих ситуаций, связанные с «миром детства». Среди всех возможных ситуаций мы выбрали ситуации возникновения бытия (беременность, рождение ребенка, его крещение и имянаречение) и его прекращения (болезнь, смерть, погребение). Выбор этих ситуаций определяется тем, что их анализ наиболее ярко характеризует особенности восприятия «мира детства» языковым сознанием сельских жителей Вологодского края.

БЕРЕМЕННОСТЬ, РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА

Способность женщины к рождению детей оценивается информантами как физиологическая норма (*А у меня робёнок за робёнком покатили ошо (смеется). Опеть в декрете, опеть рожаю. Пять штук нарожала... Я вот вышла замуш, ак у меня ошо гот не было. Баушка фсё ошо бранила меня: «Кобыла и не носит и робят, кобыла и не носит». Потом как начала с одново-то ей. Как на: кобыла-то! (Н.Д. Шиловская, 1938 г.р. [7, с. 173]).* В противоположность этой норме в диалектной речи существуют названия жен-

щин, страдающих бесплодием (*Детей-то я не крестила, яловая я* [18, вып. 12, с. 134]; *Ялая она, не забрюхатела* [18, вып. 12, с. 134]) или не состоящих в брачных отношениях (*Настя – она невыхожая, всю жись работала на сноху да на племянника* [19, с. 292]; *Золовушка-то до сих пор жива. Старица она, дак чего ей сделается?* [18, вып. 10, с. 121]; *Замуж не вышла, дак дома долго сидела. Ой ты, говорят, парунья!* [18, вып. 7, с. 12]). Представления о репродуктивных функциях женщины выражаются в диалектной речи практически в тех же выражениях, что и о животных: «зоологический код» используется для вербализации способности или неспособности к деторождению (ср.: *ялая* «бесплодная, неплодотворенная (о самках сельскохозяйственных животных *Ялую корову я держать долго не буду* [18, вып. 12, с. 134]), обозначения физиологического состояния беременности (*Он чуть берёжюю лошадь-ту не загнал* [18, вып. 1, с. 29]; *Маруська-та берёжая была* [22]), рождения потомства (*Марья-то, слава Богу, опросталась* [18, вып. 6, с. 67]; *Поди уж на той нидиле-то опростаться должна корова-та* [22]) или неблагоприятного исхода беременности (*избережаться* «преждевременно родить нежизнеспособный, мертвый плод» *Я вот избежала, дак он и умер; Корова у Максименковых избежала, дак сейчас снова быка ищет* [18, вып. 3, с. 7]). Сходные явления в других русских (донских) говорах ранее отмечала Т.Ю. Власкина, обращая внимание на то, что общность вербализации жизненных циклов животного и человека свидетельствует о синкретизме восприятия мира живой природы в диалектном языковом сознании [1, с. 91].

Обозначения состояния беременности в вологодских говорах характеризуют физиологическое состояние женщины через признак наличия у нее большого живота (*Брюхатая она, в декрет скоро* (Кир. Борб.); *Шура тама с животом сделала, а к Петрову дню уж и родила* [19, с. 114]) или присутствия внутри него какого-либо предмета (♦ *оставить пуговицу* «оплодотворить, сделать беременной» *А муж в армии, дак никак не назовут, ей положено ждать, да если пуговицу оставит, она куда денется* [18, вып. 7, с. 107]; ♦ с *кишкой* «о беременной женщине» *ДеУка, ты ведь с кишкой, а така молодая* [18, вып. 3, с. 87]). Подобного рода образования выполняют табуистическую функцию, иносказательно обозначая одно из наиболее важных для женщины физиологических состояний (ср. также: ♦ в куче – *Она уж седьмой месяц в куче. Обрюхатил её кто-то* [18, вып. 10, с. 25]; ♦ на живые ножки – *Бабы-то сказывали, что она уж из городу на живые ножки приехала* [19, с. 113]).

Различные проявления организма, сопутствующие беременности, называются глаголами в безличной форме или глагольными сочетаниями (*Как у Гельки – всё жмётся, не ест, всё её лихотит. Гастрит признали. Мы говорим: «Ешь всё. Вытошинит – и снова ешь. А ты не на живые ножки? Ты ведь с мужем живёшь»* [18, вып. 4, с. 42; 19, с. 114]; *А и повитухи-то бабушки были, дак позовёшь – и придут. А я-то дома одна была, заперенимаёт, зарежёт живот-от – и родишь* [18, вып. 2, с. 137]; *Зачнёт перенимать и спину, и брюшину, как рожает* [18, вып. 7, с. 41]). В исследуемых нами источниках вербализуются

наблюдения, касающиеся внешнего вида и поведения беременной женщины: *Если пузо торчком ходит, дак говорят, парень будет, а к девке дак худеёт, небаская стаёт – девка, говорят, всю у матери красоту-ту съедает* (Межд. Тур.); *Бабушки рассказывают запукки. Запуки-то строгие* [18, вып. 2, с. 114; 19, с. 144]; *Беременной с приколкам да с ножам не больно было надо возиться, чтоб робёночку не навредить* (Кир. Борб.); *Она её озычала тоУда. В положенье, дак ходи да оглядывайсё, как бы не озычали бабы-те* [18, вып. 6, с. 39; 22]; ♦ *родить порчу* «родить мертвого ребенка» *Переступила она через порог, так тут и родила. А он те! Порчу родила-то* [18, вып. 9, с. 62].

В исследуемом нами контенте немного высказываний относительно возраста, благоприятного для рождения детей: они указывают на заметно молодой возраст женщины (*ДеУка, ты ведь с кишкой, а така молодая* [18, вып. 3, с. 87]) или на сопутствующие ему обстоятельства: *Ишио толькё сошлись, и угла своёго нет, и учатся оба – а гляди ж ты, с брюхом ходит* (Кир. Борб.). Значительно чаще предметом обсуждения является социальный статус беременной женщины: *У Анны мужика нет, а робёнок – выпороток* [18, вып. 1, с. 97]; *Нагулыша-то принесёшь, дак матке не больно приятно. Раньше это позор был* [18, вып. 5, с. 33]; *Везде топерь сколотней много стало, роспустилисё совсем девки* [18, вып. 10, с. 25]; *Сколотеньем-то и имена небаские дают – Пут да Пахмут* [18, вып. 10, с. 25]. Вместе с тем высказывания многих информантов находят оправдательные причины появления в семьях незаконнорожденных детей: *Замуж-то тятка не отдавал, так пригулыша принесла* [18, вып. 8, с. 46]; *Я не выходила замуж, у меня приколоток, мне не выпало женишка-то* [18, вып. 8, с. 51]; *После-то войны какие в деревне жонихи? Кто вековухам осталсё, а кои и нагулышой родили* [22]; *У меня три золовки, и все робетници: семья бедная была, дак никто и не сватался* [18, вып. 9, с. 58].

Местом рождения детей были баня, дом, медицинское учреждение: *Рожёнки уйдут в баню, да и лежат там, покуда не родят* [18, вып. 9, с. 63]; *Старухи-то в бане рожали, с баушкам, а мы уж по черёдному, с фершелицам* [22]; *А и повитухи-то бабушки были, дак позовёшь – и придут. А я-то дома одна была, заперенимаёт, зарежёт живот-от – и родишь* [18, вып. 2, с. 137]; *Меня рожать-то в Кириллов свезли, в больницу, а роды-то пошли не так – пуповиной обвило всю шею-то, думали, задохнется. А рожала-то я с акушеркой, Ольга Николаевна звали, она мне девку-то и спасла. Да я и назвала Ольгой* (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 г.). В противоположность этим «правильным» местам рождения детей информанты называют «неправильные», не приспособленные для этого места: *Бабы-те и в поле, бывало, опрастывались* (Межд. Тур.); *Фаина-то медсестрой была, дак оттуда с девочкой вернулась, на фронте и родила* (Кир. Борб.); *Иван вон Клашу вёз в район, дак она дорогой и родила, в розвальнях* [22]. В ситуации рождения детей, кроме места, имело значение соответствие времени появления ребенка на свет церковным правилам (с точки зрения предполагаемого зачатия не в пост, а в «разрешенное» церковным календарем время): *А вот когда привезли меня в*

церков крещат, а это было в аккурат в весеннюю пашню и поп Ксанфий находясь в поле, категорически отказался идти в церковь до вечера, всячески ругаясь темных деревенских мужиков, мало того что делают ребят не вовремя, да еще и крещат везут в рабочий день (В.А. Морозов, 1906 г.р., цит. по [2, с. 68]). Обращалось внимание на количество детей, одновременно рождаемых одной матерью (У продавца-то, у Гали, двое девочек, двойнички они. Говорят, мало ведь двойничные живут [18, вып. 2, с. 11]), а также принимались во внимание квалификация и опыт помощников роженицы, используемые ими специальные приспособления и приемы помощи: Фершал у нас хорошая была. Она два раза у меня рождёнки принимала [18, вып. 9, с. 63]; Меня рожать-то в Кириллов свезли, в больницу, а роды-то пошли не так – пуповиной обвилю всю шею-то, думали, задохнется. А рожала-то я с акушеркой, Ольга Николаевна звали, она мне девку-то и спасла. Дак я и назвала Ольгой (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 г.); ...Ох Васятка и несчастливой же ты у меня народился, прямо сказать не везучий, да и в родах ты мучал меня двое суток и теперь мука с тобой, а что еще будет когда вырастешь, – не знаю!! И в самом деле, как потом рассказывала бабка повитуха Андрияновна, что матка твоя рождая тебя мучилась двое суток, что ты, т е Я пошел в родах не как следует, а наоборот и что долго не хотел рождаться и меня хотели извлекать по частям, и ладно Бабушка нашла в своей памяти двух святых Власия и Федосия, которые услышав её молитву, спасли и мать и меня от неминуемой смерти, а то говорит и царские ворота в церкви открывали и молебен служили о здравии и было молено всем богам и святым Святой богородице и её сыну исусу а помощи не от кого кроме вот этих святых Власия и Федосия не было (В.А. Морозов, 1906 г.р., цит. по [2, с. 67]).

Саму ситуацию рождения младенцев информанты описывают, как правило, весьма скупой: Вон у Виюшки пятёро рождались, а ни один не пожил робёнок-то (Кир. Борб.); Валька-то моя вышла замуж да Алексея-то и изродила [18, вып. 3, с. 37]; Выродила я деушку-ту свою в самый-то мороз (Межд. Тур.); Марья-то, слава богу, опросталась [18, вып. 6, с. 67]. Физиологические подробности появления ребенка на свет упоминаются весьма скупой, обычно в рассказах о сложных родах: ...а роды-то пошли не так – пуповиной обвилю всю шею-то, думали, задохнется (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 г.); ...Матка твоя рождая тебя мучилась двое суток, что ты, т е Я пошел в родах не как следует, а наоборот и что долго не хотел рождаться и меня хотели извлекать по частям (В.А. Морозов, 1906 г.р. [2, с. 67]) – эта информация в народной культуре не предназначалась для чужих ушей. Относительно полное описание ситуации рождения ребенка встретилось в исследуемом нами контенте один раз, в рассказе В.А. Морозова (1906 г.р.) о спасении женщины, родившей незаконнорожденного ребенка в укладке дров [2, с. 115–117].

Прислушался, стою на судне и явственно слышу снова стон и плач «Ой ой родная мама умираю», тут у меня от испугу мурашки по телу пошли, чего я боялся то это толь-

ко покойников, Ну думаю, какой нето утопленник под баржой, стонет его бедная не оттаявшая попом душа.

Слышу снова стон и вскрик с плачем «Ой Господи люди помогите!» раздалось вверху, на березу дето в дровах, с меня от этого крика все чертово наваждение и трусость моментально отскочили. Я не медленно спустил с баржи трап и бегом побежал к дровам. оббежал кругом костров, нечего нет негде не кого. Остановился слушаю, и снова стон «Ой Господи, мама помогите» раздаётся гдето из середины складки, Я моментально залез на костры и пошел по направлению раздающихся стонов.

Сверху мне видно что не которые костры не заполнены и между ними имеются полости подобье ям до самой земли и я пошел обследовать эти углубления по каждому костру и вот вижу в одной такой яме, что то копошится и я громко позвал, кто тут и что делается, а оттуда слышу сквоз стон и плач, не подходите, кто вы такой, Я говорю не бойтесь Я шкипер тут стоящей баржи, что с вами случилось, чем вам помоч и кто вы? Ой, ой, вам не надо знать кто я, только принесите мне воды нож или ножницы и веревочку. Я моментально сбегал на баржу захватил пол ведра воды, ножницы и конец веревки отрубив от лесости метра два, поднявшись в гору взлез на дрова и все доставил к месту катастрофы, хоть было уже темно время осенней сентябрьской ночи, ноя с вершу с костра спустил на веревке ведро с водой и к нему в приложение ножницы, слышу подает голос в роде женский, теперь говорит уйдите от меня подальше я говорит когда надо позову, Я отошел метров на 10 – думаю ножницам не зарежется, и удавиться не дам, да и балки не где не какой нет. Я боялся, что тут совершилось какое то злодейство, и может, ест ли я подам свой нож, то он может послужит более озверевшему злодеянию – Стою на костре и жду позыва, вдруг раздаётся слабый – зов, где говорит – нитка то я не могу найти, вы говорю просили веревку та смотрите к ведру то привязана, не понятной говорит ты мне нитку-варовину надо, такой говорю нет у меня, неси говорит катушечную, Я быстро сбегал снова на судно схватил – была катушка черных ниток и отмотав метра два закрепил и так на весу нес и спустил ее в руки прямо – вижу плохо в темноте но ей то с низу к небу то лучше виднее, уйди говорит, позову. Я так и сделал отошел метров на семь-восемь жду, вдруг слышу писк какой то в роде плач ребенка, жду меня разбирает любопытство, в голове всякие догадки, слышу всплески воды и явственно плач маленького детенка, что говорю делается, режет видно она его, кричу Что ты такая сякая делаеш губиш ребенка, я сейчас, побегу в деревню и тебя словим и посадим в тюрьму, ответа нет и плач детенка прекратился, Ну думаю, зарезала или удушила моей то веревкой и моим то ножницам, а я какой глупец в место помощи человеку, оказался соучастником душегубца.

Подождав немного Я подошел прямо к тому месту где должна совершиться катастрофа и громким голосом sko-мандовал Кто и Что ты давай вылезай скрывают теперь тебе не чего все я знаю, от туда еле слышно стоном («Нет силы, помоги, мне не вылезти»).

Я сразу спрыгнул в низ а там меж кострами действительно темно, где говорю, ты а и сам по баиваюс, думаю прикинулся, враг пырнет ножом и я вместе с ними буду убит. Слышу Не бойся говорит Я ослабла и замерзла мне холодно. Я подошел на ошуп чувствую человек – женичина вся трясется от озноба, даже зубы чакают, спаси говорит умираю, но мне вет тоже на двух метровую высоту с человеком не выскочит, и Я стал не медленно выбирать и выкладывать дрова, разбирая место лаза. Осторожно говорит «не приберй нас у меня тут еще и ребенок». Я подладил лаз, проверил можно ли подняться на костры, Ну говорю теперь уж можно давай вылезай Нет, говорит, Я не смогу оставьте нас тут нам все равно жить не надо лучше умереть.

Тут я понял всё, действительно всё и мне их мать и ребенка стало жалко, За что они должны погибать, кто бы они ни были но люди, живые человеки, и им Я обязан оказать первую помощь Я кое как поднял женщину на верх в месте с ребенком, а она полубезсознательном состоянии и ребенка прижала к себе и не как не отпускает, Я кое как дотащил её до конца костры, так же скидал дрова с концевой клетки, оставив метровую высоту положил ее ниже сам соскочил на землю и понес её под гору к трапу как Я снес ее на судно и занес в каюту, представит потом не мог, положил ее на койку укутал своим горбатым полушубком и поверх еще своим стареньким лоскутным одеялышком, и снова затопил печку хот у меня и было тепло в каюте, а видя как вздрагивает человек женщина я понял, что ее знобит и она без чувств не ответила на мои вопросы, думаю в таком состоянии она крепко держа сверток у груди, удушит своего ребеночка, а он ровно понял мои мысли вдруг запищал.

Я уж тут отложил всякое стеснетье, и легко осторожно отнял от нее этот сверток и положил ближе к теплу а налив стакан горячего чая стал поить женщину, первая она не глотала и чай попал ей на грудь, а потом проглотив теплого она открыла глаза, свет у меня в каюте был от керосинового фонаря не слишком уж велик но все же каюту освещал и все предметы было видно.

Гляжу оба эти человека дышут, я успокоился и стал продолжать начатый с вечера ужин, снова конечно все перегрел в топившейся печке, в каюте у меня получилась такая жара, что с меня за ужином кинуло в пот, а потом захотелось спать. Я вышел из каюты пристроившись у кормового фальшборта под румпелем не заметно уснул.

Описывая весьма неординарный эпизод своей юности, повествователь акцентирует внимание не на физиологических, а на социальных аспектах описываемого им происшествия.

Говорю вы все же взрослый человек, что случилось то случилось и уж нечего тут стесняться и тужить благо оба остались живы, на земле места много и вам со своим птенцом места на нашей земле хватит, и что говорю не случись всё к лучшему.

Как говорит вы не понимаете что это результаты несчастной любви, он то ушел в армию ему то просто, а вот мне то как вет я не венчанная, вот я из дому со стыда сбегала, хотела давиться, хотела утопиться, да так бы и зделала, а теперь как вет две души надо губит ну моюто туда и дорога дура проклятой а он то ангелочек мой за что будет погублен, а и жить ему будет невыносимо, всю жизнь его будут укоряют, мол – нагульши безотцовщина, подумаю так хоть сейчас в воду, хоть потом выхода у меня нет и пошто ты меня от смерти спасал лучше бы мы там в поленищах сдохли, и заплакала теперь мне – куда деться.

Видя такую ее печаль и мне сразу отхотелось есть. Ну думаю там не умерла, утопится еще с моей баржи. Вот думаю бог дал и че(р)ту не надо, как же теперь быть, а с таким настроением она утопится, обязательно утопится – долголи всего до борта четыре шага скочит и в реку и как не бывало, только круги по воде разойдутся.

Ну, говорю девка, озадачила ты меня, так что и мне за вами хоть тоже в воду. Но мне то вет не лъзя Я ответственный за судно и за всё что на нем и в нем, так вот давай по другому думать, мне утопиться нельзя, не положено оставлять казенное имущество без присмотра, но и тебе топиться не резон как бы ты была одна то бог с тобой делай что вздумаеш сама себе хозяйка, а теперь у тебя маленький деток на руках, как ты его будеш губит; топит как котенка или голову топором рубит или еще как, подумай потащат в народный суд, судить будут на виду всего народа все будут указывать на тебя вот мол мать убийца

своего не повинного младенца, а есть ли ты вырастиши таково парня всем на завидость, красивого рослого да образованье еще он может получит, будет инженером каким начальником, да может и отец его вернется с фронта и вы сможете с ним повенчаться, он наверно вас любил да и тыто вет не с первого свидания отяжелела.

Нет вам топиться и умирает совсем не резон, давай ка вот садис к столу позавтракаем да брось обо всем тужит, не стоит и жить а уж остались живы то надо находит выход из создавшегося положения. Россия говорю велика прокормиши и сына выкормиши, только не тужи.

Ох говорит, тяжело, тяжело на душе и стыдно хоть теперь ты и все знаеш а все равно мне стыдно. Говрю чего тебе стыдится ты меня не знаеш кто Я и от куда, да и Я тебя незнаю кто ты и от куда – вижу что молодая мать ей надо кормит родового ребеночка, а по этому надо и самой питаться по лучше, моя мать всегда так делала после родов питалась по чаще и лучше, она нас народила восьмерых и все мы живые вот такие парни, давай садис да еш.

Таким образом, ситуация беременности и родов в записях устной речи жителей Вологодского края представлена в речи информантов как одна из самых «закрытых» от внешнего мира, связанная с соблюдением различного рода запретов, нарушение которых может оказать негативное влияние на судьбу матери и младенца.

КРЕЩЕНИЕ, ВЫБОР ИМЕНИ ДЛЯ РЕБЕНКА

Обряд крещения и выбора имени для младенца играли определяющую роль при введении его в мир крестьянской общины: после совершения крещения и обретения имени ребенок приобретал все «права и обязанности» ее члена.

Крещение младенца, особенно хилого и ослабленного, стремились произвести как можно раньше, чтобы в случае смерти ребенка можно было похоронить по христианскому обряду: *А дело это было неотложное, т к мать моя лежала дома тяжело больная после таких родов да и её малыши на ладан дышал, чуть жив вот, вот умрет. Моему крестному пришлось снова бежать в поле к попу. Объяснить ему, что младенец умирает, и что не крещенного хоронит противозаконно (В.А. Морозов, 1906 г.р. [2, с. 68]).*

В момент крещения младенец обретал крестных родителей: *«У каждого младенца была хрестная [18, вып. 11, с. 209]; Вот Матвей и будет мне божка, крестил меня [18, вып. 1, с. 36]; Я ей божаткой буду, из купели принимала [18, вып. 1, с. 35]; Из купели вынимают робёнка, дак божатка и держит» [18, вып. 1, с. 35]; Есь и божатка, есь и куманёк, так и окрестили [18, вып. 1, с. 35].* Обычно ими становились кто-то из родственников или соседей (*Боженька уж пять лет как умерла, маткина сестра была [18, вып. 1, с. 35–36] Племянюшка зовут всё божата да божата [18, вып. 1, с. 35]; Божатка – дак это папиного брата жена будет [18, вып. 1, с. 35]; Божат – он у меня из другой деревни был [18, вып. 1, с. 35]; Дядя да и божатко этому Алёхе он был [18, вып. 1, с. 35].* Крестные родители заботились о своем крестнике (*Божат и божатка меня любили [18, вып. 1, с. 35]; На каникулы-то опеть, наверно, к коке пойдёшь? [18, вып. 3, с. 67]; Божатка тебе новую рубаху купила, говорит: «Хрестнику на именины» [18, вып. 11, с. 209]; Крестная у меня была Валентина*

Алексеевна, материна сестра, мать Фурина-то Коли. Она приходила часто в деревню и приносила нам, детям, гостинцы. Если пришла тётя Валя, то у нас радость и праздник (Н.П. Шабров, 1938 г.р., запись 2008 г.). В свою очередь крестник оказывал своим крестным родителям особое уважение: Вот Олька будет замуж выходить, уж меня дожна на свадьбу пригласить: она мне хреснича. Хреснича дарит на свадьбе божатке подарок [18, вып. 11, с. 209]. Внутренняя форма наименований крестных родителей и детей эксплицирует идею их духовного родства, скрепленного христианским канонем: Бог – ср.: божа, божка, божата, божатка, божат, божатко, боженька; крест – ср.: крёстка, хрёстная, хрёстный, хрестник, хрестница.

Информанты, родившиеся в середине XX века, достаточно скупо описывают атрибутику крещения: Меня два раз крестили: вон в часовенке и у Кати Хаптовой во дворе, в ванне (Н.Н. Бакланова, 1940 г.р., запись 2018 года); Божатко из купели принимал ребёнка [18, вып. 1, с. 35]; Дмитрий Петрович Татауров матери-то был крёстный. Он в Питере служил. Когда крестили её, сам в деревню приехал и привёз ей крестик золотой, дак она его потеряла, ребёнком ещё (Н.П. Шабров, 1938 г.р., запись 2008 года); Вот крещаются когда, младена одевают в белую рубашку: от родительского греха – омываюце [22]. Выбор имени ребенку, судя по воспоминаниям информантов, был уже мало связан с церковным календарем, определялся рядом других обстоятельств: младенцев нередко называли в честь кого-то из родственников (Дедушко был Павел, дак и сына назвали Павлом (Кир. Борб.) или людей, оказавших влияние на судьбу матери (А рожала-то я с акушеркой, Ольга Николаевна звали, она мне девку-то и спасла. Дак я и назвала Ольгой (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 г.); Моему крестному пришлось снова бежать в поле к попу. Объяснить ему, что младенец умирает, и что не крещенного хоронит противозаконно. Тогда поп спросил как его зовут – моего крестного пехнув в руки крестному плуг дал указание чтоб он допахивал полосу, сам побежал в церковь, придя, взял младенца и начал купать в купели сотворяя обряд, нарек имя Васильий, так ест именем моего Крестного, без всякого рассмотрения в именных святцах... (В.А. Морозов, 1906 г.р. [2, с. 68]).

Информанты припоминают единичные случаи изменения имени, данного при рождении. Имя менялось уже в сознательном возрасте под влиянием социальных обстоятельств: Была Зойка Порошкова, а приехала к нам завклубом, дак стала Розой. Зойка – не так баско, а тут Ро-о-оза! Взамуж за Толю вышла – и получилась Роза Гусева (Кир. Борб.).

ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ РЕБЕНКА

Физическое и психическое здоровье ребенка, определяемое по его внешнему виду и поведению, рассматривалось как физиологическая норма (ср.: здоровец «крепкий, здоровый ребенок») Вот какой у тя ребёночек: не чахнет, не болеет – здоровец да и только [22], по соотношению с которой маркировались различного рода отклонения: ситуативные, вызванные временными недомоганиями (Какой парень соплюн,

только и подтирай под носом, весь фартук мокрый [18, вып. 10, с. 80]; Уши-те обнесены у девки, золотушные [22]; Глянь-ко, у девки-то письяк, Вот когда песьяк, дак наде плюнуть в глаз [18, вып. 7, с. 52; 22] и др.) и более сложные: а) отставание в развитии вследствие недоношенности (Тётка Дуня четырёх недоносшей на печи отогривала, ничего девки выросли [18, вып. 5, с. 90]), б) нарушения опорно-двигательного аппарата, обычно вызванные рахитом (Седун у нас был Андрюха, долго не ходил, всё сидел. Седуны всё сидят, ноги калачом; Ребята-то ест седуны. У Танюхи девочка два года, а не ходит. Парень – седун, а девка-то – седунья [18, вып. 9, с. 116]), в) проблемы с развитием слуха и речевых навыков (ДеУка-то кувайка, да и парень у них кувай [18, вып. 4, с. 11]; Лявля. Что лепечёт – не понимаю [22]); г) умственная отсталость (Ну и кумко у них растёт, совсем дурак [18, вып. 4, с. 13], Сын-от у их растёт – половина дурака [22]; Сын-от у её безумка [18, вып. 1, с. 28]; Вон полубелая идёт, ну недоразвитая значит [18, вып. 7, с. 114]); д) Мучным мешком хлестнён «о состоянии умственной отсталости» Что взрослый, что робёнок – мучным мешком хлестнён, не понимает ничего (Сямж. Монаст.) и др.

Ситуация болезни как особого физиологического состояния ребенка включает в себя ряд составляющих, вербализуемых в записях устной речи жителей вологодской деревни. Это симптоматика болезненного состояния, причины его появления, этапы развития от возникновения до завершения – положительного (выздоровление) или отрицательного (смерть), описание средств и способов лечения болезни медицинскими работниками или народными целителями.

Симптоматика болезней формулируется тремя основными способами: 1) наименованием больного органа как вместилища болезни (Не прималындывайся, Васюта, знаю, не нога у тебя болит, а идти не охота, да не возьму тебя на руки, сам устал [18, вып. 8, с. 53]), 2) безличными конструкциями с употреблением различных глаголов физического действия (Трясца-то начнётся, так прямо нет никакого спасу: всё тело ломит [18, вып. 11, с. 70]), 3) неопределенно-личными конструкциями, выражающими результат чьего-то злого умысла (Робёнка родового не кажному кажут – обаять могут, заболиёт робёнок-от [22]; Огороды знали: если робёнка озычают, дак к знацихе, она пошощёт – поди, и лучше будёт (Кир. Борб.)). Исследователь славянской лексики народной медицины В.А. Меркулова соотносит подобного рода конструкции с древнейшей демонологической сферой и отмечает их устойчивость в русских народных говорах [10, с. 158].

Заболевания, которым подвержены дети, могут быть общими для детей и взрослых. Это, во-первых, **инфекционные заболевания**, различного рода эпидемии: Нонче повертуха ходила, так много детонек переболело; Повертуха ходит, у всех головы болят, или у детей у всех глаза загноятся. И у скота повертуха бывает [18, вып. 7, с. 78]; Что к фершелице идти, когда такая поветря ходит? [18, вып. 7, с. 79]; Все как одинако заболели, возьми грипп, пошестуха [18, вып. 8, с. 30]. Во-вторых, это различного рода **лихорадки**: На его опять нашла лихоманка, опеть

трясёт [18, вып. 4, с. 42]; Лихорадки у нас две было: одна трясунья, другая томительная [18, вып. 11, с. 70]. Лихорадочное состояние, по народным представлениям, лечилось заговором: Кумоха-то у него давно, уж шестой год не проходит, заговорить не могут [18, вып. 4, с. 19]; От лихоманки баушки чёго-то шёттали, да от озыка, от чёго только не шёттали! (Кир. Борб.). В-третьих, это различного рода болезни, приводящие к изменениям **кожного покрова** (У робетишок ишас экой свороб-то ходит; Свороб очесался, заболел он. Я пришла, а сын лежит [18, вып. 9, с. 107]; В масленичу-то надо мужикам молодых покатать в снегу, шобы детей не было своробатых [18, вып. 9, с. 107]; Видела в городе хруноватика, аж и смотреть страшно; Он в робятах-то был хруноватой [18, вып. 11, с. 211–212]), появлению различного рода новообразований на коже (Булышка вон у робёнка какая сделалась! [22]; Этта на ноге-то у меня эдакая валюга скочила, болячка большуишая [18, вып. 1, с. 55]; Желви красные скочили, по всему телу разошлись [18, вып. 2, с. 81]; Все ноги да и руки в пупырях [18, вып. 8, с. 108]; Пупыщи скочиУ, лихо и рукой повернуть [18, вып. 8, с. 108] и др.). В эту группу входит также слово *кила* (ср.: *килá* (прост.) ‘выхожение (преимущественно из брюшной полости) под кожу какого-либо внутреннего органа, грыжа’ [18, вып. 2, с. 48]). В вологодских говорах этим словом именуются различные воспалительные опухоли и нарывы на различных частях тела, по суеверным представлениям, появляющиеся в результате чьего-либо злого умысла: Мне Офонька рассказывал: «Мы у Дюни Плахинской репу таскали, дак она услышала, вышла на крыльцо и говорит: “Вот щас кил-от насажяю!” Мы бежать. А утром смотрю – всю щёку разнесло! Да не знаю, что и делать. Побегжал на Плахино, ревлю: “Баба Дюня, это я вчера репу таскал!” Она посмотрела на меня. “Хорошо, – говорит, – что сказался. Иди домой, помажь хорошенько, и всё пройдёт”» (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 года).

Среди новообразований на теле следует отметить также *волок*: этим словом, по замечанию М.К. Герасимова, собирателя севернорусской лексики народной медицины, назывались *свищи*, *холодные нарывы*, *костоеда с сильным отделением гноя, где и предполагались животные, едва видимые глазом, в форме волоса* [3, с. 26]. Появление конского волоса в теле человека, по рассказам информантов, связано с воздействием внешних сил: Волос-то тожо их рук дело, знаткёв (Кир. Борб.) – и с нарушением запретов на купание в холодной воде после Ильина дня (2 августа):

- Так август! Теперь конский волос пльвёт!

- Какой конский волос?

- Ну, говорица, что какой конский волос какой-то. Фсё раньше нас тоже стращали.

- Так это чёво такое-то?

- Не знаю я чёво и сама!

- Откуда, бабушка, конский волос?

- Я и сама не знаю. То говорят, штё нельзя купаца.

После фторого августа, после Ильина дня нельзя купаца. Написано ф численнике (Н.Д. Шиловская, 1938 г.р. [7, с. 192]).

Для устранения волоса из тела человека совершались особые целительские манипуляции: *Волос-от у*

меня у Колюшки был, дак Лебедева научила: «Ты, говорит, щёлочку наделай в таз, и пусть сидит, волос-то и выйдет». Я наделала сама, а, видно, волос-от крепкой, не выходит. Да я снова к ей: «Александра Тимофеевна, волос-от не проходит!» Да она сама пришла, чёго-то пошептала, прошло. А как волос-от убрался, я и не видала: видно, ночью вышел (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 года). В подобных манипуляциях отражаются древнейшие зооморфные представления о болезни (подробнее об этом: [17, с. 250]).

Другая часть болезней свойственна преимущественно детям: *Ребёнок заболает, вяленький такой, дак скажут: «Ну, опять какая-то кумоха привязалась. Каждая кумоха к нему привязывается»* [18, вып. 4, с. 19]. Информанты вспоминают болезненные припадки у маленьких детей, сопровождающиеся судорогами и потерей сознания (*У ей у робёнка-то родимец бывает; Родимец, бывает, найдёт, так вы маленьких робят не будитё. Оне сутки, трои проспят, потом и сами проснутся* [18, вып. 9, с. 61]); корь (*Красная сыпь по всему лицу, сыпучой зовут, у детей часто бывает* [18, вып. 10, с. 177]); дифтерию (*Тожно горланка её задавила; Дити горлянкой болили* [18, вып. 1, с. 123; 22]); золотуху (*Сполохи у ребёнка бывают, глазки засыпаются, сполошной травой моют* [18, вып. 10, с. 100]; *А золотухиная трава для белых людей от золотухи помогает* [18, вып. 2, с. 176]; *Серьги Людке отдала свои золотые с красным-то камушком – всё детство золотухой маялась, а серьги как вздёрнули, дак и прошло* (Н.Н. Бакланова, 1940 г.р., запись 2018 года); опрелости у детей (*Посмотрела у девки, а у её опар, да ишию какой опар-то!* [22]); болезненный испуг, заикание (*Пыуко хорошицо та бабушка преполохи снимала, все её и звали. Переполох-то снимают всяко: кто в бане, а кто дома через ниточку – вот и перестанут заикаться* [18, вып. 7, с. 42]; *А всякая трава сполошисной бываёт. Как белой робёнок, дак белая трава надо. Принесут, в чайник положат и поят. Испугается робёнок, дак и моют робёнка, чтоб испуг прошёУ* [18, вып. 10, с. 101]).

Помощь при лечении детских болезней оказывали не только представители официальной медицины (*фершал, фершелница, медик, медичка, дохтор, дохтурница* и др.), но и люди, обладавшие особым знанием: *ворожбунья* [22], *забáйда* [18, вып. 2, с. 93], *знаток, знатиха* [22], *пухтáрка* [18, вып. 8, с. 112], *шёттáрь, шептун, шептунья, шептуха* [18, вып. 12, с. 84]. Значительно чаще, чем особые, характеризующие названия, употреблялись слова «бабка» или «бабушка»: *Позовут бабку-шептунью, она и заговорит – вся грыжа пройдёт. Всё ведь маленьким заговаривали* [18, вып. 12, с. 84]; *Пыуко хорошицо та бабушка преполохи снимала, все её и звали. Переполох-то снимают всяко: кто в бане, а кто дома через ниточку – вот и перестанут заикаться* [18, вып. 7, с. 42].

Смерть ребенка была достаточно частым явлением: *Вон у Виюшки пятёро рождалисё, а ни один не пожил робёнок-то* (Кир. Борб.); *У Шуры-то шестеро детей было: ещё перед Ниной была одна Нина, а перед Валентиной был сын Володя. От скарлатины который-то помер, а другой – не знаю* (Межд. Ту-

ров.); *Опять младенец умер, родимец зажал* [18, вып. 9, с. 61]); *У бабушки Парасковьи ещё дети были, то ли она их заспала, то ли что. Их в подклете Цыпинской церкви хоронили. Считалось, что теперь они будто ангелы* (Кир. Борб.). Представление умерших младенцев в образе ангелов или голубей, ангельских птиц весьма устойчиво сохраняется в рассказах информантов: один из подобных рассказов мы нашли в описании сна Нины Дмитриевны Шиловской, 1938 г.р. [7, с. 195–196].

Сон об умерших детях

...На фсю жизнь запомню... Очень он интересный... Мама три дня перемирала... И увидела сон такой. Будто как она на том свете ходит, и видела своего мужа, будто он сидит, читает книгу... И потом, говорит, будто идёт, а поляна баская, а на ней ребятишки бегают... Много ребятишек, ну-ко они умирают, дак тоже там... Вот я, говорит, подхожу и говорю: «Нет ли моих-то ребят у меня?» А у неё ведь умерло тоже два ребёнка, маленьких... А её заведущая говорит, в белом халате: «А вон там тоже поляна, там тоже бегают».

На этой моих нетока, пошла дальше. Иду, говорит, на фторую поляну. Ой, говорит, вот кто, говорит, одет в носочки одни, либо ф тряпочки другие. Ну-ко раньше ф тряпочки закутали. Они фсе, говорит, и разлохматились штучки-то. А кто, говорит, в ботиночках, тот в ботиночках и бегае. Я, говорит, взяла своих ребятишек: одново на одну руку, другова на другую. И пошла. Как только, говорит, первые двери прошла, фторые двери, говорит, стала проходить. Они, говорит, у меня голупкам зделались. И улетели. Оба. Осталася одна, проснулася. Замечательный сон. Голубям нужно фсе бросать. Это дети наши маленькие. Выкидьши делают, аборты делают. Голупки – это эти-вот, фсе. Хороший сон.

Причину смерти детей информанты комментируют скупно, без подробностей, не акцентируя вину кого-либо в смерти ребенка (*Один, двойняшки были, Митька да Колька, в одной люльке, один сильнее – так залягал одного* (Кир. Борб.)) или подчеркивая невозможность наказания для этого человека (*Девочка двенадцать годов, дожила до двенадцати, двенадцать годов было девочке. Этот, как его, председатель колхоза лошади не дал ей. Босиком бегала, занозила ногу в лесу – и вот, заражение, свалилася, откинула хвост. Всё. Умерла от заражения. Сейчас бы знаешь, этого председателя, засудили бы, а раньше, видишь, халатность всё. Председатель лошади не дал, а до Кириллова вести далёко. Она не могла идти, сама идти, раз нога опухла, заражение уже. Так она и умерла, двенадцатилетняя* (Кир. Борб.)). Во многих рассказах информантов в качестве причины смерти детей называются голод и лишения военного и послевоенного времени: *У Клаши-то Витька да Колька, кроме девок-то, были, дак один в голод-то и помер. Матка закрыла на сарае, что-то он наблюдал, а приходит – он уж и помер* (Кир. Борб.).

В этнографической экспедиции 2016 года по Тотемскому району Е.Ф. Югай записала со слов местной жительницы А.В. Кукановой, 1931 г.р., два текста причитаний по умершему ребенку (расшифровано нами):

1. *Моё красное солнышко, моё жалостливое дитя! Как о детях ревишь. Я не знала, да не ведала, что придёт-то ко*

мне, да молодёшеньке, да моё-то да горе горькое, да и печаль-то великая. Так и приходится – то, дитятко, нам расставания эти горькие на веки вечные. И уведут-то тебя, дитятко, со родимой сторонушки, да в путь-дороженьку страшную, страшную да необычную. Куда век-то не бывано, куда никто не хаживал. Привезут-то тебя, дитятко, во царство-то, в церковь божественную, во святую могилушку, в жёлтый-то песочек тебя на жибушку вечную.

2. *Не дойдите, да недоглядите сюда, тебя, лада моя милая, так и подуйте, ладушка, на твою святую могилушку, ветерочки буйные, и надуйте вы, ветерочки, на твою святую могилушку, да и жёлтые песочки и захлестните вы, дитятко, твоя доска гробовая, так ты и откройте, моя лада милая, да свои оченьки ясные и распечатайте... Да ты останови-ко мне горе горькое, да ты словечко прекрасное.*

Анна Вениаминовна Куканова, описывая местные традиции поминовения умерших родственников, обращает внимание на те особенности, которые связаны в народной культуре с умершими младенцами:

– На Троицу ездят. Обязательно, тут церковь. Этот день разрешённый. Всех разрешают: утоплящих, удовольщих. А ведь таких не помянут внутри церкви. Нет им поминания. И их в троечную субботу, в разрешённый день всех поминуют <...> Дай, Господи, царство небесное и светлое место всем усопшим родителям. Помяни их, Господи, во царствие небесном... их имена. А вот которые роятся некрещённые, я родила паренька некрещённого, мама пошла в церковь и спросила у батюшки, а уж у каждого, говорят, попа свой устав. Вот к батюшке ходила и сказала, ночью вот родила мёртвого, так как его поминать? Вроде он не крещённый. А он сказал: «Мать может поминать, а мы в церкви не можем». А мать ежедневно поминает: «Помяни, господи, безымянного дитятка, во царствие небесном за упокой, дай ему, господи, рай прекрасный». Батюшко сказал: «Он не крещённый», а как крещёные – в раю детоньки, так они, говорит, играют, ангелки их утешают, а на них глядят эти, некрещённые детоньки. А у нас много этаких. Аборты делают. Вот у меня подружка в церкви не поёт, «Ну, – я говорю (не разб.), – ты уж о царстве небесном». «Нет», – говорит. А я говорю: «Почто из церкви не выходишь? Гляди-ко, батюшко поёт». Она говорит: «Много абортов делала». Он и сказал: «Вот, – говорит, – Лидия, я тебе скажу: как ты это за что хочешь принимай, а тебе царства небесного не будет, и дитя не простит. Ему бы надо жить. Видишь, – говорит, – которые мёртвые роятся, некрещённые, глядят, как эти ангелки с этими детоньками играют».

– А кто играет-то с ними?

– Ангелки, которые крещёные, с младенцами-то. А те только глядят в их сторону головушкой.

– Так они тоже в раю?

– Какое в раю! Их не поминуют, некрещённые дитятко. Так только и моли! Я родила мёртвого паренька, мама сходила в церковь, батюшко и сказал: «Купи сорок крестиков и ты, – говорит, – раздай, которые роятся не крещённые, не крестили младенцев». Так она пятнадцать сразу раздала в церкви, эти младенчики, ещё не крещённые. А суды приехала, так в каждом доме всё ребёночек родился так. Вот как.

– А почему сорок?

– Сорок крестиков? А сороковую зачем справляют-то?

– Они говорили, что они яблоки там едят? В раю дети-то?

– Нет, яблоков не дают детям там. Нет-нет. Там Бог питает святым духом. Нет-нет. И зовётся Святой Дух. Мама-то всё рассказала батюшку-то, он говорит: «Нет, родители могут, а в церкви нет».

- А говорить-то нужно, что вот утешь там его?
- Да. «Утешь, Господи, безымянного дитятка во царствие небесном за упокой. Дай им, Господи, вечную память». Рай не говорят. Он не в раю.
- А вы его и поминаете.
- А родителям разрешено. Ведь уж тепере давно... уж, 80 доживаю годов, а помянуть – помню в субботу. Каждую субботу.
- А похоронен где?
- А где? Тут у церкви. Я здесь живу-то.
- А вот по детям причитают?
- По младенцу?
- Да.
- А батюшка не разрешает.
- А причём-то плачут?
- А причём-то, рёвом-то ревят, а батюшка никак. Безвиное дитятко, он ни в чем ещё не досадил. Чтоб ему на небесах жить-то, так нет. И не велят, только их помяните словом в церкви и всё, как это крещённые, а некрещённые – им нет.
- А причём-то вы по нему не плакали, что «мое милое дитятко»?
- Нет. Как двенадцать часов было-то уж, родился так. Я уж поревела об нём. Дедко так всё вино пил, ему хоть бы хер, вино пил, всё даром. Родную мать продаст. Ой, девушки, я ведь на авось жила.

Таким образом, описание экзистенциальных ситуаций возникновения и прекращения бытия ребенка дает возможность выявить типологические черты языковой картины мира вологодского крестьянина. Во-первых, это первичность биологического выживания человека в весьма сложных природных и социальных обстоятельствах, приоритетность продолжения рода и необходимость ранней социальной адаптации человека (в данном случае – ребенка) к сложившемуся укладу крестьянской жизни. Во-вторых, это традиционность восприятия мира, сохранение в крестьянском сознании древнейших мифологических представлений и заметно преобразованных под их влиянием идей и ритуалов православия. Наконец, в-третьих, обращает на себя внимание специфичность проявления эмоций по отношению к ребенку: он является объектом семейной гордости и материнской ласки, которые имеют весьма сдержанное внешнее проявление в обозначенных ситуациях: это может быть связано, на наш взгляд, с опасениями человека разрушить собственное семейное благополучие неосторожным словом.

Литература

1. Власкина, Т.Ю. Зоокод репродуктивной сферы жизнедеятельности человека в донских говорах (архисема «способный и репродукции») / Т.Ю. Власкина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 85–91.
2. Волкова, Н.А. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография / Н.А. Волкова, С.А. Ганичева, А.В. Загуменнов, Е.Н. Ильина, М.Г. Мельникова. – Вологда: ВоГУ; Череповец: ЧГУ, 2017. – 232 с.
3. Герасимов, М.К. Словарь Череповецкого уездного говора / М.К. Герасимов. – Санкт-Петербург, 1910.
4. Демидова, К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: монография / К.И. Демидова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. – 110 с.
5. Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева; науч. ред. Т.Н. Бунчук. – Сыктывкар, 2008. – 200 с.
6. Комиссарова, Т.Г. Субъектно-объектный мир детства в языковой картине мира вологодского крестьянина / Т.Г. Комиссарова // Севернорусские говоры. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – Вып. 17. – С. 129–140.
7. Зубова, Н.Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дис. канд. филол. наук / Зубова Н.Н. – Вологда: ВоГУ, 2017. – 206 с.
8. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – Москва: ЧеРо, 2003. – 349 с.
9. Костромичева, М.А. Этапы становления ребенка: особенности именования в говорах / М.А. Костромичева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 76–78.
10. Меркулова, В.А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка / В.А. Меркулова // Этимология. 1967. – Москва, 1969. – С. 158–172.
11. Меркулова, В.А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка / В.А. Меркулова // Этимология. 1970. – Москва, 1972. – С. 143–206.
12. Овсянникова, Т.Г. «Умел дитя родить, умей и научить»: лексико-семантическая группа «дети» в вологодских говорах / Т.Г. Овсянникова // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда: Легия, 2012. – С. 229–234.
13. Овсянникова, Т.Г. «А внучок такой уж поназырь – сладу нет»: диалектная лексика, называющая детей в вологодских говорах / Т.Г. Овсянникова // Ярославский текст в пространстве диалога культур. – Ярославль, 2014. – С. 412–417.
14. Овсянникова, Т.Г. Характеристики детей в речи жителей Режского поселения / Т.Г. Овсянникова // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. – Вологда: ВоГУ, 2015. – С. 50–55.
15. Основы теории коммуникации / ред. М.А. Василик. – Москва: Гардарика, 2003. – 615 с.
16. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 315 с.
17. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – Москва, 1995. – 416 с.
18. Словарь вологодских говоров. – Вологда: ВГПИ; ВГПУ. 1983–2007. – Вып. 1–12.
19. Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВоГУ, 1017. – 604 с.
20. Угрюмова, М.М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дис... канд. филол. наук / Угрюмова М.М. – Томск: Томский гос. ун-т, 2014. – 164 с.
21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва, 1987. – Т. 1–4.
22. Картоoteca «Словаря вологодских говоров» (ВоГУ).

T.G. Komissarova

**«WORLD OF CHILDHOOD» IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF VOLOGDA PEASANTS:
BIRTH, CHRISTENING, SICKNESS AND DEATH OF CHILD**

The article is devoted to the problems of cognitive dialectology. The author presents the language picture of the world of Vologda peasants concerning their understanding of various ideas about children and childhood. The concept «childhood» is characterized as a set of situations that make up human life. The article describes in detail the situations of the beginning of life (birth, christening) and its end (illness and death of a child). The conclusions of the work are based on the analysis of speech illustrations from the «Vologda Dialects Dictionary» and oral stories of rural residents, published in a series of publications «Folk Speech of Vologda Region».

Cognitive dialectology, concept «childhood», Vologda dialects, dialectal language picture of the world.

Л.В. Сабурова

Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Вологды

КОРОВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

В статье анализируется корпус речевых высказываний сельских жителей Вологодского края о корове, описываются лексическая семантика и деривационные особенности названий коров, выявляется состав объектов, действий и прагматических ситуаций, связанных с содержанием этих животных, а также специфика их оценок, вербализуемых в речи информантов. На основании результатов анализа характеризуются типологические свойства языковой картины мира вологодского крестьянина.

Когнитивная диалектология, анимальная лексика, вологодские говоры.

В картине мира сельских жителей домашние животные занимают особое место: именно от них зависит биологическое выживание человека в суровых климатических условиях; находясь рядом с человеком, они являются не только источником его экономического благополучия, но и объектом заботы, ухода, внимания, ласки; жизнь домашних животных, обеспечивающих человека пищей, одеждой, обувью, являющихся основой стабильности крестьянского хозяйства, во всех своих проявлениях от рождения до смерти определяется локальными традициями содержания животных, связана с народными приметами, обрядами и верованиями. Неслучайно поэтому изучение анималистической лексики в различных языках мира (и в русском языке в частности) в значительной мере сосредоточено на описании семантики [17; 5; др.], происхождения [23; 19; др.] и деривационного/фразеологического потенциала [15; 10; др.] названий домашних животных, особенностей функционирования этих слов в бытовой речи жителей различных территорий [14; 21; др.], в поэтической речи [13; 6; др.], в национальной и локальной фольклорных традициях [1; 22; др.], на осмыслении этой группы слов в этнолингвистическом аспекте [9; 8; др.] и в контексте реконструкции языковой картины мира русского народа [3; 11; 7; др.]. В контексте изучения анималистической лексики современных вологодских говоров на материале опубликованных региональных словарей (СВГ и др.) и записей бесед с информантами по программе «Лексического атласа русских народных говоров» (Программа ЛАРНГ) мы смогли убедиться в том, что наибольшее количество названий (более 70) и самый объемный контент речевых высказываний информантов (примерно 25 % всех анализируемых текстов) относится к коровам. В связи с этим в рамках данной статьи будет представлено лексическое своеобразие и деривационные особенности названий коров, а также специфика оценки этих животных, выражаемая в речи сельских жителей Вологодского края.

В рассказах наших информантов представления о домашнем скоте в определяющей степени связаны с наличием коровы: *Часто так говорят: «Держишь какую-нибудь животину или нет?» – «Да, держу ко-*

рову и овец»; Скотина, животина – ну, если кто у тебя во дворе есть. Ну, корова, понятно, овечка; Жизнь всякая – корова, овцы. С одной стороны, это связано с тем, что корова в крестьянском хозяйстве была основным источником благ животного происхождения (молока, мяса, шкур, навоза и пр.), а с другой – объясняется тем, что основной состав информантов, рассказывающих о животных, – это пожилые женщины, а корова издревле считалась основным «женским» животным [8]. Неслучайны поэтому в диалектной речи параллели описания жизнедеятельности коровы и женщины, особенно в сфере реализации их репродуктивных возможностей: *Ялую корову держать долго не буду – ср.: Детей-то я не крестила – яловая я* (см. об этом также: [14; 4; 2; др.]).

Наличие коровы в доме считалось признаком достатка и благополучия: *В Дымково-то народ жил богато, не по одной корове держали, а как на Борбушино приехала, дак тут победнее, не у всех и корова-то была; А ведь по двенадцатеро коров да две-три тёлки держали; Хозяйство у неё шибко дородно было: корова, овцы; Багачества – однакорова.* Приобретение коровы (покупка, получение в качестве приданого и др.) становилось для семьи большим подспорьем: *У меня приданица была, от мамки корова; Отец выделил мне из своих земельных угодий одно чищенье да дал со мной Корову, выездную сбрую, и гармонь с чего началась Самостоятельная семейная жизнь, И начали мы совместно с семьей тестя Никандра Никандровича жизнь дружную и хорошо налаженную** [16, с. 54]). Наоборот, отсутствие коровы в домашнем хозяйстве характеризовало его как неблагополучное, бедное, нежизнеспособное: *Раньше какой двор без коровы – только уж если совсем какие зимогоры жили!* Информанты, характеризуя современную деревню, неодобрительно отзываются об отсутствии во многих хозяйствах коров: *Щас все бескоровники стали; Дивья топерь-то, а вот поломайсь, как мы, с коровам-то!*

* Фрагменты рассказов В.А. Морозова приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

Общими названиями парнокопытных животных семейства полорогих вида быков подвида домашних быков (лат. *Bos taurus taurus*) являются древнейшие славянские названия *бык* [24, т. 1, с. 258], *корова* [24, т. 2, с. 331], *теленки* (ср.: **tele* [24, т. 4, с. 38]). Наряду с этими словами в вологодских говорах употребляется большое количество слов, называющих животных этого вида в зависимости от пола, возраста, физиологических особенностей, внешних и поведенческих характеристик, хозяйственного назначения и др. признаков.

Для характеристики **взрослых самцов** животного определяющим признаком является их способность к оплодотворению самки. Кроме существительного *бык*, для названия этих животных используется слово *бугай* (заимств. из тюркск., ср. тур. **biya* «бык» [24, т. 1, с. 228]), а также производные слова, маркирующие возраст животного (*Бык-от у её двулеток, сдавать собралась. И зачем тогда два года кормила?*), его размеры и физическую силу (*Бычина-то его и разбудал*).

Названий **самок животного** в вологодских говорах значительно больше. Они маркируют **возраст животного**: *четвертаха* «четырёхгодовалая корова», преимущественно по признаку **готовности или неготовности самки производить потомство**: *телица, тёлка, тёлочка* (*Она бы вчера-то уехали, кабы не тёлку гонить; Да ведь телица-то – это молодая корова ещё, ну, девочка то есть; Тёлочку-то лучше, чем бычка: его-то куды – его на мясо, а тёлочку-ту вырастишь, дак с молочкём будешь*); *переходка, переходница, переходок, переходочка* (*Если лето переходит тёлочка, то переходкой называется; Ей бы надо отелиться, а она не обгуляется, не телится на третьем году. Это переходница называется; Прошлый год она шайку пила, уж зиму жила, дак переходок, не мене матки. Год минул, второй пошёл – это и есть переходок; Большеенькая телушка-то была, переходочка*). **Возможность или невозможность рождения потомства** является одним из наиболее существенных признаков для номинации животного: детализируется возраст, в котором корова в первый раз приносит потомство: *коленка, штанка* «корова, отелившаяся на первом году жизни» (*Коленку идти посмотреть, вчера отелилась, и году не проходила; Тёлка шито молоденькая была, отелилась, дак такую штанкой называют*), маркируется первый раз рождения коровой телят: *первоотёлка, первотёлка, первотёлочка, первотёлок, первотёлочек* (*Корову-то мы первоотёлка продали; Корова у мамы моей – первотёлка; Не даёт доиться первотёлок, не стоит, лягается; Ой, какой баской у тебя первотёлочек!; Это у меня первотёлочка разродилась*), имеются специальные названия для стельной коровы: *огулялая, стельная, тяжёлая* (*Огулялая корова. Телёнок будет; Корова-то уж ведь тяжёлая была*) – и различных физиологических действий: *опростаться, отелиться, растелиться* «родить детёныша (о корове)» (*Ночью-то и опросталась, телёночек вон какой хорошой!; Отелилась – дак уж корова, не телушецька; Год тогда студёной был, корова-то у меня растелилась, дак я телёнка застала на мост*), *избережаться* «преждевременно родить нежизнеспособный плод» (*Корова у Максименковых избережалась, дак сейчас*

снова быка ищет). В противоположность коровам, рождающим детёнышей, маркируется яловая корова: *нетель, нетолка, яловка, яловуха, яловушка* (*Зорька у неё – нетель, телёнка от неё не жди; НетоУку загони во двор; Яловка, не огулялась; У Шурки-то опять яловух много на ферме будет. Не ходит ведь на ферму, не видит почти и коров-то. Опять приплоду не будет; У соседки две коровы, да и те яловушки*). Другой существенный признак для номинации самок животных – это **возможность получения молока**. Специальные названия существуют для дойной коровы: *доёнка, дойка* (*У Шурки доёнка спокойная, любого подпустит, не то что у меня была; Дёржали по семь доёк, а молока мене, как ноне одна корова надоит*) – и по соотношению с ней маркируются состояния, при которых корова не даёт молока: *недоёнок, недоюха, недоянка* «яловая корова» (*А корова-то недоёнок у её, сдавать сего году будет; Корова у меня сего году недоюха, дак сдавать буду; Наша корова у нас уже 13 лет, а недоянкой ни разу не была; ♢ в межмолоках (межмолоки) ходить «не давать молока перед отёлом, не доиться» (Корова вторую неделю в межмолоках ходит*). Внутренняя форма диалектных названий коровы эксплицирует качество удоя: большой – *ведёрница* (*Корова-то ведёрница, много даёт молока*) или малый – *недоюха, издойная* (*Плохую тёлку мне свёкор выбрал, недоюху; Корова-то у меня издойная*), а также маркирует физиологические особенности животных, определяющих усилия доярки при получении молока: значительные – *тугодойка, тугая, тугенькая, тугодойкая, туготелая* (*Доишь-доишь, а молока нет! Трудно тугих-то коров доить!; Корова-то у нас тугенькая; Тугодох-то нарушают; Если туготелая корова, дак мученья с ней!; Оно больше передаётся по наследству: если матка тугодойкая, дак и тёлка будет тугодойкая*) или небольшие – *слабая, слабомолокая, слаботелая, ♢ слабая к молоку* (*Это пёстрая-то корова слабомолокая, хорошо доит. Другая худо доит, рукам-то жать; Туготелую корову трудно доить. У меня-то хорошая, слаботелая была; Хорошая у меня корова, слабая. А как слабая у меня, дак из всех четырёх титёк само бежит; Слабая к молоку – так легко доить, крепкая – так тяжело рукам*).

В отношении коровы фиксируется значительное количество обращений, выражающих **отношение говорящего**, эксплицирующих любовь и ласку по отношению к животному: *коровушка, малка* (ср.: *малый*), *таланушка* (ср.: *талана, талань* «судьба» [20, вып. 11, с. 5]), *холёнушка* (ср.: *холить*) (*Коровушка, малка моя, покушай сенца-то!; А я её называю «милая», «хорошая коровушка», «таланушка», «холёнушка», «послушная». Позовёшь – а она идёт. Глазки добрые, смотрит*), а также неодобрение по отношению к излишне резвому, беспокойному животному: *терлыга, тпрука* (*Куды, терлыга, пошла? Леня тебе грезь-то обойти!; Стой, тпрука, стой, милая, доичка будём; Не корова, а чистая шельма!*).

Названия детёнышей коровы в вологодских говорах достаточно часто не дифференцируются по половому признаку (*Вот вавко-то, разве телята это? Коров от телят не отличит, вот вавко-то!*) и содержат в своем составе суффиксы субъективной оценки: *телёнички, телятишко, телятко, теляши* (*Все*

у нас ликвидировали, скоро и коров не будет. У нас телятишки всё будут, маленькие сосунки, а в Россонине откормленные; Раннѐе телятко, а позднѐе егнятко. Раннѐе телятко – это то, которое родится в начале года. Этого телѐночка весной уже можно выпускать, он здоровей того, который поздно родится. А егнятко – дак тот быстрее растѐт, хоть и поздно родится; Смотри, какой теляш родился; Корова отелилась, этакое хорошенького телѐнчика принесла! Чѐрныйкий, а во лбу звѐздочка). Кроме слов с общерусскими корнями, для названия телят используются диалектные слова звукоподражательного происхождения, соотносительные с подзывными словами: *депа, депочка, тѐптя, тептушка* (Где это у нас тептя гуляет? Тептя, тептушка, иди сюда; Идите сюда, депочки!) и слова неясной этимологии: *отеня* (Лонись у меня отеню-то во Ук загрыз [20, вып. 6, с. 89]). В рассказах о телятах маркируется их **половая принадлежность** (*бычок/тѐлка, тѐлочка, телушка*), **возраст**: *годовушка, летошник/летошница, однолеток, переходник/переходница* и др. (*Наша годовушка за лето выросла больно; Летошник, прошлым летом родился, дак год ему; Тѐлочка у нас летошница была, закололи; Если телѐнку год, так переходник, как перегулял год, так переходник*). Диалектные производные названия телят маркируют **особенности жизнедеятельности** в различные возрастные периоды: *молочник, опоек* «новорожденный теленок» (*Телѐнок ничего не ест, только и знает матку дозлить; Телѐнок-от ешиш молочник, молоко у матки сосѐт; Молочников-то надо отдельно держать; Опоек, так это вот пока у матери молоко пѐт*); *запастушник* «теленка на втором году жизни, который пасется в стаде» (*На второй год телѐнок за стадом ходит, за пастухом. У нас его запастушником зовут, за пастухом ходит дак*), а также назначение животных (обычно бычков), оставляемых в хозяйстве на откорм для получения мяса: *откормошник, откормыш, прикормок, прикормыш, припусток* (*В марте их приведут маленьких, откормошники хорошие были быки; Откормыша скоро резать будем; Корова, прикормок, овцы, лошадь – нековды так не было; Телята-то, которых на год оставляют, прикормышами называются; Пустышь этого телѐнка на зиму, вот он и вырастет, как припусток. Кто пускает припустка, кто нет. Раньше ведь не такая дорогая скотина была*). В обращениях к телятам также маркируется ласкательное (*депочка, тептушка*) отношение к животным; вместе с тем информанты нередко используют и неодобрительные названия: *Я гоорю ему: «Зимогор ты, зимогор, почто ботаешься?»; Тѐтя Римма ведѐт <убежавшего бычка>, зимогора ведѐт*.

Деривационный потенциал общих названий крупного рогатого скота различен. От названия самца животного образуются существительные с суффиксами стилистической модификации (*бычок, бычина*), притяжательное прилагательное (*бычий*) и глаголы, называющие проявление состояния природы или человека (*бычиться* «хмуриться (о небе)», *избычиться* «рассердиться, нахмуриться»); в результате семантической трансформации образуются также названия предметов бытового назначения (*быки* «стропила крыши», *бычины* «столбы, устои плотины водяной

мельницы») и явлений природы (*бык, бычок* «первая туча перламутрового цвета, являющаяся предвестником сильной грозы, грозовое облако»).

В составе устойчивого сочетания (♦ *Ласковое теля двух маток сосѐт* «о ласковом, приветливом ребенке, человеку») в вологодских говорах сохранилась наиболее архаичная, безаффиксная дистрибуция корня *-тел'- (теля)*, среди слов этого корневого гнезда фиксируются общие названия детеныша (*телѐнок, теляш*), их стилистические модификаты (*телятко, телятишко*), названия незрелого существа женского пола (*тѐлка, телица, телушка*), коровьего вымени (*тельно*), помещений для содержания телят (*телятник*), людей, ухаживающих за скотом (*телятница*), притяжательные прилагательные (*телячий*) и глаголы, эксплицирующие действия, связанные с рождением телят (*телиться, растелиться, отелиться*), а также их дериваты (*отѐл*). Результатом семантического переноса, на наш взгляд, является образование глагола *телиться* «долго снаряжиться, собираться» и его дериватов (*протелиться* и др.).

Наиболее широким деривационным потенциалом обладает название самки животного. В вологодских говорах от него образуются существительные с ласкательным (*коровка, коровушка*), увеличительным (*коровица, коровуха*), уничижительным (*коровѐнка*) значениями, слова, называющие нерасчлененное множество животных (*коровьѐ*), помещение для скота (*коровник*), женщин, ухаживающих за скотом (*коровница*), мясо и шкуру животного (*коровина, коровятина*), прилагательные со значением отношения или принадлежности животному (*коровий*), глаголы состояния, при котором человек уподобляется животному (*короветь* «толстеть, полнеть», *раскороветь* «растолстеть, располнеть»). Название самки животного служит базой для семантических переносов, в результате которых образуются названия выпечных изделий (*коровай* и его производные), грибов (*коровка, коровушка, короватик, короватник, коровятник* и др.), бытовых предметов (*коровка* «выемка, углубление, гнездо в конце бревна, куда вставляется выступ другого; паз»), а также мотивирует внутреннюю форму диалектных фразеологизмов (♦ *На коровках* «на коленях»; ♦ *Заползать на коровках* «стать немощным, неспособным что-либо делать вследствие наступления старости»).

В рассказах информантов маркируется широкий набор отличительных признаков, позволяющих хозяйке идентифицировать свое животное. Во-первых, это цвет и густота **шерсти** животного (*Корова жарная, тѐмно-корицьневая; Больно уж шерстнатый телѐнок-то родился*), мотивирующие образование многих производных названий коров: *пеструха, пеструшка, чернуха* и др. (*В стаде всякие коровы есть: и пеструхи, и белонь, и цыганки; Эта корова отелилась, дак телѐночек-от эдакой пеструшка; Я всяких коров кормила – и чернух, и пеструх*). Во-вторых, это **отличительные знаки** на теле животного, имеющие естественное происхождение, как, например, отсутствие рогов на голове у животного: *комолка, комлюха* (*Комлюха – безрогая корова, а то бывает и коза; Комолок у меня четыре коровы*), или сделанные человеком: *зарубка* «надрез, метка с номером на ухе животного» (*Чтобы корову колхозную в*

стаде отличить, ей на ухе зарубку выцпиывают, номер то есть). Наиболее широко в говорах представлены названия **приспособлений, издающих звук** при движении животного: *боркун/буркун, батало, бубен, бубенок, бубешок, звонок, колокол, колоколо* (*Летом боркуну всем лошадам и коровам вешают; Батало-то звонокё, дак далеко слышно, где корова; Я свою корову издадека по бубну узнавала; У коровы бубенок на шее; С бубешкам коров гонели; На телушку дак звонок, на корову дак большое колоколо; Колокол-от у твоей коровы шишко звонокий*; эти названия служат мотивирующей базой для образования производных названий животного с колокольцем на шее, приближение которого было сигналом о возвращении скота с пастбища: *колоколена, колокольница* и др. (*Колоколена-то главная в стаде, она водит стадо; У колокольницы-то колоколо далеко слышно*). В речи информантов представлен широкий круг диалектных глаголов, эксплицирующих **мычание** коров: *бунькать/забунькать, мукать/замукать, мурявкать/замурявкать, змурявкать, мыргать, мыркать, мырчать/замыргать, замыркать, замырчать, ныржисть/заныржисть, рыкать/зарыкать, зыкать, зычать* и др. (*В хливе-то бунькат, пора, поди, коровушку-ту кормить; Коровы замурявкали небаско; Коровы-то замыржали, доиться просят; Корова-то у меня была – доиться надо, дак заныржит сама; Как увидели нас, да как зарыкают во всю-то башку, бедные наши коровушки!; Коровы близко зыкают, видно, домой идут; Коров-то когда гонят, дак они зычат; Корова рыкает, а тёлочка мукает. Уж издадека чуть, как моя тёлочка мукает; Корова как к дому подходит – мырчит, голос подаёт*. Информанты подробно описывают также **повадки животных**, обращая внимание на порчу вещей (*Корова выташишила висок с деньгам да жуёт*), загрязнение поверхностей (*Не закроем, дак коровы-ти всё закастят; А засерёт, как не закроешь отвод-то*) и особенно на склонность животных бодаться. В говорах функционируют специальные названия **бодливых животных**: *бодун, бутыга, толкун, толкунья* (*У меня бык, такой бодун вырос, дак я и то боюсь его; Заганивай бутыгу в стаю, время-то девятой цяс; Ой, говорю, толкуна-то увезли; Если уж корова толкунья, то и хозяйке худо приходится, и её-то боднуть может*), прилагательные, эксплицирующие признаки агрессивного животного: *бодучий, будачкий, будысакий, толкатый, толкучий* (*Корова такая бодучая, дак и подходит к ней боюсь; Возьми вицу-то побольше, корова-то будачкая; Бык-от у нас в стаде будысакий; Корова, которая толкается, – толкунья, или ишчо толкатая говорят*), глаголы со значением «бить, колоть рогами» и их видовые корреляты: *бости, бостись, будысаться, кузыраться* и др. (*Научилась корова бостись, дак теперь спасу нет никакого, всё и бодается; Бык-от на дворе сейчас будысаУся; Лонися мужика-то у её бык забов, двое робят осталось; Была у нас в деревне бодливая корова, в прошлый год женцину избола; У соседа корова кузырается; Есть коровы такие, что так тебя и разбудают, разбудать им нетрудно*. В качестве средств воздействия на животных использовались **орудия наказания**: *вица* «гибкий прут, ветка», *гила, батог* «палка», *витень* «кнут» (*Возьми вицу-то по-*

больше, корова-то будачкая; Гилой корову-то подгоняли; Наши пастух с батогом за коровами бегаёт, Витень на их наде, а без витня оне ничего не пони-мают), **звуковые сигналы** – различного рода обращения и подзывные слова: *прука-прука, сыго-сыго, тёпа-тёпа, тпрко-тпрко, тпруко-тпруко, тпру-тпру, эво-эво* и др. (*Прука-прука, иди ко мне; А коровушек подзывали: сыго-сыго; Тёпа-тёпа – так вот коров звали; Тпрко-тпрко, иди сюда, Чернуха!*; *Позови-ко сходи телёнка. Тпру-тпру-тпру!*), а также звуковые сигналы, которые издавались с помощью специальных **приспособлений**: *барабанки, колотильницы, стукалашки, стукальницы, стукоталки, стукотальника, стукотальни, стукоталенки* и др. (*Барабанку пастухи вешают на огород, колотят в неё, мы и выгоняем коров; Колотильница, коров собирать; Пошто орать? Эдак не доорёшься кажную корову-то! Стукальница была, деревянная, в неё били; Стукоталенка была. С ней всю деревню надо было пройти, чтоб хозяева скот выгонили, пасту надо; Ходим со стукоталками да стукоталим; Один пастух пройдёт со стукотальной – пора коров гнать, другой – для овец*).

Одной из наиболее широко обсуждаемых информантами тем является **уход за животными**, в первую очередь, за коровой. В вологодских говорах используется достаточно широкий круг диалектных глаголов, в обобщенном виде называющих комплекс действий по уходу за скотом: *воймовать, водиться, вожкаться, обиходить, обихаживать, управлять* и др. (*С коровам водилась порядочно; Годы-то не те, не могу боле с коровой-то вожкачья; Она пошла на двор корову управлять; Пойду корову изобихожу; Обихаживать-то корову много надо, сколь с ней делов-то!*; *Обиходить надо, как застали-то: накормить, помыть, подоить, вычистить всё да убрат*. Основную пищу для коров составляли различные травы (*Пырей – едкая трава, кони да коровы её едят. Растёт на пожнях, на берегах; Траву-то эту коровы будут ись-то? – Чёго заес, то и будешь давать*), сено (*Как сено-то едкое, дак у коровы в кормушке не останется*), солома (*Коров-то цем кормили? – Да житницей. – Коровам-то итё давали? – Житницу да колосею давали*), мякина (*Кормины не валитё на повить, в огородче смечите. Когда ячмень обмолотят, зерно в омбар унесут, а кормину смечут. Кормину-ту коровы лучше соломы едят*), очищенные от семян коробочки льна (*Семя сдавали, а куколь коровам запаривали понемногу*), картофель (*Эта-та скотная картофка, не едная*), а также различного рода комбинированный корм с добавлением муки, отрубей и др. (*Мешанины сейчас наделаю, погоди маленько; Заварка – это пойло для скотины; Пойло – чёо запарить, то и будёт: комби-корму, поди, да хлебушка дашь поиси коровушке*). В речи диалектоносителей используются диалектные названия «порций», количества корма, которое корова съедает за один прием пищи (*Ну-ко, сена-то не привезли, осталось на одно даванье; Марта (корова) давку-то сена не съела. Здорова ли?*) и приспособлений для кормления животных (*Положь в малянку сена-то поболе, дак корове до утра хватит*). Информанты отмечают, что для содержания коровы требуется очень много корма: *Когда сенокос, дак побоблели*

все сусидям, и дети с городу на сенокос специально приезжали: корове дак много сена надэ!; Отец купил дацю, дак теперь больше сена-то будет, прокормим короушку; Корову-то давно продала, дак и звоз теперь не нужон, комментируют физиологические особенности приема пищи, в частности вторичное пережевывание жвачными животными возвращающейся из желудка в полости рта пищи: Коровы да овчи без жваки не могут; Если корова не двечит, значит, заболела; Корова жвачит, дак это жвачка; Ну вот жвакует жвачку то корова, то козлуха, а также активное поглощение пищи как признак здорового животного (Корова второе ведро забулькала; Телёнок-от, вишь, как зоблет, проголодаУся, видно; Если корова не двечит, значит, заболела; Корову-то додонь как следует, а то пахи провалились), для характеристики которого используется широкий ряд диалектных определений: ествяный, жористый, жоркой, солощий и пр. (Есвятная корова-та. Какого сена не дай – всё съес; Ишь, телёнок-то какой жоркой!; Солощая скотина-то, не больно разбирает – всё жорёт, как надавано). По соотношению со здоровым, активным, физически крепким животным (Бык-от матерушиной!; Целоможный у тебя телёночек-от уродился; Юровая у нас корова) в говорах маркируются слабые, хилые, изможденные животные (Больно и корова-то у них заморённая; Коровы-ти заморные сейгод, дак не знаешь, как и доить; От чаванухи никакого молока. Отдельную проблему рассказов информантов о коровах составляет описание их типичных недугов – бесплодия (Корову осеменяют, но плода не зарождается. Это болезнь. Топеречи против болезни-то ломуны какое-то лекарство вводили, дак вроде поменьше стало их), потери аппетита (Корова жваку теряет. Не заболела ли?), механических повреждений (Ногу корова выставила), а также причин смерти животных – утопления (Забредёт корова в лес-от, дак и доведётся: забредёт на зыбунец – и тю-тю!; В заплаве корова тонула), нападения диких зверей (И вижу – в ломях волк задрал корову и пьёт кровь, аж урчит), изнурения тяжелой работой (Бедного быка-то всего загоняли. Столько он работы нам переделал. Затачили вконец быка-то, не пойдёт он больше; Лошадей-то не было, дак на коровах пахали. Которая попойдёт-попойдёт, а потом глядишь и сдохнет!).

Местом постоянного содержания коров в крестьянском хозяйстве является хлев – нижнее помещение двора, задней части крестьянского дома (Короушка-то в хливе стоела; Ой, в клеве-то до чего сыро! Корова в клеве! Она пошла на двор корову управлять; На зады коров доить вышла), разгороженное для проживания коровы и более мелких животных (Раньше за заборовою-то у меня корова стояла, а теперь цыплят держу; У меня в хлевуовцы в одной стае живут, а корова в другой; По две короушки стояло в загородке-то). Летом коровы содержались под открытым небом, для этого существовало специально огороженное место: загонка, загородка, заосек и др. (Летом там у него загонка для телят; Коров на заосек гонели; Корова в колхозное логово забегает). Для обозначения **мест выпаса** скота в вологодских говорах используются диалектные названия пастбищ, внутренняя фор-

ма которых эксплицирует извлечение животных из «своего» пространства (**вывод**), отгороженность пастбища от лесного «чужого» пространства в результате трудовой деятельности человека (**выгорода, загорода** – ср.: **городить**; **заосек, засек** – ср.: **сечь, ломь** – ср.: **ломать**; **клетка**), предназначение для выпаса животных (**запоскотинье, поскотина** – ср.: **скот**), в летний период (**летовище** – ср.: **лето**), а также географические особенности пастбища – расположение его возле водоема, в низком, заливаемом водой месте (**залив, займище, заполосок, isaда, лобоза**), на опушке леса (**закраек**), на территории, прилегающей к пашне (**заполье, заполица** – ср.: **поле**), на лугу (**луговина**), а также выпас немногочисленных животных на территории деревни между домами (**завук, заук, заулок** – ср.: **улица**). В речи информантов используются многочисленные глаголы, называющие действия по управлению скотом во время его выпаса: **выганивать, выгонять/выгонить** (Скот-от выганивали в поскотину за деревню; Коров-то выгонили поздно), **вытравлять** (Манька, вытравляй коров туды, а то и там выкосят), **загонять, заганивать/загонить** (По вечерам я корову заганиваю; Загони-ко корову во двор), **заставать/застать** (Я её вычёл <корову> дула-дула, а застать не могла; Время-то много, пойду корову заставить), **караулить** (Отдельно пасут скот-от у нас, надо по очереди караулить. Лидка телят караулит, а я короУ), **изымать** (Нужто изымали сёдни телёнка-то, говорила, что потерялся), **гаркать, загаркивать/загаркать** (Гаркала корову-то, не идёт, долго не могла загаркать, Не загаркивают корову-то эдак рано), **зыхать** (Как начну зыхать, так коровы и тянут ко мне).

Получение **практической пользы** от содержания коров информанты связывают с наличием в хозяйстве мяса (Нонче тёлку забрили; Зарушают скотину, мяса насолят), бытовым использованием внутренностей животного (У кого в окнах-то стекло, у кого брюшина; Брюшину-то от коровы вычистим да сварим, а робята-то всё за день съедят), шкур (В Городок кожься-то навезут теперича, а ране дома кожьё приготавливали; Шкура телёноква у нас опоек называется. Вон у соседей опоек на заборе. Из опойка шили обувь: тапочки там разные, опойковые сапоги, очень мягкие в отличие от коровины), навоза (Корову-то сбавили, дак назьму-то топерь негде брать!), но в первую очередь – с получением молока, изготовления молочных продуктов (Теперь у всех коровы-то, дак большухи копят масло-то; Грудок свежий, сейчас из печи только достала. Грудка хочу соседке отнести: у неё корова сейчас не доит). **Круг работ**, связанных с получением молока, определяется физиологическим состоянием коровы, дающей молоко (**доёнка, дойка** «дойная корова»), количеством молока, выдаиваемым за определенный срок (**дойло** «удой»), использованием специальных приспособлений (**поподойник** «подойник», **бухалица** «аппарат для ручной переработки молока в сливки»), временем дойки (**вечерня** «вечерняя дойка») и пр.

Весь круг работ, связанных с содержанием крупного рогатого скота, существует в сознании информантов в контексте традиционной культуры. Об этом свидетельствует сохранение этикетных формул – благопожеланий хозяйке, доящей корову (◇ *Ведро (море)*

(тебе) молока; ◇ *Море под кормилицей (под коровой, под маткой)* и *Море под кормилицу (под корову)*. ◇ *Море молока*), или хозяевам, забивающим скот (◇ *Сахар-мясо: Ковды режет скотину, тебе говорят: «Сахар-мясо!» А ты отвечаешь: «Цапай горстью!»*), заговоров, направленных на получение большого удоя молока (◇ *Стой, коровушка, горой, бежи, молочко, рекой!*), обращенных к домовым и лесным/полевым духам с целью уберечь скотину во время выпаса и ночного сна (*Когда выпускают коров на поле, суседушку кланяются в пояс и говорят: «Дедушко-суседушко, полевой пой-корми, дворовой, домой веди!»; Батюшко доброходушко, матушка доброходница, вам здись не тесно? Дайте моей скотине доброе место!»; Скотина на круг находила, дак тут ворожею звали, а так не найти. Она с круга и сымёт; Старухи пишут камбалу на берёсте, я слышала, как она камбалу пишет, лешего призывает. Камбалу писала мать, а что, никто не знает. Нельзя было читать. Как только не могут найти животину, так к ней и идут, она камбалу и пишет, животина прибегаёт*), рассказов о сверхъестественных существах, оберегающих домашний скот или, наоборот, вредящих ему (*Досуженця скотинку-то справно держала; Ласочка коров-то доит; Придѣшь, а корова-то и выдоена. Думаешь сразу-то: молочник*), об использовании ритуальных действий и предметов в качестве оберега для скота (*По репю хвостик у коровы отрезали, в Великий четверг отрезают; У меня телёнок пропал, две недели не было, а как закупонь поставила на стол, дак через два дня вернуУся. Горшком прикроешь дресву – вот и закупонь*).

Таким образом, анализ высказываний о корове в речи сельских жителей Вологодского края свидетельствует о том, что это животное занимало особое место в локальной картине мира, с ним было связано представление информантов о семейном благополучии и достатке. В лексическом множестве названий коровы сохраняются древнейшие видовые и обобщенные названия *скот, корова, бык*, и др., лексические противопоставления животных по признакам пола и возраста (*корова/бык/теленки*), а также возможности/невозможности давать потомство (*корова/телка*). Большинство видовых названий животных активно участвует в деривационных отношениях. Производные от них имена существительные образуются по продуктивным в русском языке словообразовательным моделям. Это модели морфемного словообразования: внутрисубстантивного – названия единичных животных или их совокупностей (*скотина*), уменьшительно-ласкательные (*коровушка, бычок*), уничижительно-пренебрежительные (*коровёшка*), названия детенышей домашних животных (*бычонок*), мяса (реже – шкуры) животного (*коровятина, бычина*), отсубстантивного – прилагательные со значением принадлежности животному (*коровий, бычий*), сравнительно-уподобительные наречия (*по-бычьи*), глаголы со значением действия, подобного тому, которое свойственно некоему животному или приписывается ему языковым сознанием носителя говоров (*короветь*). Проявляют себя также типичные модели неморфемного лексико-семантического словообразования: *корова* «лосиха»; *быки* «стропила крыши» и др. Иссле-

дование названий коровы в речи информантов убеждает нас в том, что вербализация «мира животных» в вологодских говорах представляет собой систему лексических и фразеологических средств, семантика, внутренняя форма и контекстуальное окружение которых репрезентируют типологические свойства диалектной языковой картины мира: антропоцентричность, парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Литература

1. Архипенко, Н.А. Отбирание молока у коров (к исследованию одного мифологического мотива) / Н.А. Архипенко // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2001. – С. 142–154.
2. Бунчук, Т.Н. Человек и животные в культурном пространстве Усть-Цильмы (на материале русских говоров Низовой Печоры) / Т.Н. Бунчук // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2013. – Вып. 2 (14). – С. 89–95.
3. Вендина, Г.И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм) [Электронный ресурс] / Г.И. Вендина. – Москва: Индрик, 1998. – 240 с. – Режим доступа: http://inslav.ru/images/stories/pdf/1998_vendina.pdf
4. Власкина, Т.Ю. Зоокод репродуктивной сферы жизнедеятельности человека в донских говорах (архисема «способный и репродукции») / Т.Ю. Власкина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 85–91.
5. Войтик, Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы наименований животных): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Войтик Любовь Семеновна. – Алма-Ата, 1975. – 39 с.
6. Галай, К.Н. Зооморфные образы в произведениях И. Бунина (цикл «Темные аллеи») [Электронный ресурс] / К.Н. Галай // Дискуссия: политематический журнал научных публикаций. – 2014 (май). – № 5 (46). – Режим доступа: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1112>.
7. Гордеева, З.А. Методика исследования зоонимов при моделировании русской картины мира (на примере зоонима «кошка») / З.А. Гордеева // Вестник Омского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2014. – № 1. – С. 43–47.
8. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – Москва: Индрик. – 1997. – 912 с.
9. Журавлев, А.Ф. Восточнославянская обрядовая скотоводческая лексика и фразеология в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Журавлев Анатолий Федорович. – Москва: МГУ, 1982. – 24 с.
10. Зорина, Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры: монография / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2012. – 216 с.
11. Кирилова, Е.А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кирилова Елена Алексеевна. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 203 с.
12. Козлова, Т.В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке / Т.В. Козлова. – Москва: Изд-во МГУ, 2003. – 179 с.
13. Козлова, А.Г. Анималистическая тема в современной советской прозе и традиции русской классической литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Козлова Алла Григорьевна; Харьков. пед. ин-т. – Харьков, 1990. – 18 с.
14. Красильщик, Е.А. Названия домашних животных с точки зрения их физического и физиологического состояния: На материале говоров Костромской и Ярославской

областей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Красильщик Елена Александровна. – Кострома, 1999. – 273 с.

15. Малафеева, Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Малафеева Екатерина Радиогеловна. – Челябинск, 1989. – 231 с.

16. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография / Н.А. Волкова, С.А. Ганичева, А.В. Загуменнов, Е.Н. Ильина, М.Г. Мельникова. – Вологда: ВоГУ; Череповец: ЧГУ, 2017. – 232 с.

17. Одинцов, Г.Ф. История русских названий лошадей (на материале памятников XII–XVII в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Одинцов Геннадий Филиппович. – Москва, 1970. – 353 с.

18. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / под ред. И.А. Попова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. – Ч. 1, 2. (Программа ЛАРНГ)

19. Проценко Б.Н. История названий животных в славянских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Про-

ценко Борис Николаевич. – Ростов-на-Дону, 1985. – 141 с.

20. Словарь вологодских говоров. – Вологда: ВГПИ; ВГПУ. – 1983–2006. – Вып. 1–12. (СВГ)

21. Слюсарева, О.А. О полярности образов кошки и собаки в диалектной картине мира (на материале лексики села Краснолипья Репьевского района Воронежской области) / О.А. Слюсарева // Актуальные проблемы русской диалектологии: К 100-летию издания «Диалектологического атласа русского языка». Тезисы докладов. – Москва: ИРЯ РАН, 2015. – С. 191–193.

22. Томова, У.А. Наименования домашних животных и птиц в сказках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Томова Ульяна Александровна. – Москва: МГОУ, 2010. – 224 с.

23. Трубачев, О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках / О.Н. Трубачев. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – 116 с.

24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Изд. 4-е, стереотип. – Москва: Астрель: АСТ, 2004. – Т. 1–4.

L.V. Saburova

КОРОВА (COW) IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF VOLOGDA PEASANTS

The article deals with the corpus of speech situations containing the noun *корова* (*cow*) and uttered by rural residents of Vologda Region. The author analyses semantic and derivational peculiarities of the names of cows; reveals the essence of objects, actions and pragmatic situations connected with keeping these domestic animals; and identifies a special attitude to them on the basis of the names used by the informants. The results of the analysis show typological characteristics of the language picture of the world of Vologda peasants.

Cognitive dialectology, animalistic vocabulary, Vologda dialects.

О.Г. Ягинцева

Тартуская высшая школа здравоохранения, Эстония

К ЭТИМОЛОГИИ ДИАЛЕКТНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ТАРАБАРКА

Однозначной этимологии у сущ. *тарабарка* нет. Для того чтобы внести некоторую ясность, в статье рассматривается редупликация как один из наиболее продуктивных способов формо- и словообразования в различных языках. Приводится список древних лексем, являющихся широко распространенными образованиями.

Мы подробно разобрали историю слова *тарабарка*, вследствие чего пришли к выводу, что в его составе возможен семантический повтор двух синонимичных корней, связанных со звукоподражанием. Для достижения своей цели (выяснить происхождение заявленной в заглавии лексемы) мы рассматривали сущ. *тарабарка* с точки зрения семантики, словообразования и фонетики.

Несомненно, проделанная работа представляет практическое значение в первую очередь для этимологов, которые, опираясь на выводы, быть может, смогут использовать эту информацию в своих дальнейших исследованиях, дополняя или оспаривая ее. Кроме того, поскольку в статье рассмотрена совокупность лексем, образованных при помощи редупликации, будущее поколение сможет черпать из статьи информацию и на эту тему.

Этимология, тарабарка, редупликация, семантический и фонетический анализы.

Редупликация является одним из продуктивных способов формо- и словообразования в различных языках. В истории языка и в его современном развитии также представлен довольно широко способ семантического повтора. В лексической сфере редупликация и повтор используются для создания новых слов.

Распространенность и частотность редупликации варьируется от языка к языку. В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью. Эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации.

Данная статья посвящена отражению редупликации и семантического повтора в названиях бытовых терминов. Такие названия встречаются во многих русских диалектах.

Большой материал о редупликации в различных языках мира представлен в работе Ф.Р. Минлоса [8]. Там же встречаются примеры редупликации и повтора при образовании терминов с бытовым значением, напр.: узб. *идиш-оёк* (букв. «сосуд-чаша»), *козонтювок* (букв. «котел-глубокая глиняная чашка») «посуда (разного рода)»; пример из языка идиш: *gopl-lefl* «столовые приборы» (букв. «вилка-ложка»). Следует упомянуть также диал. новос. *шура-мура* «ненужные вещи, хлам» (Там же, с. 19, 59, 67).

В основе образования многих бытовых терминов в русских говорах может лежать семантический повтор или редупликация. Учитывая активность семантического повтора, мы можем предложить правдоподобное объяснение происхождения сущ. *талаболка* «глиняный ручомойник», до сих пор не имеющего этимологии [19, т. IV, с. 14]. Отчетливо виден

семантический повтор: корень *тал-* со значением говорения (ср. *талала* «тот, кто шепелявит», *талалакать* «говорить неясно») и корень *бол-* (ср. *балаболить*). Значение «глиняный ручомойник» можно объяснить по-разному. Во-первых, следуя за Ф.Р. Минлосом, который приводит слова с семантикой «ненужные вещи», можно отнести и данный предмет к разряду не очень нужных в доме вещей. А во-вторых, при пользовании ручомойником неизбежно раздаются звуки. Таким образом, второе предположение заключается в том, что ручомойник получил свое название по звуковому проявлению в ходе использования (гремит). Интересно, что существует и слово *толоболка* «пирог из ржаной муки с горохом» (Там же, с. 72). Оно имеет ту же этимологию, внутреннюю форму, состоит из двух корней со звукоподражательным значением. Семантику объяснить сложнее. Ее можно истолковать так: дешевая, малоценная вещь.

Сущ. *тарабарка* встречается в донских говорах русского языка:

1) «деревянная решетка»:

[*Тарабарки – щитки испланок, штоп неправаливалась салома*];

2) «таган»:

[*Раньше называли тарабарки, а сычас тринога*] [14, т. III, с. 153].

М. Фасмер констатирует тот факт, что ясность относительно этимологии этой лексемы еще не достигнута. Он определяет слово в разряд «темных» слов [19, т. IV, с. 20]. Трудность этимологизации данного существительного заключается в том, что мы не располагаем никакими сведениями о его истории и бытовании (кроме того факта, что в донском говоре слово имеет еще одно значение «перекладина в стенке арбы»). Обращение к другим словарям позволило нам собрать

некоторый материал, хотя бы косвенно способствующий прояснению этимологии данной лексемы.

Внешняя форма слова напоминает ряд лексем, обозначающих 'пустое говорение'. В некоторых словах налицо семантический повтор: два синонимичных корня, связанных со звукоподражанием, повторяются для усиления значения семантики. Например:

тарабар 'говорун, болтун':

Он оказался очень живым, веселым и необыкновенно разговорчивым человеком и дал мне из своего обращения понять, почему его прозвали Тарабаром;

тарабарить 'заниматься пустыми разговорами, болтать':

– *Как! – вскричал Иван Петрович, – человек гибнет, а вы тут тарабарите да суежитесь без толку. Два молодчика пьют, они пьют и тарабарят про женитьбу про свою* [17, т. XV, с. 109];

тарабарить 'говорить, беседовать, болтать; говорить резко и быстро, тараторить', *тары-бары, тарабары, тарыбары* 'болтовня, беседа', *тарабар* 'говорун, шутник, краснбай; пустой болтун', укр. *тарибари* – то же, *тарабарщина* 'бестолковщина, непонятный, бессмысленный разговор, распоряженье, вести; неразборчивое письмо' [3, т. IV, с. 643];

тарабарить 'болтать', *табарить* 'болтать', *таракать, тараракать* 'болтать';

тарабарщина 'что-либо сказанное или написанное на непонятном языке, наречии':

– *Расскажи-ка, любезный, что изображается на этой картинке и что за тарабарщина написана под нею?*;

'что-либо непонятное, бессмысленное':

Некоторые термины, которые нам, старикам, с первого раза понятны, им покажутся тарабарщиной [17, т. XV, с. 111].

Возможно, этот лексический материал происходит от рифмованного образования *тары-бары*. В этом случае первоначальная внутренняя форма основана на комизме.

Хотя Ж.Ж. Варбот считает, что для *тара-* объяснение из звукоподражания или глагола говорения слишком поверхностно: семантика глаголов типа рус. диал. *торить* 'повторять одно и то же', чеш. *táratí* 'болтать; бесцельно бродить' показывает вторичность значения 'говорить'. Особенно существенны образования от корня **ter-*, обозначающие отходы. Для *тара-* реконструируется первичное значение *'ободранное, обмолоченное', для *-бара* – *'отнесенное, отброшенное'; для *тары-бары* – *'отходы производства' [2, с. 38].

Помимо этого, приведем примеры, когда подобные по образованию слова с корнем *тара-* имеют значение 'чепуха, пустое говорение':

тараторка 'чапушка':

[Деўки, иди́ти к сусетки, анна вам мно́га бра́вых тараторак напе́ть, ча́пушы́к разны́х, а мо́жыт, ишо ча́во збрыхайть] [11, с. 467];

таракать 'разговаривать, болтать':

Две старухи сошлись и таракают: девка, иди к нам потаракать;

тарантуха 'говорунья, болтунья':

Мнук молчаливый, не как бабушка – тарантуха [13, с. 63];

тарадайка 'болтушка, тараторка':

Всё не спишь, тарадайка ты такая [12, с. 532];

тарабонить 'болтать попусту, пустословить':

[Хто-небудь придет, тарабонит, тарабонит, вот уши памярки забил] [1, с. 524].

Слова с корнем *бара-* и похожей структурой также имеют значение 'чепуха, пустое говорение':

словен. *bāрати* 'спрашивать'; *bārli* 'шутка', болг.

диал. *барам* 'спрашиваю', польск. *baraszki* 'шутки, проделки', *barłożyc* 'болтать' и др. [7, с. 60];

барабара 'чепуха, вздор', *барабарить* 'тараторить'; *барабошить* 'вести себя беспокойно, болтать вздор' [17, т. I, с. 272];

барабара 'шалаш в поле; хижина из жердей; жилище бобров'¹, *барабарить* 'без умолку, быстро говорить, болтать, тараторить'; *барабать* 'говорить без смысла' [15, т. II, с. 99];

барабня 'болтун, пустомеля':

От такой барабни ничего путного не узнаешь;

бараболка 'пустая и глупая женщина'; *барабонить* 'говорить вздор'; *барабор* 'болтун';

бараборить 'болтать вздор'; *барабоха* 'сварливый человек, болтун, пустомеля';

барабоша 'тот, кто постоянно бормочет':

Барабоша ты, говоришь, что к носу пришло;

барабошить 'говорить вздор' (Там же, с. 101);

барабошка 'чапушка'; *барабошь* 'вздор, пустяк, бестолочь, чушь, дичь'; *барабун* 'болтун, хвастун';

барабуша 'словоохотливый человек, плохо, бестолково излагающий свои мысли':

Пошел барабуша – ничего не поймешь! (Там же, с. 102);

барамошить 'бормотать, лепетать' (Там же, с. 103);

барабаться 'перебиваться мелкой работой':

[Вот барабаешься, пока можэши];

барабола, барабоха, барабоша, барабуха, барабуша 'болтливый человек, пустомеля':

[Анна такая барабоха, што барабан, цэлы́й день гаманить. Барабоха и баба и мужык, ка́во ты барабошы́и? Матка ей́на барабоха. Барабоха у нас такой Вася. Он фсе́ любит пабалтать. Эту барабу́ху послу́хат, так уши забала. Барабу́ха языком балтая мно́га, хвастая, мно́га гаварит, а толку мала. Он такой барабу́ша, фсе́ попусту гаварит, слу́шат надаела];

барабошить 'говорить вздор, болтать':

[Барабошы́т мно́га, а па́рядачнава не аднаво слова] [10, т. I, с. 110].

Имеются и сходные исторические данные: *барабошить* 'шуметь, буяннить':

Перестань барабошить. Он час отчасу более бурлить и барабошить стал, и схватя палку, за людьми гоняться [16, т. I, с. 140].

М. Фасмер в статье *тороторить* указывает на похожие звукоподражания у Н.В. Гоголя, но не дает прямого объяснения происхождения слова: «*Тараторить, таратора* 'болтун', блр. *тараторыць*, цслав. *трѣторь* 'sonus', сербохорв. *трѣтосити* 'быстро трещать, болтать', словен. *trtráti, trtrám* 'шуметь, бормотать', чеш. *trátořiti* 'много болтать', словц. *trátoriti*': праслав. *tortoriti, редулицированное образование, ср. лит. *tar̃ti, tariù* 'говорю', др.-прусс. *tārin*

¹ Отметим предметное значение слова.

‘голос’, лтш. *târlât* ‘болтать, нести чушь’, *terêt, teñelêt* ‘болтать’ (*teterêt), греч. *τετοφῆσω* ‘произнесу громко и отчетливо’, др.-инд. *tārás* ‘резкий, пронзительный’. Ср. звукоподражания у Гоголя: *Тара, тара! тарата татата*, а также рус. *тарару́й* ‘болтун’, *тараруса*, *тара́ца* – то же, далее укр. *теркотати* ‘гремять’, *терликати* ‘щебетать’» [19, т. IV, с. 86–87].

Более решительно поступает П.Я. Черных. В статье *тараторить* указывается: «*Тараторить* ‘говорить быстро, много, громко о чем-либо незначительном’; ‘без умолку громко болтать’. В окающих говорах *тороторить*, *торотора*. Ср. слов. *trátorit* ‘много говорить’. В других славянских языках отсутствует. Несмотря на сравнительно позднее отражение в памятниках письменности, слова этой группы восходят к о.-слав. **tortor-*, представляющим собою удвоенный индоевропейский корень **tor-* ‘громкий, внятный’. Лит. *tarūti* > *tarīti* ‘произнести, выговорить, сказать’, греч. *τορος* ‘пронзительный’, др.-инд. *tārā-* ‘громкий’, хет. *tar* ‘говорить, называть’» [18, т. II, с. 229].

Слова подобного типа (с удвоением, редупликацией) являются очень древними и широко распространенными образованиями. Хеттские параллели к славянским структурам такого рода находим у Вяч. Вс. Иванова. Напр., хет. *galgal-*, др.-инд. *gargar-* по своей структуре в точности соответствует о.-слав. **golgol-*. Редупликация встречается также в хет. *ḫaḫḫarš* – ‘хихотать’, *taštašiya-* ‘шептать’, греч. *βαβαρ* – ‘говорить’. Хет. *pariprai-* ‘дуть’, по форме близкое к древнеиндийским редуплицированным глаголам типа вед. *saniṣvanat* ‘звучит’, представляет собой удвоение к *parai-* ‘дуть, раздувать’, также ‘дуть в рог’, ср. греч. гом. *Ἰπρηθου*, аггич. *πίπτρημι*, др.-инд. *prāna* ‘дыхание, жизненное дуновение’ [4, с. 105, 107]. Все это глаголы со значением звукового проявления.

И для о.-слав. *tor-toriti обнаруживается соответствие в анатолийском, ср. лув. *tatariya-* ‘проклясть’, *tatariyaman* ‘проклятие’; иер. лув. *tatar(i)a-*, лид. *tatro* ‘приказывать’. Как предполагает Вяч. Вс. Иванов, удвоение от **tor-* могло быть представлено в дописьменный период и в хеттском языке (Там же, с. 106).

Сама по себе редупликация встречается и в глаголах другой семантики. Бегло коснемся некоторых из них: ср. рус.-цслав. *плаполати* и *попырскать*. В церковнославянском глаголе *плаполати* ‘гореть’ мы имеем редуплицированную основу *pol-pol-a-ti. Редупликация носит экспрессивный характер, чем хорошо объясняется и отклонение в глагольном вокализме: не основной гласный *-e-*, а именной и перфектный гласный *-o-* [5, с. 40]. *Попырскать* ‘поплакать; попрыскать’ родственно *порскать*, *порох*. К значению см. инославянские соответствия [19, т. III, с. 333–334]: укр. *порс(ь)кати* ‘брызгать’, блр. *порскаць* ‘фыркать; чихать; хихикать’, сербохорв. *прскати* ‘брызгать’, словен. *prškati*, чеш. *prskati* ‘брызгать, прыскать; фыркать’, слов. *prskat* ‘брызгаться; сопеть; фыркать’. Древний корень с рефлексам в др.-инд. *prśan-* ‘пестрый, пятнистый’, лит. *pušlos* ‘брызги изо рта’, лтш. *pārsla* ‘снежинка, ледяная игла; также о хлопьях пепла, шерсти’, др.-исл. *fors* ‘водопад’, хет. *papparš* – ‘брызгать, опрыскивать’ и др., см. (Там же, с. 332–

333, на *порох*). Если *no-* в русском слове не приставка, а сохранение индоевропейской редупликации (см. хет. пример; аналогично *тараторить*), то слово в таком виде имеет возраст как минимум 3500 лет [6, с. 139–140].

Однако наибольшую популярность приобрели подобные образования именно со значением звукового проявления. К буквальным повторам в ходе развития языка присоединились повторы семантические. Выше были приведены примеры, к которым можно добавить имеющиеся в псковских говорах сходные значения *балабать*, *балаболить*, *балабонить*, *балакать*, *балахорить*, *балбениить*, *балботать*, *балмотать*, *барабанить*, *барабошничать*, *барахлестить*, *барахлить*, *барахолить*, *бахорить*, *шалаболить* и т.д. Ср. *балабола*, *балабоха*, *балакирь*, *балботуха*, *балмотун*, *барабола*, *барабоша*, *барабошка*, *барабуха*, *барабуша*, *барабушка*, *барахлила*, *бароха*, *бахора*, *шалаболка* [10, т. I, с. 110].

Есть основания думать, что исследуемое нами *тарабарка* имеет такую же внутреннюю форму, т.е. образовано от глагола *тарабарить* с семантическим повтором. Смысл такого повтора может быть двояким: либо это древнее звукоподражание, как в описанных выше примерах из древних языков, либо это комическое средство для выражения семантики пустого говорения.

1. Известен перенос названия со слова со значением ‘произведение звуков’ на предмет домашней утвари (напр., *грохот*, *грохотать* ‘произведение звуков’ > ‘сито, решето’). Это обусловлено тем, что большие промышленные решета производят сильный резкий шум. Мы полагаем, что отмеченная в донских говорах семантика сущ. *тарабарка* ‘деревянная решетка’ может быть связана с подобными обстоятельствами *тарабарить* ‘звукопроизводство’ > ‘решето’ > ‘решетка’.

Такая же связь отмечается и в других примерах: лит. *skrebėti, skrēba* ‘шуметь, шуршать, шелестеть’ ~ *skrēbalas* ‘побрякушка, погремушка’ ~ слав. *скребок* ‘различные орудия в домашнем быту и ремеслах’ [19, т. III, с. 656];

лтш. *duđināt* ‘издавать негромкие звуки, тихо разговаривать’ (Там же, т. I, с. 550) ~ *дудка* ‘музыкальный инструмент’ ~ *дудка* ‘рожок у подоюника’ [15, т. VIII, с. 247];

лит. *bambù, bambėti, bambiù, bambti* ‘ворчать’ [19, т. I, с. 226] ~ *бубен* ‘музыкальный инструмент’ ~ *бубен* ‘круглый лубочный короб с кожаным дном’ [15, т. III, с. 232];

стук звукоподражательного происхождения [19, т. III, с. 787] ~ *стукало, стукальце* ‘колотушка у сторожа’ ~ *стукалка* ‘дрягалка, дубинка или палица’ [3, т. IV, с. 584].

Приведем еще одно слово, имеющее конкретно-чувственное значение и подтверждающее семантическую связь между говорением и предметностью:

барабара ‘шалаш в поле; хижина из жердей; жилище бобров’ ← *барабарить* ‘без умолку, быстро говорить, болтать, тараторить’; *барабать* ‘говорить без смысла’; *нести барабару* ‘говорить вздор, чепуху’ [15, т. II, с. 99].

Встречаются и обратные случаи. Так, славянская лексика свидетельствует о возможности развития значения 'болтать' у лексем, обозначающих различные производственные процессы: рус. диал. *бороновать* 'болтать; говорить вздор', *сучить* 'судачить; болтать', *чередить* 'ощипывать перья, пух, теревить; болтать попусту', чеш. *přástvu* 'домашний способ обработки льна и конопли; посиделки; разговор', слов. диал. *trepat'i* 'мять коноплю; болтать' [2, с. 38].

В говорах Забайкалья сущ. *тарабара* со специфической семантикой 'негодная, изношенная вещь, которая больше не пригодится в хозяйстве; лохмотья' заставляет думать, что это лишь заключительный этап семантического развития, истоки же его следует искать в сфере вещественного, поскольку значение 'болтовня' базируется здесь на первичном 'негодная вещь, лохмотья' (ср. также рус. диал. *лабуда* 'рваная, изношенная одежда, хлам, тряпье' и 'пустой разговор, чушь, чепуха') (Там же, с. 37).

2. Труднее вывести таким образом анализируемое нами значение 'подставка из трех палок'. Между тем оно не является случайным, о чем свидетельствуют следующие факты:

тарaborка (тараболка) 'колыбель из брусьев, подвешивалась к трем соединенным сверху столбикам':

[*Тараболки вазили ф поля. Тараборку вешали, в ней дитё*] [14, т. III, с. 153, т. I, с. 524];

тарабошка – то же, что *тараболка*:

[*Тарабошка – лехкая люлька, три палки наставят, полагам накроют, и анна висит*];

тарабрыки 'связанные сверху жерди, служащие основой для шалаша':

[*Зделают тарабрыки три-четыре палки, высоки, длинныи, кверху их скрыпляют*] [1, с. 524].

Поскольку предмет, обозначаемый лексемой *тарабарка*, представляет собой очень простое сооружение 'подставка из трех палок', т.е. на его изготовление нужны минимальные технические затраты, мы предполагаем, что его название могло возникнуть в связи со значением пустого говорения (*тарабарить*), также не требующего никаких умственных усилий. Имеются некоторые примеры того, как семантика 'пустого говорения' связана со значением 'хлам'. Напр., сущ. *чушь* имеет значения: 1) 'чуха, чушка, чурка для игры в городки', 2) 'бессодержательная речь', 3) 'пустяк' [19, т. IV, с. 388–389]. Сущ. *ворох* объединяет в себе значения 'шум' и 'хлам' (см. там же, т. I, с. 355: блр. *вóрох* 'шум', польск. *zawroch* 'метель, вихрь' и рус. 'груда, беспорядочная куча'²). Обычно указанные значения объединяют с производными от **vrěšti* 'молотить'. Но по характеру значения целесообразнее связывать *ворох* со звукоподражательным **vor-vor+s*, редуцированная основа которого проявляется в греч. *barbaroj* 'невнятно говорящий', а суффикс **-s-* – в слав. *голос*.

У слов, обозначающих нечто мелкое, незначительное, следует отметить возможность развития значения 'мелочь, мелкие вещи; домашняя утварь'. Ср. ст.-польск. *szczebrzuch, szczebrzuchy* 'домашняя ут-

варь; имущество; приданое невесты', которое считается производным от слабо засвидетельствованного *szczebrу* и сближается с рус. *щебень*. Решающим аргументом в пользу объяснения А. Брюкнера может считаться фиксация польск. *szczebrzuch* еще в одном значении, а именно: 'обломок, осколок' [9, с. 72].

Краткие выводы статьи заключаются в следующем: слова подобного типа (содержащие удвоения) являются очень древними и широко распространенными образованиями. Во многих лексемах, обозначающих бытовые термины, налицо семантический повтор, когда два синонимичных корня, связанных со звукоподражанием, повторяются для усиления значения или происходит редупликация. Подробно разобранная нами история слова *тарабарка* подтверждает эти общие положения.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. – Москва: Астрель, АСТ, 2003. – 608 с.
2. Варбот, Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях / Ж.Ж. Варбот // Этимология 1984. – Москва: Наука, 1986. – С. 33–40.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва: Астрель, АСТ, 2003. – 1144 с.
4. Иванов, Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол / Вяч. Вс Иванов. – Москва: Наука, 1981. – 272 с.
5. Кудрявцев, Ю.С. Морфонология старославянских глаголов IVб класса / Ю.С. Кудрявцев // Труды по русской и славянской филологии. Новая серия V. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2001. – С. 33–54.
6. Кудрявцев, Ю.С. Архаичная лексика в местных староверческих говорах / Ю.С. Кудрявцев // Труды по русской и славянской филологии. Новая серия VI. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. – С. 135–145.
7. Мельничук, А.С. Об одном из важных видов этимологических исследований / А.С. Мельничук // Этимология 1967. – Москва: Наука, 1969. С. 57–67.
8. Минлос, Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках / Ф.Р. Минлос. – Москва: РГБ ОД, 2004. – 184 с.
9. Петлева, И.П. Этимологические заметки по славянской этимологии / И.П. Пелева // Этимология 1994–1996. – Москва: Наука, 1997. – С. 57–72.
10. Псковский областной словарь с историческими данными. – Ленинград (С.-Петербург): Ленинградский университет, 1967. – 243 с.
11. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск: СО РАН, 1999. – 539 с.
12. Словарь русских говоров Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1979. – 605 с.
13. Словарь русских говоров Прибайкалья. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1989. – Вып. 4. – 143 с.
14. Словарь русских донских говоров. – Ростов: Русские словари. Астрель, АСТ, 1976. – Т. III. – 608 с.
15. Словарь русских народных говоров. – Москва; Ленинград (С.-Петербург): Наука, 1965. – 306 с.
16. Словарь русского языка XVIII в. – Ленинград (С.-Петербург): Наука, 1984. – 142 с.
17. Словарь современного русского литературного языка – Москва; Ленинград: АН СССР, 1948–1965. – 1340 с.
18. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П. Я. Черных. – Москва: Русский язык, 1994. – 1182 с.
19. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV. – 827 с.

² Ср. также влгд. *ворохостье* 'ворох дряни, хлама, куча тряпья' [3, т. I, с. 415].

O.G. Yagintseva

THE ETIMOLOGY OF DIALECTIC NOUN *ТАРАБАРКА (TARABARKA)*

The noun *тарабарка* (tarabarka) has ambiguous etymology. In order to bring some clarity, Olga Yagintseva considers reduplication as one of the most productive ways of word formation in various languages. A list of widely distributed ancient lexemes is given.

The author analyses the history of the word in detail, and as a result it is suggested that some semantic repetition of two onomatopoeic synonymous roots is possible in the composition of this word. In order to find out the origin of the lexeme stated in the title, the author considers the noun *тарабарка* in terms of semantics, word formation, and phonetics.

The current work is of practical importance primarily for etymologists, who can use the results and conclusions in their further research, supplementing or disputing them. In addition, starting investigators can use the provided list of lexemes which are formed with the help of reduplication.

Etimology, тарабарка (tarabarka), reduplication, semantic and phonetic analysis.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470.12)

Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

ПРОЕКТ «ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗЕМЛЯКИ. ПАМЯТЬ В ВЕКАХ»

Сокольская (ранее – Кадниковская) земля имеет богатую историю. В статье излагается концепция исследовательского и издательского проекта «Выдающиеся земляки. Память в веках», посвященного знатным уроженцам этой территории. Описаны этапы планируемой работы, структура биографической статьи, приводятся образцы таких статей и данные о краеведческой литературе, которая может быть источником проектируемой книги.

История родного края, энциклопедический справочник биографий, биографическая статья, организация работы редакционного совета.

В 1932 г. поселки Сокол и Печаткино были объединены в город Сокол, 2 марта 1932 г. образован Сокольский район. В марте 2022 года исполняется 90 лет городу Соколу и Сокольскому району.

Все нынешнее богатство Сокольской земли создали ее жители, их трудом построен город, они прославили Сокольскую землю в области, сделали известной в Российской Федерации, в пределах Советского Союза и в государствах Европы. Талантливые люди – вот главная слава и гордость Сокольской земли.

Именно эта мысль положена в основу научного и издательского проекта «Выдающиеся земляки. Память в веках». Конкретной целью проекта является объединение научных, педагогических и краеведческих сил для сбора, систематизации сведений о выдающихся людях района и написания о них очерков энциклопедического формата. Содействие преемственности поколений, актуализация творческого потенциала нынешних поколений – вот цель этого проекта. Подготовка энциклопедического справочника – планируемый результат проекта. Справочник персоналий объемом в один том (25–30 уч.-изд. листов, цветные иллюстрации на вклейках и черно-белые иллюстрации в тексте, твердый переплет) – идеальное воплощение поставленной задачи. Справочник по мере подготовки будет размещаться на сайте музея, а затем появится в печатном варианте таким тиражом, чтобы он находился в библиотеках, в учебных заведениях, чтобы его можно было вручить и героям этой книги. Энциклопедический справочник предназначается для широких читательских кругов. Аналог такого рода в области один: это книга «Гордость земли Кичменгско-Городецкой» [1].

Первый и основополагающий этап работы над энциклопедией – составление словника (алфавитного перечня заглавных слов). Словник будет иметь отраслевую классификацию, т.е. учитывать профессиональный статус человека. На первом этапе словник может быть максимально полным, он будет подвернут

анализу и оценке с учетом мнения историков-краеведов и ветеранов.

Одновременно будет начато создание специальной картотеки биографий выдающихся людей района. Карточки будут оформляться в электронном виде и направляться в районный музей, который станет депозитарием, т.е. главным хранителем картотеки.

Территориальные рамки материалов справочника – Сокольский район в его современных административных границах. По поводу исторических деятелей, биографии которых предполагают учет соседних территорий, будут сделаны оговорки.

Верхняя хронологическая граница – 1 января 2022 года. Нижняя граница – вся письменная история Сокольской земли. Даты до 1 февраля 1918 г. обозначаются по юлианскому и григорианскому календарям, последующие – по григорианскому.

Отраслевые словники учтут следующие области жизнедеятельности и занятий сокольчан:

- государственные деятели (руководители органов власти России, Вологодской губернии, Сокольского района, наркомы (министры) СССР, РФ);
- почетные граждане района, города;
- защитники Отечества (полные георгиевские кавалеры, Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры ордена Славы, генералы и адмиралы);
- герои труда (Герои Труда, Герои Социалистического Труда, заслуженные работники, имеющие соответствующее звание);
- деятели науки (академики и члены-корреспонденты государственных академий, доктора наук);
- религиозные деятели – основатели местных обителей;
- писатели;
- деятели искусства, имеющие государственные почетные звания и другие государственные награды (народные и заслуженные художники, артисты, музыканты);

- спортсмены и тренеры (мастера спорта);
- известные краеведы.

Отраслевые словники будут готовить отраслевые проблемные группы, руководствуясь строго определенными критериями отбора объектов описания.

В справочник включаются биографические справки о знаменитых земляках, родившихся в Сокольском районе или проживших здесь не менее 5 лет.

Отдельно разрабатывается система условных сокращений, однообразная по всему корпусу книги.

Статьи располагаются в алфавитном порядке. Они считаются авторскими и подписываются фамилией автора, который несет ответственность за качество фактического материала и за соблюдение стандарта статьи. Предостережение авторам: ошибка, попавшая в энциклопедию, неисправима! К тому же с учетом авторитетности энциклопедического справочника она может тиражироваться.

Все статьи редактируются руководителем отраслевой группы и главным редактором. Если статья не окажется удовлетворительной по объему и по качеству, она может быть заказана другому автору.

В конце книги будет дан общий список заглавных слов в алфавитном порядке, а также список использованной литературы.

В начале книги планируется вступление от редакции (объясняются особенности издания, дается список составителей), на отдельных страницах – изображения герба, флага и текст стихотворения-песни о Соколе. В начале книги от имени главы района публикуется очерк о современном состоянии экономики и социальной сферы района.

Для организации работы создается редакционный совет энциклопедического справочника, который утверждается распоряжением главы района о подготовке и издании книги «Выдающиеся земляки». Распоряжение содержит указание руководителям муниципальных органов, учреждений и организаций района содействовать работе по подготовке книги и предоставлять справочный материал по письменной просьбе редакционного совета.

Вся работа проходит в три этапа:

1. Выработка концепции справочника, составление отраслевых словников, разработка статей-образцов и системы условных сокращений.
2. Составление общего алфавитного словника, написание статей, научное редактирование статей.
3. Техническая подготовка текста, размещение текста на сайте района и издание книги.

Словарные статьи будут различаться по объему, глубине и конкретности описания с учетом значимости описываемого деятеля. Объем статьи – от 400 до 1200 знаков, в зависимости от места данного лица в истории региона, истории отечественной культуры или истории государства.

Главные особенности энциклопедического текста: 1) отсутствие оценочных слов (оценкой значимости является сам факт включения в энциклопедию), точность (достоверность), полнота конкретного описания. Статьи могут сопровождаться перечнем использованных источников.

Структура биографической статьи:

– фамилия, имя, отчество, статус лица (общественно-политический, общественно-культурный, профессиональный);

– *первая часть*: биографические сведения (дата рождения, дата смерти – учесть старый и новый стиль, родители – сословное происхождение или род занятий, сведения об образовании – когда и что окончил, справка о служебной деятельности: когда и где работал, темы диссертаций – для ученого, участие в общественной жизни);

– *вторая часть*: описание профессиональной, творческой и общественной деятельности, государственные награды;

– *завершение*: библиография (справка о его научном наследии (не более 5 работ) и о работах, посвященных данному лицу (не более 3 работ).

Образцы

Дилакторский Прокопий Александрович (15 (28) 1868 – по другим данным в 1862 г., Кадников Вологодской губ. – 10 (25) 1910, С.-Петербург) – библиограф, этнограф, языковед. Род. в обедневшей дворянской семье. Учился в Вологодском реальном училище, не закончил. Служил в Кадниковской земской управе: зав. отделом народного образования. В начале 1890-х годов переехал в Вологду. 1895 – выпустил лит. сб. «Вологжанин». Печатается в «Петербургских ведомостях». 1902 – основал публичную библиотеку. 1904 (1905) – переезд в С.-Петербург. 1907 – женитьба на Е.К. Богдановой. Под рук. акад. А.А. Шахматова составил «Словарь вологодского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» (издан в 2006). Участвовал в подготовке «Словаря русского языка», готовил материалы для А.А. Шахматова, Н.К. Никольского, С.П. Розанова, В.И. Срезневского, Б.Л. Модзалевского. Писал этнографические и литературоведческие материалы для журналов «Природа и люди», «Север», «Нива», «Этнографическое обозрение» (эти работы до сих пор не выявлены). 1905–1910 – сотрудник журнала «Исторический вестник».

Похоронен на Волковом кладбище. Его архив в 1911 куплен Вологодским обществом изучения Северного края.

Труды: Каталог Вологодской публичной библиотеки. Вып. 1–2. Вологда, 1898; Вологжане-писатели. Вологда, 1900 (130 имен); Указатель литературы по Северному краю с 1766 до 1904 года. Вологда, 1921 (в список включены 40 наименований работ Дилакторского); Словарь областного вологодского наречия. СПб., 2006.

О нем: Тарутин А.А. П.А. Дилакторский (из личных воспоминаний) // Опыт указателя литературы по Северному краю. 1921; Вологодская энциклопедия. Вологда, 2006; О жизни и творчестве П.А. Дилакторского // Словарь областного вологодского наречия. СПб., 2006.

Серов Иван Александрович (12(26).08.1905, д. Анфимовская (Афимовская) Сокольский р-н – 1.07.1990, Москва) – гос. деятель. Род. в крестьянской семье. Окончил школу в Кадникове (1923). Зав. Замошской районной избой-читальней, с 18 лет – пред. Замошского сельсовета Кадниковской волости. Кур-

сант Ленинградской пехотной школы артиллерийского училища (1925–1928), служба в Северо-Кавказском военном округе командиром взвода. 1931 – учеба на артиллерийских курсах. Затем служба в войсках: командир батареи в г. Каменске. 1932 – женитьба на В.И. Абрамовой (состояли в браке 58 лет). 1933 – г. Винница, помощник начальника штаба артполка. 1934 – слушатель Военно-инженерной академии РККА. 1936–1939 – учеба в Военной академии им. Фрунзе, майор. 1939 – зам. начальника, начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции; начальник секретно-политического отдела ГУГБ НКВД. В том же году – нарком внутренних дел УССР, комиссар госбезопасности 3 ранга. 1941 – первый зам. наркома НКГБ, член Военного Совета ВВС. 1943 – зам. наркома внутренних дел, комиссар госбезопасности 2 ранга, 1945 – генерал-полковник. 1947 – 1 зам. министра внутренних дел. Первый председатель Комитета госбезопасности (1954). Генерал армии (1955). Начальник ГРУ Генштаба Вооруженных сил СССР (1958). «За потерю политической бдительности» лишен звания Героя Советского Союза, разжалован в генерал-майоры, назначен пом. командующего Туркестанского военного округа, затем – Приволжского военного округа (1963–1965). 1965 – уволен в запас.

Награды: Герой Советского Союза (1945, лишен звания в 1963), орден Ленина: 1940, 1942, 1945 (лишен в 1963), 1952, 1955, орден Красного Знамени: 1943, 1944 (лишен в 1962), 1950, 1955, орден Суворова 1 степени: 1944 (лишен в 1962), орден Кутузова 1 степени (1945, 1956), орден Отечественной войны 1 степени (1985).

Труды: Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2017.

О нем: Хинштейн А.Е. Славянский шкаф генерала Серова // Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2017.

Фишер Генрих Матвеевич (9(22).04.1871, с. Андреевское, Марьинская волость, Ярославская губ. – 22.03.1935, Москва) – деятель революционного движения, организатор производства. Род. в семье германских поданных в имении князя Куракина. Окончил городское высшее начальное училище в Рыбинске (1887). Работал на фабриках С.-Петербурга. С начала 1890-х годов входит в рабочие кружки, знакомится с Г. Кржижановским, В. Ульяновым (Лениным). 1894 – первый арест, ссылка в Архангельскую губ. 1899 – Саратов, работа токарем на заводе, участие в революционном движении. Здесь женится на Л.В. Корнеевой, отбывавшей ссылку. 1901 – выезд в Англию, переправлял в Россию газету «Искру» и оружие. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП. 11.07.1903 – родился сын, названный в честь Вильяма Шекспира Вильямом (Вилли). 1914 – получение британского гражданства. 1921 – возвращение в Россию, которую всегда считал своей Родиной. 1922 – зав. архивом Коминтерна. Вместе с женой приняты в Общество старых большевиков (ОСБ): он – член бюро, она – зав. клубом, живут в Кремле. Дружба с А.И. и М.И. Ульяновыми. 1924 – выводят из бюро ОСБ,

увольняют с работы в Коминтерне. 1925 – управляющий объединенной фабрикой «Сокол». Проводит перестройку предприятия: смена перекрытия бумажной фабрики, построен новый кирпичный корпус, расширен машинный зал, смонтирован второй дефибрер. Переоборудуется цех по выработке бумаги, построена новая ТЭС. Внедряются изобретения О.К. Гиллера (1866–1942), отдавшего фабрике 32 года, – позже доктора технических наук и Героя Труда. Фабрика готовит для себя специалистов в вузах Ленинграда и направляет на стажировки в США. Предприятие вышло на второе место в стране по производству продукции. Г.М. Фишер был членом Вологодского губкома РКП(б). Л.В. Фишер создала общество «Друзья детей» и была его председателем. 1928 – возвращение в Москву: возглавляет секцию в институте, пишет статью о Ленине в ж. «Старый большевик». 1931 – выходит на пенсию. 1935 – скончался от воспаления легких. Прах Генриха Матвеевича и его жены Любови Васильевны (1881–1944) покоится на новом Донском кладбище рядом с могилой их сына Рудольфа Абеля (Фишера Вильяма Генриховича). Рудольф Абель так сказал о своих родителях: «Они были жизнерадостными, развитыми, образованными, деятельными, идейными, бескорыстными и честными».

Награды: представлялся Вологодским губсовпрофом к званию Герой Труда.

Труды: Фишер Г.М. В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890–1921 гг.). М., 1922 (переиздана с дополнениями в 1931).

О нем: Большая советская энциклопедия. Т. 57. М., 1936; Долгополов Н.М. Абель – Фишер. 2 изд. М., 2011 (ЖЗЛ); Лоцилов О. Мой Сокол. Сокол, 1999.

В качестве образцов могут быть использованы биографические статьи, размещенные в «Вологодской энциклопедии» и пособия «Вологодская энциклопедия: методические материалы» [2–3], книгах «Здравоохранение Вологодчины», «Генералы и адмиралы Вологодчины», «Герои Вологодчины», «Художники Вологодской области XX – начала XXI века» [4–7]. Обстоятельные очерки о знатных уроженцах Сокольской (ранее – Кадниковской) земли представлены в книге «Выдающиеся вологжане» [8] и в богатой краеведческой литературе, изданной в Соколе [9].

Предложения для включения в Словник

Алаев Александр Николаевич – доктор медицинских наук

Аликов Иван Федорович – вице-адмирал

Андреев Николай Агапиевич – доктор медицинских наук

Аристова Валентина Сергеевна – почетный гражданин, Сокольский ЦБК

Бантле-Субботина Надежда Андреевна – Герой Труда

Барашков Василий Афанасьевич – Герой Социалистического Труда, почетный гражданин

Беляева Людмила Павловна – заслуженный врач РСФСР (Беляевская Л.П.)

Беляева Т.Ф. – заслуженный врач РСФСР

Бобылев В.Я. – профессор

Бойцов Сергей Дмитриевич – полный георгиевский кавалер
Бухмичева Римма Михайловна – начальник областного казначейства
Ванерикова Надежда Александровна – директор школы № 1, заслуженный учитель РФ
Вахрамеев Вячеслав Вячеславович – финалист Всероссийского конкурса «Учитель года»
Волков Альберт Александрович – заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук, почетный гражданин
Востров Владимир Андреевич – генерал-полковник
Гаврикова Екатерина Ивановна – ЦРБ, почетный гражданин
Гаврилин Валерий – композитор
Гиллер Оттон Карлович (1866–1942) – доктор технических наук, Герой Труда, технический директор фабрики «Сокол»
Глебочева Полина Николаевна – заслуженный врач РСФСР
Гольдин Александр Александрович – почетный гражданин, Сокольский ЦБК
Горлов Сергей Алексеевич – заслуженный врач РФ
Гуркова Валентина Васильевна – заслуженный учитель школы РСФСР
Данилова Ольга Николаевна – Герой Социалистического Труда
Дилакторский Прокопий Александрович – краевед
Драпкин Леонид Аркадьевич – заслуженный врач РФ, почетный гражданин
Дроздецкий С.И. – профессор, врач
Дуганов Виктор Константинович – заслуженный врач РФ
Душичев Алексей Григорьевич – генерал-майор
Дьячков Борис Александрович – директор Сокольского ЦБК, почетный гражданин Сокола
Елфачев Аvenir Алексеевич – директор комбината бытового обслуживания, ордена Трудового Красного Знамени, Знак Почета
Еремеев Анатолий Аркадьевич – учитель, почетный гражданин Сокольского района
Жичкин Георгий Ильич – врач, заслуженный работник культуры РСФСР
Зародов Михаил Витальевич – глава администрации Сокола, почетный гражданин
Заседателей Вячеслав Васильевич – Герой Советского Союза, почетный гражданин
Игнашов Алексей Павлович – почетный гражданин, Сокольский ЦБК
Казачковский Василий Михайлович – гендиректор Сокольского ДОКа, почетный гражданин Сокола
Калин Николай Григорьевич – Герой Социалистического Труда
Киселева Наталья Сергеевна – кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ
Ковалева Галина Борисовна – заслуженный работник здравоохранения РФ
Козичев Михаил Александрович – генерал-майор
Колыгин Борис Александрович – доктор медицинских наук

Корбаков Владимир Николаевич – народный художник России, академик
Коротаев Виктор Вениаминович – писатель
Корытов Виктор Александрович – заслуженный врач РФ, почетный гражданин
Костров Борис Александрович – генерал-майор
Кочнева Евстолия Александровна – почетный гражданин, ДОЗ-21
Кошин Михаил Николаевич – заслуженный врач РФ
Красильников С.Н. – директор школы № 1, заслуженный учитель РСФСР
Куксенко Николай Андреевич – кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР
Лебедева Ксения Сергеевна – заслуженный врач РСФСР
Левина Любовь Армасовна – заслуженный врач РФ
Левичев Василий Николаевич – зам. начальника Генштаба РККА
Лимин Борис Васильевич – главный государственный санитарный врач по Вологодской области, доктор наук, заслуженный врач РФ
Лимина Нина Николаевна – врач, заслуженный учитель РСФСР
Лошилов Олег Феодосиевич – глава города, почетный гражданин
Мазалецкий Гурий Дмитриевич – доктор технических наук
Макарова Татьяна Семеновна – директор школы № 1, почетный гражданин Сокола
Макаровская Олимпиада Сергеевна – учитель, почетный гражданин
Мамонов Николай Васильевич – Герой Советского Союза
Мартюшев Валентин Федорович – директор Сокольского мясокомбината, почетный гражданин Сокола
Мельников Аполос Алексеевич – полный кавалер ордена Славы
Михайлова А.Н. – заслуженный врач РСФСР
Молотков Юрий Александрович – заслуженный учитель РФ, победитель конкурса «Учитель года»
Москвина Ольга Алексеевна – заслуженный врач РФ
Невгень Виталий Алексеевич – почетный гражданин, Сокольский ЦБК
Непенин Николай Николаевич – технический директор фабрики «Сокол», доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР
Никешичев Николай Алексеевич – генерал-полковник
Никитин Александр Николаевич – заслуженный врач РСФСР
Никифоров Георгий Михайлович – генеральный директор «Солдека», почетный гражданин
Новожилов Лев Сергеевич – директор Сокольского лесопромышленного политехникума, заслуженный учитель РФ
Ноздрунова Александра Митрофановна – заслуженный врач РСФСР, почетный гражданин
Онохин Сергей Михайлович – Герой Социалистического Труда

Орешков Сергей Николаевич – Герой Советского Союза
 Паничев Валентин Николаевич – генерал-полковник юстиции
 Папурина Анна Александровна – Герой Социалистического Труда
 Петров Николай Андреевич – Герой Советского Союза
 Плетнев Евгений Николаевич – почетный гражданин, Сокоldrев
 Поздняков Иван Анатольевич – заместитель губернатора области
 Половников Юрий – кинематографист
 Рванин Анатолий Леонидович – председатель горисполкома, почетный гражданин
 Редько Николай Владимирович – полный кавалер ордена Славы
 Рожнова Полина Константиновна
 Романов Александр Александрович – писатель
 Романов Павел Александрович – доктор медицинских наук, лауреат Государственной премии СССР
 Попова М.А. – заслуженный экономист России
 Ростовцев Владимир Петрович – директор «Солдека»
 Рывкин А.И. – профессор, врач
 Рыжова Валентина Антоновна – почетный гражданин, ДОЗ-21
 Ряжкина Надежда – заслуженный мастер спорта РФ
 Селиванова Галина Константиновна – заслуженный работник культуры РФ
 Серов Иван Александрович – председатель КГБ СССР
 Сиряева Фаина Константиновна – Герой Социалистического Труда
 Смирнов Александр Павлович – генерал-майор
 Собенина Вера Алексеевна – заслуженный врач РСФСР
 Соболев Александр Васильевич – почетный гражданин, Сокольский ЦБК
 Соколов Николай Владимирович – заслуженный врач РФ
 Соловьев Сергей – заслуженный мастер спорта
 Сучков Андрей Федорович – Георгиевский крест I степени
 Тарасовская Людмила Николаевна – заслуженный работник здравоохранения РФ
 Тараторин Михаил Евстафьевич – заслуженный врач РФ
 Тимофеев Владимир – художник, первый председатель Союза художников Вологды
 Торгованов Павел Иванович – заслуженный врач РСФСР

Тюрин Платон – академик Академии живописи
 Тюхов Александр – заслуженный учитель РФ, почетный гражданин
 Фишер Генрих Матвеевич – Герой Труда
 Хрипель Геннадий Тимофеевич – председатель Законодательного собрания, заслуженный юрист РФ
 Цветков Александр Павлович – заслуженный врач РСФСР
 Чичкин Александр Васильевич – почетный гражданин, Сокольский ЦБК
 Чурсанов Степан Анисимович – председатель горисполкома, почетный гражданин
 Шабанин Алексей Алексеевич – Георгиевский крест I степени
 Шехтман Аркадий Моисеевич – начальник 21 завода, председатель совета ветеранов Сокола, почетный гражданин
 Шилов Николай Николаевич – Герой Социалистического Труда
 Яржин Генрих Генрихович – Герой Советского Союза

Литература

1. Гордость земли Кичменгско-Городецкой / [Администрация Кичменгско-Городецкого района; сост.: П.М. Лукин, И.О. Еремеева, Т.А. Погудина]. – Вологда: Альфа-Принт, 2013. – 336 с., ил.
2. Вологодская энциклопедия. – Вологда: ВГПУ: Русь, 2006. – 608 с., ил.
3. Вологодская энциклопедия: методические материалы. – Вологда: Легия, 2001. – 140 с.
4. Здравоохранение Вологодчины: энциклопедический справочник / гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда. 2009. – 324 с.
5. Генералы и адмиралы Вологодчины // Энциклопедический словарь биографий. – Вологда: ИНП «Фест», 2009. – 288 с.
6. Герои Вологодчины // Энциклопедический словарь биографий. – Вологда: ИНП «ФЕСТ», 2011. – 320 с.
7. Художники Вологодской области XX – начала XXI века: библиогр. словарь // ред. В.В. Воропанов. – Вологда: Арника, 2011. – 335 с.
8. Выдающиеся вологжане / гл. редактор Г.В. Судаков. – Изд. 2. – Вологда: ВГПУ, 2010. – 656 с.
9. Образцами такого рода являются работы: Т. Лавтакова. Сокольский район: На волне перемен. – Вологда, 2007; О.Ф. Лошилов. Мой Сокол. – Сокол, 1999. – 396 с.; Лошилов Олег Феодосьевич. Годы, люди, их дела. 1999; Н. Чуева. Время и люди. – Кн. 1–3. – Сокол, 2004–2007; Н.В. Чуева. Сокольский район. Страницы истории. – Сокол, 2007; Н.В. Чуева. Есть личный счет к поре военной. – Сокол, 2019; Чуева Н.В. Тернистый путь к возрождению былой славы. – Сокол, 2012; Шехтман Аркадий Моисеевич. Сокольские зарисовки. 1995; А.А. Шехтман. Сокол деловой и творческий. – Сокол, 2002. – 286 с.

G.V. Sudakov

PROJECT «OUTSTANDING FELLOW COUNTRYMEN. MEMORY THROUGH THE CENTURIES»

Sokolsky (former Kadnikov) district has a rich history. The article presents the conception of the research and editorial project «Outstanding Fellow Countrymen. Memory through the Centuries». The project is devoted to the remarkable people born in the district. Gury Sudakov represents the stages of the work on the encyclopedia and the structure of the biographical entry; gives examples of such entries; recommends local literature as a source for the future encyclopedia.

History of native land, biographical encyclopedia, biographical entry, organization of the editorial board work.

С.М. КИБАРДИНА: ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЙНЫМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Коллектив редколлегии «Вестника Вологодского государственного университета» поздравляет с юбилейным Днем рождения заведующего кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, доктора филологических наук, профессора Светлану Михайловну Кибардину!

С.М. Кибардина в течение многих десятилетий связана с германистикой: ее школьным учителем был известный в Вологде педагог З.Ш. Щерцовский, во время обучения на факультете иностранных языков Вологодского государственного педагогического института С.М. Кибардина училась у В.А. Хомякова, одного из известнейших российских специалистов в сфере изучения сленга, получила диплом с отличием, уже во время студенчества начала заниматься исследовательской деятельностью, публиковать первые научные статьи в межвузовских сборниках научных трудов. В середине 70-х и в 80-е гг. С.М. Кибардина обучалась в аспирантуре и работала над докторской диссертацией в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН), сотрудничала с выдающимися российскими языковедами: С.Д. Кацнельсоном, В.М. Павловым, А.В. Бондарко, В.С. Храковским, Ю.С. Масловым и др., исследовала проблемы валентности немецкого глагола. Научные интересы С.М. Кибардиной связаны с вопросами теории грамматики, лексической и грамматической семантики, с когнитивной лингвистикой, лингвистической типологией, теорией и практикой перевода. Эти интересы реализовались в научных статьях и монографиях автора, в международных научных конференциях, организацией которых С.М. Кибардина и ее коллеги занимаются на протяжении многих лет.

Более 45 лет Светлана Михайловна Кибардина обучает студентов немецкому языку. Начав в 1971 году преподавательскую деятельность в должности ассистента кафедры немецкого языка Вологодского государственного педагогического института и более 25 лет проработав заведующим этой кафедрой, Светлана Михайловна создала в 2005 году кафедру лингвистики и межкультурной коммуникации и до настоящего времени руководит ее работой. Кафедра готовит переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации,

занимается научно-исследовательской и учебно-методической работой в сферах лингвистики и перевода. Учебную нагрузку С.М. Кибардиной составляют самые сложные лингвистические курсы: теория, история и методология языкознания, введение в германскую филологию, история немецкого языка, практика перевода. Под руководством С.М. Кибардиной были защищены двенадцать кандидатских диссертаций, авторы нескольких из них: Н.В. Глинкина (Груздева), Е.В. Разова, Н.А. Чубарова (Бондаренко), А.А. Червяков – продолжают свою преподавательскую деятельность в нашем университете.

Более двадцати лет С.М. Кибардина руководила организацией международных связей вологодских вузов, объединившихся в 2014 году в Вологодский государственный университет. По ее инициативе активно развивается сотрудничество с коллегами из немецких вузов – Рурского университета г. Бохума, университетов прикладных наук Бохума, Дармштадта, Мюнстера. В настоящее время С.М. Кибардина является председателем «Международного консорциума по изучению немецкого языка и культуры Германии», созданного в 2017 году в сотрудничестве с Институтом интенсивного обучения иностранным языкам при Рурском университете и объединившего специалистов из многих российских вузов. В течение ряда лет С.М. Кибардина была советником Главы города Вологды по вопросам развития и укрепления международных связей, ее деятельность была направлена на адаптацию в российских условиях опыта социальной работы немецких партнеров, что способствовало развитию социальной структуры города и повышению квалификации специалистов социальных учреждений. С.М. Кибардина награждена грамотами и благодарностями Губернатора Вологодской области, Главы города Вологды, почетными грамотами Министерства образования СССР, имеет нагрудный знак «Отличник просвещения СССР».

С момента учреждения рецензируемого научного журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки» С.М. Кибардина вошла в состав его редколлегии. Благодаря редакторской работе Светланы Михайловны в журнале осуществились

публикации научных статей по лингвистике и лингводидактике, выполненные на материале германских языков (О.А. Бурсина, Е.А. Красильникова, А.С. Румянцева, др.), а также лингвостилистические исследования, посвященные художественному своеобразие современной немецкой прозы (Н.Л. Фишер). В соавторстве с В.В. Сдобниковым, заведующим кафедрой теории и практики английского языка и перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и председателем правления Союза переводчиков России, С.М. Кибардина неоднократно публиковала на страницах «Вестника» отчеты о проведении международных научных конференций по проблемам перевода и межкультурной коммуникации.

От имени всей редакционной коллегии «Вестника Вологодского университета» хочется пожелать Светлане Михайловне Кибардиной долгих лет плодотворной работы, талантливых учеников, реализации самых смелых ожиданий и новых творческих удач!

С Днем рождения!

М.В. Ричауд

*Адъюнкт-преподаватель кафедры мировых языков и культур
Американский университет, Вашингтон, США*

Уважаемая Светлана Михайловна!

От всей души поздравляю Вас с юбилеем! Вы были для меня настоящим ментором и ролевой моделью на разных этапах моего становления в профессии. Хотя прошло уже более 20 лет, до сих пор вспоминаю Ваш курс общего языкознания, который был действительно серьезным, научным и во многом открыл для меня чудесную науку лингвистику. Огромное спасибо и за неоценимую помощь в написании моей дипломной работы! Вы были самым лучшим рецензентом.

дителем, настоящим Лидером, и я всегда чувствовала Ваше уважение к моим профессиональным качествам. Коллектив нашей кафедры был сплоченной командой, в которой нам было весело и интересно работать.

Очень Вам благодарна и за полезные советы при поступлении в аспирантуру, и за положительный отзыв на автореферат. И, конечно, часто с теплотой вспоминаю годы работы под Вашим руководством на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации. Вы были очень внимательным, чутким руко-

До сих пор во время преподавания курса сравнительного страноведения России и США здесь, в Вашингтоне, я часто вспоминаю Вас – ведь это Вы мне в свое время поручили читать курс межкультурной коммуникации. И теперь мои американские студенты узнают о тех теориях и концепциях, с которыми я в свое время познакомилась благодаря Вам.

Желаю Вам прежде всего здоровья, долгих лет жизни и дальнейших успехов в научной работе, преподавании и лидерской деятельности!

А.В. Преображенский

*кандидат филологических наук,
профессор факультета непрерывного образования
Сенека колледж прикладного искусства и технологий
Торонто, Онтарио, Канада*

Уважаемая Светлана Михайловна!

Хочу поздравить Вас с наступающим юбилеем! Для меня Вы являетесь олицетворением неутомимого поиска, неиссякаемой энергии и непринужденной искренности. Вы, как никто другой, умеете создавать вокруг себя творческую атмосферу и объединять людей, которые могут и любят работать на совесть, которые ставят перед собой непростые задачи и всегда идут вперед, невзирая ни на что.

Я отношу себя к этому кругу людей, и мои успехи, как и успехи десятков других, есть результат Вашего влияния, Вашего внимания и Вашей дружеской поддержки.

Я желаю Вам здоровья и сил, чтобы не прекращать творческую деятельность! Желаю, чтобы Вас окружали счастливые люди, которые бы приносили радость Вам!

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ

Л.В. Егорова

*доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка ВоГУ*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КИБАРДИНА С.М., ВАШИК К. ОТКРЫТИЕ ИКОНЫ. ЛЕКСИКОН ИКОНОПИСИ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Р.ВАЛЕНТ, 2018. 412 с.

В 1-м издании, вышедшем в Вологодском государственном университете в 2015 году, лексикон иконописи включал более 1700 понятий, теперь он превысил 1800. Обращаясь к читателям, историк и культуролог А.В. Камкин (1950–2017) отмечал: «Важнейшим условием прогнозируемого успеха книги можно признать отбор слов (тезаурус, словник). Именно систематичность в отборе слов становится гарантом полноты и своего рода знаком качества издания. За этим стоит грандиозная работа составителей, вызывающая большое уважение к ним. 1800 словарных статей! Это убедительное доказательство широты взгляда на икону, многомерности ее анализа и прочтения» (с. 3).

Через лексикон иконописи мы устремляемся к открытию иконы, осознанию тайны человеческого достоинства в ее христианской интерпретации, приобщению к святой традиции. Слово «икона» происходит от греческого *εἰκών* – предельно насыщенного слова, с большим количеством глубинных коннотаций, означающего, прежде всего, «изображение, образ, подобие». Все творение функционирует как «икона». Невидимый Логос и Сын Божий есть, по апостолу Павлу, образ Бога невидимого (2 Кор. 4, 4; Кол. 1, 15).

Что именно является предметом изображения в художественном и духовном контекстах иконописи? Софийная реальность. Когда иконописец поглощен образами исполненных благодати, божественная благодать становится видимой и осязаемой через человеческую форму. Разговор об этом всегда сокровенен и требует духовного труда. Книга возвращает к незыблемой шкале ценностей. В ней – мастерство, знание, мудрость, свет.

Авторы – Светлана Михайловна Кибардина, лингвист-германист, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, и Клаус Вашик, доктор философии, историк, филолог, культуролог; с 2013 года он является директором Института интенсивного обучения иностранным языкам при Рурском университете Бохума.

Лексикон включает понятия по следующим темам: иконографические сюжеты; техника создания иконы (инструменты, краски, лаки и др.); история иконописи, известных иконописцев; богословские и богослужебные понятия; термины церковной архитектуры, необходимые для понимания смысла икон;

известные иконы Богоматери и Иисуса Христа с переводом на немецкий язык.

В книге можно получить мгновенную справку, но в целом она требует медленного чтения, системного изучения. Авторы в предисловии отмечают: «Цель книги – собрать воедино материал, который позволил бы приблизиться к пониманию иконы и, кроме того, заставил задуматься не только о смысле и значении самой иконы, истории и технике иконописи, но и об истории России в контексте европейской истории, о роли изобразительного искусства в жизни людей» (с. 4). Книга важна для историков, искусствоведов, теологов, лингвистов, переводчиков, гидов-экскурсоводов. Статьи столь интересны, что побуждают продолжить чтение на русском, немецком, английском, греческом языках, обратиться к иллюстрациям. Я понимаю, насколько бы возросла цена книги, будь она сопровождается качественными изображениями, но книга достойна того: хочется видеть описываемое, начиная с «абаки» («плита, составляющая верхнюю часть капители, колонны, полуколонны, пилястры и имеющая в дорическом, древнеионическом и тосканском ордерах простую четырехугольную форму, а в новоионическом и коринфском ордерах, как и в римском композиционном ордере, – форму четырехугольника с усеченными углами и вогнутыми внутрь сторонами, на каждом из которых и в середине помещен скульптурный орнамент, обычно в форме стилизованного цветка» – с. 7) и до иконы «Чернобыльского Спаса».

Прагматическая цель книги, прежде всего, – лингвистическая: дать четкое понимание терминологии по-русски и перевод всех представленных понятий на немецкий язык. Невозможно не согласиться с авторами: «Как фрагмент языковой картины мира лексика иконописи представляет собой интересный и пока еще недостаточно изученный объект лингвистических исследований» (с. 5).

В лексиконе продемонстрировано мышление в предельно отчетливых категориях. Словарные статьи насыщены, так в «иконе», например, говорится об отличии православной иконы от католической, разности икон по технике исполнения (энкаустические, мозаические, темперные; иконы, написанные в технике масляной живописи, и т.д.; иконы вышитые, литые, резные, печатные или типографские и т.д.), по сюжетам, количеству изображаемых персонажей, количе-

ству самостоятельных композиций, масштабам изображаемых фигур и др. После отсылки к «Символике иконы» следуют статьи, посвященные иконе

- адописной (Ikone mit verborgenen lästerlichen Darstellungen),

- аналойной (Tagesikone),
- в рост или ростовой (ganzfigurige Darstellung),
- венчальной (Trauungsikone),
- вольяшной (от вливать), литой (gußeiserne Ikone),

- выносной, процессиальной (Vortrageikone, Prozessionsikone),

- домово́й (Hausikone),
- житийной (Vitenikone, Vitaikone),
- запрестольной, заамвонной (Altarbild),
- именной (Namensikone),
- кружалальной – иконе круглой формы (runde Ikone),

- мерной, родимой (Maßikone),
- местной, наместной (Ortsikone),
- месячной (Monatsikone),
- минейной, минее (Monatsikone, Menäenikone),
- мироточивой (Myron auslösende Ikone),
- мозаической, мозаичной, мусийной (Mosaiki-kone, Mozaikikone),

- моленной (fürbittende Ikone),
- на стекле (Hinterglasikone),
- надвратной, вратной (Torikone),
- намоленной (bebetene Ikone),
- настенной (Wandikone),
- обетной (Gelöbnisikone, Votivikone),
- оглавной (Kopfbild),
- орудной (Brustbild),
- оплечной (Schulterbild),
- особой, собинной («eigene Ikone»),
- патрональной (Patronatikone),
- подносной (Schenkungsikone),

- подкладной (im sichtbaren Bereich bemalte Oklad-Ikone),

- подризной (teilmaltes Ikone mit schwerem Beschlag),

- подуборной (teilmaltes Ikone mit Gold- oder Silberbeschlag),

- подфолежной (Ikone mit dünnem blattartigem Messingoklad),

- подфурной (künstlich gealterte Ikonne),
- поклонной (Verehrungsikone),
- поясной (halbfigurige Darstellung),
- променной, раздаточной (Ikone, die den Pilgern geschenkt oder verkauft wird),
- путной (Reiseikone),
- пядничной, пяднице (handflächengroße Ikone),
- разгибчатой (Klappikone),
- рознице (Ikone mit Darstellung einiges Heiligen, einfigurige Heiligendarstellung),
- ростовой (ganzfigurige Darstellung),
- складной (Klappikonne),

- храмовой (1. Ikone mit Darstellung des Schutzheiligen der Kirche. 2. Kirchenikone),

- чудотворной (wundertätige Ikone, Gnadenbild),

- штилистовой (Ikone in den Maßen von 6 Werschok),

- явленной (Ikone wundersamer Herkunft and Erscheinung).

Лексикон предоставляет знания (статьи упорядочены по алфавиту, начиная с «Аарона» и заканчивая «Яхве») и – энергию осмысленного выбора, какое слово для перевода предпочесть. Приложения посвящены

- православным иконам Богоматери (от «Абалакской, Абалацкой/Gottesmutter(ikone) vom Abalazkij-Kloster, Gottesmutter vom Dorf Abalak» до «Ярославской/Gottesmutter(ikone) von Jaroslawl, Jaroslawler Oranta»),

- католическим иконам Богоматери («Аннунциата/Annunziata» – «Черная Мадонна Ченстоховская/Gottesmutter(ikone) von Tschenstochau/die Schwarze Madonna von Tschenstochau»),

- иконам Иисуса Христа («Ангел Благого Молчания, Благое Молчание/(Erlöser) Heiliges Schweigen» – «Элемон, Элеимон, Елемон, Спас Милостивый/Eleemon, Der Barmherzige»).

Как свидетельствуют авторы, «часто речь идет о поиске существующего эквивалента, восходящего к тому же источнику или/и сложившегося в результате конфессиональной и иконописной традиции. В языковом отношении (по своей семантике и форме) такой эквивалент может существенно отличаться от оригинала. Некоторые православные богослужебные понятия и иконописные термины не имеют эквивалентов и могут быть только транслитерированы или переведены описательно» (с. 5).

Представив книгу студентам, я не могла не обратить внимания, что они, взглянув в «Лексикон», тут же обращались к поисковику. Думая, что в слове «бессребреник» допущена ошибка, они с удивлением открывали для себя, что, ожидая, например, «бессребреника», ошибались как раз они: в древнерусском языке были корни «сребро», «злато», следовательно, написание «бессребреник» закономерно. Книга бесконечно богата на разного рода открытия – не только лингвистического плана, но и искусствоведческого, исторического, теологического, культурологического.

Удобно, что в словах поставлены ударения, в переводах на немецкий язык у ключевых слов указан грамматический род. Авторы оговорили, что по причине того, что книга содержит как общехристианские понятия, так и понятия, связанные с различными конфессиями христианства, их написание приведено в соответствие с нормами современного русского литературного языка, отраженными в справочных изданиях Российской академии наук (может несколько отличаться от норм, принятых внутри Русской православной церкви) (с. 5–6).

«Лексикон иконописи» – это тот случай, когда духовность книги насущна практически.

В.Я. Иванова

*кандидат филологических наук, кандидат культурологии,
доцент кафедры новейшей русской литературы
Иркутского государственного университета*

**О «ВНУТРЕННЕЙ» БИОГРАФИИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КОРОЛЬКОВ А.А. НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА. ОЧЕРКИ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. СПб.: Росток, 2018. 272 с.**

Книга А.А. Королькова «Нравственная философия Валентина Распутина» – один из первых шагов в собирании «внутренней» биографии писателя Валентина Григорьевича Распутина. «Внутренней», то есть биографии души писателя, протекания его внутренней жизни, не видимой другими и оберегаемой им. Многие, знавшие Валентина Григорьевича, отмечают его замкнутость, немногословие и молчаливость, застенчивость – все это сохраняло невидимым внутренний мир писателя, приоткрываемый лишь в художественном и публицистическом творчестве. То, что сейчас может подсказать знаки духовного пути прозаика, – это письма, неоконченные рукописи, пометки в записных книжках. Но последние две формы отражения внутреннего мира писателя почти отсутствуют. Остаются письма Распутина и воспоминания близких людей. А близкий круг писателя был очень узок.

К кругу любимых людей, которым Валентин Распутин доверял, относится А.А. Корольков, сыгравший главную роль в знакомстве писателя с иеромонахом Романом (Матюшиным). А.А. Корольков первым написал о личных и творческих связях писателя и духовного поэта, тем самым открыв новую страницу изучения прозы В. Распутина в соотношении ее с поэзией иеромонаха. Письма Валентина Распутина, опубликованные в книге, отражают заботу об отце Романа, мысли о нем: вопросы о здоровье, обмен письмами, передачу поклонов. Творческие связи двух авторов – одна из неисследованных страниц в распутиноведении.

Книга содержит философские статьи А.А. Королькова, раскрывающие отдельные аспекты мировоззрения Валентина Распутина: культурологический, духовно-православный, нравственный. В книгу входят дневниковые записи автора о встречах с писателем и письма Валентина Распутина. В предисловии к книге автор определяет чувство как особенность русского философствования, включая в эту не западную философскую парадигму миропонимание Валентина Распутина, тем самым определяя цель своего труда как раскрытие Распутина-мыслителя, но «мыслителя ранимой души». Рассмотрение единства чувства с мыслью, первенства нравственного над рациональным в итоге расширило цель сборника, в котором миропонимание писателя рассматривается в согласии с его личностными качествами, с сокровенными гранями души.

В первой статье «Философия культуры Валентина Распутина» А.А. Корольков утверждает, что уже в 80-е годы в своей публицистике Валентин Распутин выра-

жал идеи отечественной религиозной философии, идущей от православной традиции. Философия культуры писателя заключается в опоре на эти традиции, укреплении их в сознании народа, сохранении собранности, переживании душевной боли за родину. Культурными опорами для писателя, по мнению автора, были Достоевский, Василий Шукшин, преподобные Сергей Радонежский, Серафим Саровский, оптинские старцы, Иоанн Кронштадтский. В следующей статье «Культура как культ предков» автор рассматривает философию писателя, представленную в художественном творчестве. Образы распутинских старух, тема старости, образ матери и связанный с ним мотив памяти в прозе Валентина Распутина не только укрепляют в отечественной культуре родное, коренное, но и обеспечивают ее будущее. Обращение к красоте народного слова – важная сторона миропонимания писателя. В этом Валентин Распутин видит условие сохранения идентичности русского народа. Автор статьи убежден в органичности соединения художественного, философского и публицистического начал в творчестве писателя [2, с. 29]. В статье «Валентин Распутин и традиции русской нравственной философии» А.А. Корольков рассматривает Валентина Распутина как наследника философии Гоголя и Достоевского, традиций православной этики. В эту традицию автор включает также подвижническую деятельность писателя в сохранении русской культуры. Интерес А.А. Королькова к связям творчества Валентина Распутина с русской религиозной философской мыслью укрепляет новую тенденцию в распутиноведении, представленную работами А.Г. Гачевой, А.П. Козырева, А.А. Тесли и других.

Книга отмечает важнейшие вехи духовного пути писателя. В первую очередь, известное малому кругу людей крещение писателя в г. Ельце 22 сентября 1980 года после празднования 600-летия Куликовской битвы. Об этом очерк «Крещение как духовное преображение». Поездка в Тобольск 2002 года с целью передать Тобольской и Тюменской епархии старинную икону святого Иоанна Тобольского описана в очерке «Вершина Сибири». Важной страницей в духовной биографии писателя является организация в Иркутске и Иркутской области Дней русской духовности и культуры «Сияние России». В другом очерке «Утрачена ли ранняя повесть Распутина о любви?» говорится о неопубликованной повести Валентина Распутина. Дается биографический контекст ее создания, тем самым предлагается материал для размышления, научных поисков и обобщений.

Целостность содержания книги обусловлена позицией собирания знаков внутренней жизни писателя, отражающих путь духовных обретений. И логично, что центральной в книге является личность Валентина Распутина. В бытовых деталях, житейских ситуациях, разговорах раскрывается душа писателя, его действующая и действенная нравственная философия. Невидимые большинству людей, непубличные особенности характера писателя могут помочь исследователю в постижении его творчества. Следует признать, что полнота раскрытия души писателя возникает благодаря личности автора книги, что отчетливо проявляется в тональности и доверительности писем.

В разделе «Письма Валентина Распутина» опубликованы сорок три послания, адресованные А.А. Королькову в период с 7 ноября 1985 года по 9 ноября 2012 года. Интересные биографические факты обнаруживаются в «Предуведомлении к письмам»: история дружеских отношений В.Г. Распутина и А.А. Королькова, сближение их семей, подробности личных и семейных встреч, детали домашнего уклада писателя, его привычки, описание библиотеки, помощь Светланы Ивановны Распутиной в работе мужа, его садово-огородная увлеченность. Здесь же упоминается о прототипе главного героя рассказа «Век живи – век люби». Развернутые комментарии к письмам воссоздают подробную биографическую канву их появления.

Письма Валентина Распутина открывают глубокие стороны души писателя, его «внутреннюю» жизнь: трепетное отношение к матери, заботу о близких и друзьях, совесть, готовность помочь, постоянную загруженность делами других, любовь к жене Светлане и чувство потери себя после ухода ее из жизни, страдания от болезней, молитвы писателя, душевную боль. В них обнаруживается объяснение своей неловкости и молчаливости: «Я готов раскрыться и вывернуться почти наизнанку, но делать этого я не умею; моя искренность искренна, но неловка. Я разговариваю и понимаю больше чувством, и в этом смысле мне казалось, что мы сказали друг другу многое» [2, с. 203]. Можно согласиться с автором

книги в том, что письма ценны «исповедальными, почти молитвенными обращениями» [2, с. 189]. Искренние, доверительные признания Валентина Распутина в письмах имеют статус документа и неопределимы в развитии распутиноведения. Они дают дополнительный материал о поездках писателя, в том числе заграничных, о привязанности его к Иркутску и родной деревне, о жизни в Москве. Важно отметить, что объем эпистолярного наследия Валентина Распутина на данный момент трудно представить, так как письма рассредоточены по всему миру, и многие открытия, извлеченные из них, еще впереди.

Книга А.А. Королькова является ценным источником биографической информации о личных и творческих связях Валентина Распутина с Василием Беловым, Виктором Астафьевым, Федором Абрамовым, Леонидом Бородиным, Владимиром Крупиным и многими другими русскими писателями, а также с Валентином Курбатовым, Владиславом Чернушенко, Георгием Свиридовым, Валерием Гаврилиным, Анатолием Пантелеевым. Книга содержит информацию о встречах Валентина Распутина с американским профессором и переводчиком Джерри Майкельсоном. В ней обозначены соответствия с фактами из других воспоминаний, например из воспоминаний А.С. Гурулева, давнего друга В.Г. Распутина [1].

Книга проиллюстрирована редкими, ранее не публиковавшимися фотографиями из семейного архива автора. Владея писательским словом, А.А. Корольков выразительно и увлекательно сообщает о многочисленных событиях, поездках, встречах, разговорах, сохраняя научную достоверность описанного. Для распутиноведов и исследователей новейшей русской литературы книга А.А. Королькова является, безусловно, необходимым научным источником.

Литература

1. Гурулев, А.С. Остановиться... и оглянуться. Воспоминания о Распутине / А.С. Гурулев. – Иркутск: Сибирь, 2017. – 192 с.
2. Корольков, А.А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники / А.А. Корольков. – Санкт-Петербург: Росток, 2018. – 272 с.

Е.Н. Ильина
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ

О.Н. Крылова
кандидат филологических наук, ученый секретарь
Института лингвистических исследований РАН

ВСЕРОССИЙСКАЯ ШКОЛА-СЕМИНАР МОЛОДЫХ ЛЕКСИКОЛОГОВ, ЛЕКСИКОГРАФОВ И ЛИНГВОГЕОГРАФОВ – 2018

Всероссийская школа-семинар молодых исследователей-лингвистов при Институте лингвистических исследований РАН существует уже более десяти лет: ежегодно студенты, аспиранты, специалисты и преподаватели из различных регионов России обсуждают проблемы изучения структуры и семантики слова, специфики его функционирования в различных сферах коммуникации, а также вопросы составления словарей и лингвистических карт. Формат семинара включает в себя лекции известных российских ученых – специалистов в области лексикологии, лексикографии, лингвистической географии и других отраслей лингвистики, обсуждение научных докладов молодых исследователей и публикацию их научных статей. Лекторами Школы-семинара за десятилетие его существования были Ю.Д. Апресян, А.А. Бурыкин, К.Р. Галлиуллин, А.С. Герд, В.Н. Калиновская, И.Б. Качинская, Л.Я. Костючук, М.А. Кронгауз, И.А. Мальшева, Т.В. Махрачева, С.А. Мызников, М.Н. Приемьшева, Т.К. Ховрина, О.М. Фишман, Е.Н. Шаброва (Ильина), Л.Л. Шестакова. В числе лекторов семинара попробовали свои силы и участники семинара, молодые кандидаты наук С.А. Ганичева и Ю.Н. Драчева. Начиная с 2012 года в программу семинара вошла подготовка и обсуждение проекта лингвистических карт в соответствии с инструкциями «Лексического атласа русских народных говоров» и на материале его картотеки. За время своей работы Школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов приняла более трехсот участников из различных городов России, а также их молодых коллег из Беларуси, Казахстана, Китая, Украины. По итогам работы семинара состоялась публикация семи научных

сборников [1], большинство из которых проиндексировано в РИНЦ.

Организаторами работы Школы-семинара в течение всех лет ее существования были Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН и кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. Научные интересы этой кафедры в течение многих лет были связаны с созданием региональных словарей: ономастических (Ю.И. Чайкина), толковых (Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина), словарей языка писателей-вологоджан (Л.Г. Яцкевич) и др., а также с изучением проблем русской лингвистической географии (С.А. Ганичева, Е.Н. Ильина). С 80-х годов XX века преподаватели и студенты вуза под руководством Т.Г. Паникаровской и Л.Ю. Зориной включились в работу по сбору сведений для «Лексического атласа русских народных говоров», а также в подготовку лингвистических карт по его проекту.

Если заседания Школы-семинара в самом начале его существования предполагали обсуждение широкого спектра проблем лексикологии, лексикографии и лингвистической географии, то в 2013 году оргкомитет семинара принял решение проводить тематические заседания, фокусировать внимание всех выступающих на одной научной проблеме, имеющей важное значение для развития отечественной лингвистики. Так, в 2013 году молодые исследователи обсуждали специфику электронной формы хранения и репрезентации лингвистических данных, в 2014 году обращались к проблеме отражения в слове динамики культурного пространства России, семинар 2015 года

был посвящен проблеме работы с источниками лексического материала, заседание 2016 года рассматривало специфику междисциплинарных связей в процессе создания словарей и лингвистических карт, в 2017 году Школа-семинар рассматривала лингвоперсоналогические аспекты лексикологии и лексикографии, наконец, заседание 2018 года было посвящено феномену устной речи и специфике его отражения в словаре и на лингвистической карте.

В рамках пленарного заседания Школы-семинара 2018 года состоялись две лекции: Н.В. Богданова-Бегларян, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, прокомментировала методику фиксации устной речи жителей Санкт-Петербурга в рамках проекта «Один речевой день» [2] и на собранном по этой методике речевом материале охарактеризовала специфику устной бытовой речи современного горожанина; Ю.Н. Драчева, доцент Вологодского государственного университета, обратила внимание на специфику бытовой речи Русского Севера как прототип медиаобраза устноречевой культуры и описала особенности этого медиаобраза в российской прессе XIX – начала XXI вв. [3]. Секционные заседания рассматривали живую речь как объект диалектологии (доклады К.Е. Абрамовой, А.Ю. Андриановой, Н.Ю. Баженова, Е.А. Воропаевой, Д.Н. Гальцовой, Л.В. Грищенко, А.О. Железовой, О.А. Королевой, И.В. Лазаренко, Н.С. Мерзликиной, М.С. Миронович, М.В. Пановой, Л.В. Сабуровой, А.А. Семеновой, Н.В. Шевченко), как источник лексикологических и лексикографических исследований (доклады Т.С. Власовой, Т.Д. Капустинной, Н.Г. Каралашвили, С.В. Коваленко, А.А. Махлиной, В.А. Мельничук, В.С. Москаленко), а также комментировали бытование устной речи в различных дискурсивных практиках (доклады А.В. Загуменнова, Н.Н. Зубовой, И.М. Магдеевой, А.А. Медведевой, А.В. Попова, Д.А. Сазинной). Завершили работу семинара доклады, посвященные характеристике современных тенденций развития лингвистической геогра-

фии (С.А. Ганичева) и специфике «Лексического атласа русских народных говоров» (М.Д. Королькова).

Многолетний опыт сотрудничества Института лингвистических исследований РАН и Вологодского государственного университета при подготовке и проведении заседаний Школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов показал, что нами была выбрана весьма продуктивная форма в сфере научной социализации молодых исследователей-лингвистов. Она обеспечивает установление и поддержание научных контактов, дает возможность плодотворного публичного обсуждения проблематики, методики и результатов исследований на разных этапах их реализации: от студенческого доклада до докторской диссертации, служит делу сохранения традиций научных школ и преемственности поколений, позволяет расширить кругозор молодых исследователей, нацелить их на решение серьезных научных задач.

Литература

1. Современная русская лексикография. – Санкт-Петербург: Наука, 2010; Современная русская лексикография. 2011. – Санкт-Петербург: Наука, 2011; Современная русская лексикография. 2012. – Санкт-Петербург: Наука, 2012; Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013; Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014; Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2015. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015; Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2016. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016.
2. Богданова-Бегларян, Н.В. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи / Н.В. Богданова-Бегларян, Т.Ю. Шерстинова, О.В. Блинова, Г.Я. Мартыненко // Анализ русской разговорной речи: труды седьмого междисциплинарного семинара. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2017. – С. 14–20.
3. Драчева, Ю.Н. Трансмиссия языка традиционной народной культуры Русского Севера: монография / Ю.Н. Драчева. – Вологда: ВоГУ, 2016. – 248 с.

М.С. Черкасова

*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии ВоГУ*

ОБ ИТОГАХ XXXVI-й СЕССИИ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

25–28 сентября 2018 г. в г. Брянске на базе Брянского государственного университета состоялась XXXVI-я сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В 2012 г. здесь уже проходила его сессия (XXXIII-я). Подобные авторитетные научные форумы регулярно организуются с 1958 г.: в начале ежегодно, а с 1978 г. – раз в 2–3 года. Первый Симпозиум прошел в Таллине по инициативе эстонских ученых. На первых порах доклады исследователей отражали изучение проблем позднего феодализма и раннего Нового времени (XVI–XIX вв.), затем хронология их была «удревнена» до эпохи Киевской Руси, а с 1965 г. включила темы по аграрной истории советского периода. С этого момента именно докладами советской секции открывались программы и сборники материалов Симпозиума, и лишь с Московской сессии 1994 г. историческая хронология этих научных собраний вернулась на свое законное место, то есть к Древней Руси.

С 2002 г. доклады по тематике XVIII в. были введены в работу первой секции (от Киевской Руси), а вскоре в нее вошли и исследования по первой половине XIX в. Это объясняется диспропорцией в распределении ученых – основная их масса специализируется не на ранних столетиях, а по XIX–XX вв. С 1994 г. утвердился порядок проведения сессий только по четным годам раз в 2 года. Проблема омоложения корпуса специалистов в области аграрной истории звучала в Брянске, как и в других местах проведения Симпозиумов, в качестве одной из основных.

Брянская сессия 2018 г. стала юбилейной, посвященной общей теме «Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.». Симпозиум проходил под эгидой Отделения историко-филологических наук РАН и Института славяноведения РАН при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Работой же Симпозиума в межсессионный период руководит Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы РАН. Активно функционирует и регулярно обновляется сайт Симпозиума в Интернете, на котором можно найти исчерпывающие сведения о всех сессиях и изданиях этого научного форума, фотогалерею его мероприятий, биографические очерки и портреты «отцов-основателей».

Выбор во второй раз Брянского государственного университета для проведения Симпозиума должен расцениваться как признание высокого качества научных школ этого вуза, причем не только в гуманитарной, но и технической и сельскохозяйственных сферах. Об этом было сказано на заключительном пленарном заседании представителем РФФИ И.Н. Слепневым,

давшим высокую оценку научно-исследовательских и издательских проектов ученых БГУ, поддерживаемых фондом на протяжении последних 10–15 лет. Кроме того, Брянская область – активно развивающийся сельскохозяйственный регион Российской Федерации, и одно из передовых фермерских хозяйств было продемонстрировано участникам Симпозиума в рамках культурной программы по окончании докладов и сообщений.

В содержательной своей части Симпозиум включал два пленарных заседания (первое и заключительное) и работу трех секций. После обычных на открытии подобных мероприятий приветствий от областной и университетской администраций прозвучал большой проблемный доклад председателя Программного оргкомитета, доктора исторических наук Е.Н. Швейковской об исследованиях по аграрной истории России в постсоветский период. Внимание докладчицы было сфокусировано на сессиях Симпозиума, состоявшихся в 1991–2016 гг. Переломной в проблематике Симпозиумов стала Свердловская 1991 года сессия, сконцентрировавшая внимание участников на вопросах аграрного рынка, роли товарно-денежных отношений на разных исторических этапах в эволюции аграрного и социального строя. Одной из сквозных проблем на сессиях постсоветского периода был также вопрос о власти и властных структурах в регулировании сельскохозяйственного производства и налогообложения. На Вологодской сессии 2000 г. внимание участников было сосредоточено на комплексном рассмотрении проблемы крестьянской зажиточности и ее исторических типах, степени приспособляемости и выживаемости крестьянских хозяйств к разным историческим условиям.

В работе Рязанской сессии 2010 г. в центре внимания были вопросы источниковедения аграрной истории, совершенствования методов обработки массовых источников (писцовых и переписных книг, экономических примечаний к Генеральному межеванию XVIII–XIX вв., бюджетных обследований, приговоров волостных судов и др.), применения историко-географических и геоинформационных технологий к обработке массовых статистических данных. Продуктивным стало привлечение к работе первой («древней») секции археологов-русистов, специализирующихся на изучении памятников позднего Средневековья. «Отталкиваясь» от археологических материалов, специалисты стремятся к сквозному анализу источников по аграрной истории русского Средневековья и раннего Нового времени – актов феодального землевладения и хозяйства, материалов поземельного кадастра XV–XVII вв., «вотчинных хозяйственных

книг», экономических примечаний к Генеральному межеванию.

Примечательной чертой Симпозиумов последней четверти века стал анализ научного наследия классиков историко-аграрной науки – А.М. Анфимова, В.А. Александрова, И.А. Бульгина, В.П. Данилова, Н.А. Горской, Н.Ф. Демидовой, И.Е. Зеленина, Л.В. Милова, С.Д. Сказкина, П.В. Советова, В.К. Яцунского, «Персонифицированные» аспекты историографии выступили на первый план и при рассмотрении классиков исторической науки дореволюционного периода – М.В. Довнар-Запольского, М.К. Любавского, В.Б. Антоновича, С.Ф. Платонова. Анализировались также взгляды и крупных теоретиков экономической мысли Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова; некоторых современных зарубежных авторов, например Ш. Фитцпатрик.

Еще одна новация в Симпозиумах постсоветского периода – это проведение «круглых столов», интегрирующих усилия исследователей из разных периодов, более рельефно высвечивающих многоаспектность, многогранность ряда сквозных проблем. Методике обработки обширных и разноплановых материалов писцового делопроизводства был посвящен круглый стол во время Вологодской 2000 г. сессии; проблемам продовольственной безопасности России – круглый стол на Рязанской сессии 2010 г.; экономической дифференциации крестьянства в годы Первой мировой войны – круглый стол на Самарской сессии 2014 г.

Несмотря на большие организационно-финансовые трудности 1990–2000-х годов, историко-аграрная наука, помимо Симпозиумов, продолжала развиваться и в форме региональных научных конференций, особенно активно проводимых в Поволжье, Приуралье и Сибири (Казань, Чебоксары, Йошкар-Ола, Ижевск, Новосибирск). Региональные и общероссийские мероприятия плодотворно дополняют друг друга. Научная активность ученых Поволжья и Приуралья обогащает науку углубленным изучением эволюции аграрного строя в этническом измерении, учетом

этно-конфессиональных аспектов его эволюции. Это находит отражение и на Симпозиумах в выступлениях наших коллег из Башкирии, Марийской и Чувашской Республик.

Если вернуться к только что состоявшейся Брянской сессии, в работе ее первой секции комбинировались заседания по двум подсекциям (Киевская Русь – XVII в. и XVIII – первая половина XIX в.) и двум совместным заседаниям. Вологду на Симпозиуме представляли доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии М.С. Черкасова и научные сотрудники ООО «Древности» А.Л. Грязнов и Д.А. Пшеницын. Доклады М.С. Черкасовой (ездит на Симпозиумы с 1986 г.) и А.Л. Грязнова (во второй раз участвует в Симпозиуме) были озвучены на первой подсекции (до XVII в. включительно). Они были посвящены: доклад А.Л. Грязнова – проблемам княжеского вотчинного землевладения на Белоозере в XIV–XVI вв.; М.С. Черкасовой – сельскому духовенству на Русском Севере в контексте аграрной и социальной истории XVI–XVII вв. В докладе Д.А. Пшеницына, впервые участвовавшего в работе Симпозиума, были рассмотрены проблемы исторической демографии черносошного крестьянства Устюжского уезда по нетрадиционным массовым источникам церковного происхождения. Его доклад, сопровождаемый тщательно подготовленной презентацией, прозвучал на подсекции XVIII – первой половины XIX в. и вызвал интерес у опытных специалистов. Были заседания и подсекций, и совместные заседания в рамках всей первой секции.

На заключительном пленарном заседании Брянской сессии всеобщее одобрение вызвали слова доктора исторических наук В.А. Ильиных о том, что нам, историкам-аграрникам, есть чем заниматься и мы не зря едим хлеб, производимый теми самыми аграриями, которых изучаем.

Очередную, XXXVII-ю сессию Симпозиума по предложению члена оргкомитета М.Д. Карпачева решено провести в г. Воронеже в 2020 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богатырев Арсений Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и истории Поволжского православного института (Тольятти, Россия)
sob1676@yandex.ru

Виватенко Сергей Валентинович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры проектной деятельности в кинематографии и телевидении Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)
svivat@bk.ru

Гладких Сергей Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Котласского филиала Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова (Котлас, Россия)
sgladkih@inbox.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Загуменнов Александр Владимирович

специалист по связям с общественностью Вологодского областного центра медицинской профилактики (Вологда, Россия)
zaw1991@mail.ru

Зелезинская Наталья Станиславовна

старший преподаватель кафедры теории практики перевода Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия)
zelennew@tut.by

Иванова Валентина Яковлевна

кандидат филологических наук, кандидат культурологии, доцент кафедры новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)
i_valya@mail.ru

Ильина Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
filfak@list.ru

Ильиных Владимир Андреевич

доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
agro_iwa@mail.ru

Карпов Сергей Григорьевич

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
ksg-asics@yandex.ru

Квашнин Владимир Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права и политологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kvashninv195@mail.ru

Комиссарова Татьяна Германовна

педагог дополнительного образования во Дворце творчества детей и молодежи, магистр образования, соискатель Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
tatyana.komm@gmail.com.

Крылова Ольга Николаевна

кандидат филологических наук, ученый секретарь Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
krylova_olga2004@mail.ru

Лапердин Вячеслав Борисович

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
laperdin2011@mail.ru

Лисович Инна Ивановна

доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, заместитель начальника отдела основных и дополнительных образовательных программ Учебно-методического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета (Москва, Россия)
mag-inna@yandex.ru

Милованов Константин Юрьевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории педагогики и образования Института стратегии развития образования Российской академии образования (Москва, Россия)
milkonst82@mail.ru

Овчинников Анатолий Владимирович

доктор педагогических наук, заместитель заведующего лабораторией истории педагогики и образования Института стратегии развития образования Российской академии образования (Москва, Россия)
anatovch2014@yandex.ru

Петров Андрей Васильевич

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
avpetrov@atknet.ru

Половецкий Сергей Дмитриевич

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории педагогики и образования Института стратегии развития образования Российской академии образования (Москва, Россия)
polovez53@mail.ru

Преображенский Андрей Владимирович

кандидат филологических наук, профессор факультета непрерывного образования, программа подготовки преподавателей английского как второго языка, Сенека колледж прикладного искусства и технологий (Торонто, Онтарио, Канада)
andrey.preobrazhenskiy@tdsb.on.ca

Приятелев Вячеслав Викторович

кандидат исторических наук, исполняющий обязанности ректора Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kanz@vogu35.ru

Ричауд Марина Владимировна

кандидат филологических наук, адъюнкт-преподаватель кафедры мировых языков и культур Американского университета (Вашингтон, США)
mvrichaud@gmail.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин, и.о. директора Института истории и филологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Сабурова Людмила Вадимовна

преподаватель средней общеобразовательной школы № 3 (Вологда, Россия)
lyudmilka85@bk.ru

Сиволап Татьяна Евгеньевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры проектной деятельности в кинематографии и телевидении Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)
tntslp@mail.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
gvs035@rambler.ru

Черкасова Марина Сергеевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории культур и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
mscherkasova@mail.ru

Ягинцева Ольга Георгиевна

доктор философских наук, преподаватель РКИ Тартуской высшей школы здравоохранения (Тарту, Эстония)
lwiatko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bogatyrev Arseny Vladimirovich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of Theology, Philosophy and History, Volga Orthodox Institute (Togliatti, Russia)
sob1676@yandex.ru

Vivatenko Sergey Valentinovich

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Management and Media Communications, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)
svivat@bk.ru

Gladkikh Sergey Aleksandrovich

Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Human and Socioeconomic Studies, State University of Maritime and Inland Shipping named after Admiral S.O. Makarov (Kotlas Branch) (Kotlas, Russia)
sgladkikh@inbox.ru

Yegorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Zagumennov Aleksandr Vladimirovich

Public relations specialist, Vologda regional center of medical prevention (Vologda, Russia)
zaw1991@mail.ru

Zelezinskaya Nataliya Stanislavovna

Senior Lecturer of the Department of Translation and Interpretation, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
zelennew@tut.by

Ivanova Valentina Yakovlevna

Candidate of Philology, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Early Modern Literature of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
i_valya@mail.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
filfak@list.ru

Ilyinykh Vladimir Andreevich

Doctor of History, Head of Agrarian History Sector, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
agro_iwa@mail.ru

Karpov Sergey Grigorievich

Candidate of History, Associate Professor, Professor of the National History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
ksg-asics@yandex.ru

Kvashnin Vladimir Aleksandrovich

Doctor of History, Professor of the Department of State Law and Political Science, Vologda State University (Vologda, Russia)
kvashninv195@mail.ru

Komissarova Tatiyana Germanovna

Teacher of Supplementary Education, Art Center for Children and Young People; Master in Education; External PhD Student, Vologda State University (Vologda, Russia)
tatyana.komm@gmail.com.

Krylova Olga Nikolaevna

Candidate of Philology, Academic Secretary, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
krylova_olga2004@mail.ru

Laperdin Vyacheslav Borisovich

Candidate of History, Junior Research Fellow of the Agrarian History Sector, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
laperdin2011@mail.ru

Lisovich Inna Ivanovna

Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Basic and Additional Educational Programs of the Educational and Methodological Board, Russian Presidential Academy of National Economy and Public

Administration, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
mag-inna@yandex.ru

Milovanov Konstantin Yurievich

Candidate of History, Senior Research Fellow of the Laboratory of History of Pedagogy and Education, Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
milkonst82@mail.ru

Ovchinnikov Anatoly Vladimirovich

Doctor of Pedagogy, Deputy Director of the Laboratory of History of Pedagogy and Education, Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
anatovch2014@yandex.ru

Petrov Andrey Vasilievich

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
avpetrov@atknet.ru

Polovetsky Sergey Dmitrievich

Doctor of History, Professor, Leading Research Fellow of the Laboratory of History of Pedagogy and Education, Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
polovez53@mail.ru

Preobrazhenskiy Andrey Vladimirovich

PhD, TESL Ontario, Professor at Faculty of Continuing Education, Seneca College of Applied Art and Technology, Adult Day School Program, OCT (Ontario College of Teachers), TDSB (Toronto, District School Board, Canada)
andrey.preobrazhenskiy@tdsb.on.ca

Priyatelev Vyacheslav Viktorovich

Candidate of History, Acting Rector of Vologda State University (Vologda, Russia)
kanz@vogu35.ru

Richaud Marina Vladimirovna

Candidate of Philology, Adjunct Professorial Lecturer, Department of World Languages and Cultures, American University (Washington, DC, USA)
mvrichaud@gmail.com

Sablin Vasily Anatolievich

Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Acting Director of the Institute of History and Philology, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Saburova Lyudmila Vadimovna

Teacher of Russian and Literature, High Comprehensive School No.3 of Vologda (Vologda, Russia)
lyudmilka85@bk.ru

Sivolap Tatiana Evgenievna

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Management and Media Communications, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)
tntslp@mail.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
Stoletova-A-S@yandex.ru

Sudakov Gury Vasilievich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
gvs035@rambler.ru

Cherkasova Marina Sergeevna

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
mscherkasova@mail.ru

Yagintseva Olga Georgievna

Doctor of Philosophy, Teacher of Russian as Foreign Language, Tartu Health Care Collage (Tartu, Estonia)
lviatko@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия: Исторические и филологические науки
№ 1 (12) / 2019

Главный редактор В.А. Саблин

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписано в печать 26.06.2019. Выпуск в свет   Формат 60 x 84/8
Уч.-изд. л. 15,2. Усл. п. л. 15,5. Тираж 100 экз. (1-й з-д – 56). Заказ №   . Бесплатно

160000, Вологодская обл., г. Вологда, ул. Сергея Орлова, д. 6, каб. 202а

Отпечатано: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru